

Зера БЕКИРОВА

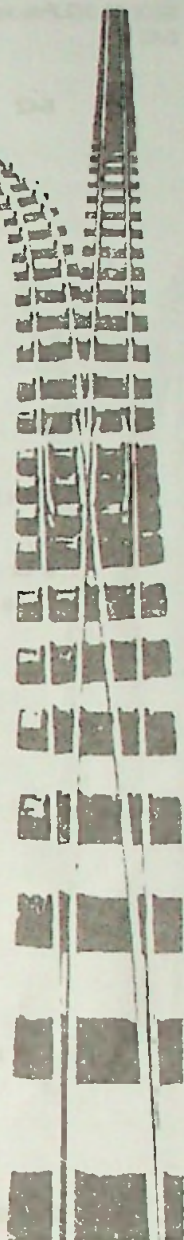
БУЛЬБУЛЛЕР ОТЪМЕГЕН ДАГЪЛАРДА...

570

Сюрпонлик ёмарынла,
гъурбет имерде
эбедиен къалган
саметдешлеримизниъ
азиз рухларына
багъышлана

- Б42** Бекирова З.
Бульбуллар отьмеген дагъларда... – Акъмесджит : ООО
«Форма»,
2020. – 224 с. – Къырымтатар ве рус тилинде..

1944 сенеси къырымтатар халкъы сюрюн этилип, сабыкъ Советлер Бирлигининъ беш улъкесининъ чешит виляетлери, узакъ кой ве къасабаларына даркъатылды. Русиенинъ бир Марий Эл джумхуриетине он бинъ дживарында къырымтатары кетирилип, къгъыт санайысында чалыштырылды. Ишбу китапта Марий Элде бугунде-бугунъ яшагъан къырымтатарларнынъ сюрюнлик хатыралары, алимлернинъ сюрюнлик мевзусында ильмий макъалелери ве репрессия къурбанларынынъ джедвели такъдим этильмекте.

ISBN 978-5-907263-38-3

ББК 63.3 (2 Рос.крм) 622-4

- Б 42** Бекирова З.
В лесах, где не поют соловьи... – Симферополь : ООО
«Форма»,
2020. – 224 с. – На крымскотатарском и русском языках.

В 1944 году крымскотатарский народ был выслан и расселён в различные области, дальние села и поселения пяти регионов бывшего СССР. В одну только Марийскую АССР было депортировано около десяти тысяч крымских татар для работы в целлюлозно-бумажной промышленности. В данной книге представлены воспоминания о депортации крымских татар, поныне проживающих в Республике Марий Эл, научные статьи о крымских татарах в Марий Эл, список крымских татар – жертв политических репрессий.

ББК 63.3(2 Рос.крм) 622-4

Китап ичиндеки фотолар Осман Хаяли, Нури Байрамов, Талип Талипов, Инает Джумаева, Венера Джелялова, Абхаир Абкелямов, Мурвет Гъаниева, Февзи Керимов, Мавие Джелилова, Зера Демирджи-Вишнякова Набир Бекиров, Руслан Хайрединев ве Зера Бекированынъ архивлеринден алынды.

ЗЕРА БЕКИРОВА

БУЛЬБУЛЛЕР ОТЪМЕГЕН ДАГЪЛЛАРДА...

Акъмесджит
2020

1944 сенесининъ майыс геджелери Ватанындан айырылгъан къырымтатарлар он учъ йыл девамында шиддетли комендант режими, ерлештирильдиги ерден учъ километр узакъкъа адым атмакъ ясакъ, бу арекетлери ичюн он-йигирми йылгъа къапатылмакъ къоркъузувлары шараитинде яшадылар. Ачлыкътан, хасталыкътан, асретликтен къырылдылар, Урал дагъларында къашкъыр ве аювларгъа, Орта Асия чёллеринде исе ач шакалларгъа ем олдылар. Къырымтатарларгъа Къырымны унуттырмагъа, «Сиз артыкъ Ватанынъызны корьмезсинъиз!», «Сиз Къырымгъа кунеш башкъа тарафтан догъгъанда къайтырсыз!», деп къандырмагъа, базыларына юксек унванлар, эв ве мукъфатлар берип, «янъы Ватанларына» алыштырмагъа тырыштылар. Амма халкъ Къырымны унутмады, сюргюнликнинъ ильк куньлеринден Къырымгъа къачмагъа тырышкъанлар, эр анги имкяндан, фурсаттан файдаланып Къырымгъа бармакъ чаресини тапкъанлар олды. 1967 сенесининъ ферманындан сонъ исе Къырымгъа айры инсанлар дегиль де бутюн къоранталар ёлгъа чыкъып, Къырымнынъ къапалы къапысыны ачтылар. Ве артыкъ бу къапыны ич кимсе тутуп оламады, Къырым ёлларыны башта онларнен, сонъра юзьлернен ве 1990-ларда биньлернен инсан толдурды.

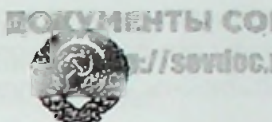
Лякин, теэссюф ки, сюргюнлик ёлларында къалгъан къырымтатарлар даа аз дегиль.

Белли ки, 1944 сенеси майыс 18-де халкъымыз юкленильген вагонлар бир тарафкъа, бир ерге дегиль де, беш ульке – Русие, Озьбекистан, Къыргъызстан, Таджикистан ве Къазахистангъа кетти. Бу улькелернинъ де бир еринде топлу дегиль де, кене парча-парча таркъатылып, бутюн бир миллет дарма-дагъын этильди. Койлер дагъылды, джемаат дагъылды, тек олар дегиль, къоранталар дагъылды. Ана-баба Орта Асиягъа, балалары исе Уралгъа, Сибирьге тюшип, бир даа ич къавушмады!

Бабасы дженкте душманнен урушкѣан ве я да Русиенинѣ комюр шахталарында чалышкѣан вакъытта, балалары Озбекистанда ачлыкѣтан ольди. Бинѣлернен инсанлар кефинсиз, дженазесиз шу шахталарда, дагѣлар ичинде джан бердилер.

Гѣурбетликте эбедиен кѣалып кеткенлернинѣ кѣабирлерини зиярет этип, азиз рухларына дуа окѣумакѣ, сагѣ кѣалгѣанларны ѣкѣламакѣ, такѣдир икѣяелерини язып алмакѣ ниетинде

ПОЛИГРАФ ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕРВИС»
ГОКО (II часть)

РАССЕКРЕЧЕНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГОКО-5937с

от 21 мая 1941 г. Москва, Кремль.

1. Разрешить НКВД СССР (т.Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромыслов Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10.000 семейств переселяемых крымских татар.

2. Обязать Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности и Наркомлес принять и разместить для работы на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности и леспромыслов, обеспечивающих целлюлозно-бумажную промышленность древесиной, направляемые к ним 10.000 семейств спецпереселенцев.

Разрешить НКВД СССР в районах размещения спецпереселенцев татар на предприятиях Наркомлеса и Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности создать спецкомендатуры.

ПРЕДСЕДТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

И. СТАЛИН

Послано т. т. Молотову, Берия, Чеботареву, Салтыкову, Чадаеву.

ёлгъа чыкътым. Биринджи мензилим – Марий Эл джумхуриети олды.

Мезкюр сеферимнинъ керчеклешмесинде энъ буюк ярдымны косьтерген, къаршылагъан-озгъаргъан, Марий Эл джумхуриети бойлап озъ арабасында алып юрьген фааль джемаатчы Джеппар Аблязов ве онынъ абласы Инает Джумаева, учакъ билетимнинъ масрафларыны одеген «Зеккие» хайрие фондынъ башы Амет Володарский, базы корюшювлеримни тешкиль эткен халкъымызнынъ якъын татар досту Рамай Юлдаш ве даа чокъ инсанларгъа сонъсуз тешеккурлеримни бильдирмек истейим. Бу инсанларнынъ къолтутувысыз бир озюм ич бир шей япалмаз эдим.

Ресмий малюматларгъа коре Марий Элге 1944 сенесининъ июнь айынынъ башында 2291 аиле, эпси олып 9075 джан кетирильген.

Асылында, сеферимизни илле Марий Элден башламамызгъа белли татар фаали, халкъымызнынъ якъын аркъадашларындан бири Рамай Юлдашнынъ ичтимай агъларда Джеппар Аблязов иле берабер Оршанский районында орманлар ичинде бир койчикте яшагъан 90 яшында Абхаир агъанен берабер чеккен фоторесимни ерлештирмеси сильтем олды. Джеппар Аблязовны кене де шу ичтимай агълар вастасынен тапып, сеферимнинъ макъсадыны анълаттым. Джеппар агъа бир кереден джевап язып, эр анги ярдымгъа азыр олгъаныны бильдирди. Эм, огюни алып, айрыджа къайд этмеге истер эдим ки, Джеппар Аблязовнынъ ярдымысыз Марий Элде бу къадар семерели чалышып оламаз эдим. Бу инсан бир афтадан зияде ишини, къоранта заметлерини кенаргъа чекип, Волжск шеэринде яшагъан аман-аман эпси къырымтатар къоранталарынен таныш этти, шахсий арабасында джумхуриетнинъ энъ узакъ кошелерине алып барды.

ДЖЕППАР АБЛЯЗОВ

«ТАМЫРЛАРЫМ – ОТУЗДАН, ДОГЪДЫМ – ТУЛАДА»

Джеппар Аблязовнынъ кендиси 1955 сенеси Тула шеэринде догъ-гъан. Онынъ анасы Акифе Амет кызы ве бабасы Абляз Сеитмамут догъма Судакъ районынынъ Отуз коюнденлер. Дженк башлангъанда бабасы дженкке, сонъра эмек орду-сына кете. 1944-тте анасы исе учъ баласынен Къырымдан чыкъарыла. Бойлеликнен, бабасы – Тула шах-тасында, анасы ве агъа-аблалары Озбекистаннынъ Самаркъанд виляетине, энъ буюк абласы Ава-Шерфе исе аласынен Кострома виляетине тюшип, бир къоранта

учьке болюне. Дженк биткен сонъ Абляз агъа къорантасыны сораштыра-сораштыра, зорнен тапа ве оларны янына Тулагъа чагъырта. Тулада къорантада даа дёрт эвлятлары дюньягъа келип, Джеппар энъ кенджеси ола. Анасы-бабасы догъгъан кою Отузгъа пек асрет олып, мытлакъа онъа къайтып кельмек арзусынен яшагъанлар. Лякин еди кере инфаркт кечирген Абляз агъа Тулада, анасы Акифе абла исе Марий Элнинъ Волжск шеэринде вефат эткенлер. Джеппар Аблязов да бабасы киби Тула шахтасында чалышкъан.

Асылында Волжск шеэринде башта онынъ мында къоджагъа чыкъкъан Усние абласы келе. Оны вакъты-вакътынен ёкъламагъа кельген Джеппар Волжск шеэринде биринджи омюр аркъадашынен таныш ола, эвлене ве мында къала. Волжск шеэрининъ башы олып да тайинлене, сиясий ишлерде де фааль иштирак эте. Ана-бабасынынъ арзусыны ерине кетирмек огърунда Отузда эв къура, Къырымдаки халкъымызнынъ джемаат ишлеринден кенарда къалмай.

ОСМАН ХАЯЛИ

«МИСХОРДАКИ ЭВИМНИ САГЪЫНАМ»

Иште, Джеппар Аблязовнынъ джедвелиндеки биринджи инсан – Осман агъа Хаялининъ эвине ёл алдыкъ. Осман агъанынъ эви де шеэрдеки, умумен Марий Элдеки эвлернинъ аман-аман докъсан файызы киби агъачтан ясалгъан. Осман агъа бир озю яшай, кызы, огълу, торунлары айры турсалар да, къартны даима ёкълап, сагълыгъындан хабер ала экенлер. Бизим кельгенимизге Осман агъа пек севинди. Джеми къартлар киби о, да къонушувгъа пек мухтадж.

– Догъгъан ерим Мисхор, – деди гъурур ве айны заманда сесинде зор гизленильген бир кедер иле Осман агъа. – 1937 сенесининъ март айында дюньягъа кельдим. Еди яшымны толдурып-толтурмаз эпси кырымтатарлар киби бефтан къабаатланып сюрдюн этильдим. Майыс 18 геджеси биз – анам ве учъ бала эдик. Якъында къолуны къыргъан, 72 яшында къартанам (анамнынъ анасы) да бизнен берабер эди. Бабам Смаил Хаяли 1941 сенеси дженк башлангъанынен урушкъа алынды. Аскерлер ёлгъа азырланмагъа берген он – он беш дакъкъа ичинде анам не алып етиштирсин?

Къартанам аскерлерге мусafirликте олгъаны ве янында ич бир тюрю весикъалары олмагъаныны, эви якъында экенини анълатып, эвине бармагъа изин сорады. Изин алып, къартанам озъ эвине кетти ве биз оны бир даа корьмедик. Ёлда мен акъджи-

геримни ушютип, пек хасталандым. Вагондакилер анама мени ёлда бир хастханеде къалдырып кетмекни тевсие эттилер, амма анам мени ташламады. Ёлны агъыр кечирип, Озбекистангъа Бекабаднынъ Дальверзин къасабасына кетирдилер. Эпси къырымтатарларны чамурдан ясалгъан баракълар ичине толдурдылар. Мени исе Бекабадда экен хастаханеге алып кеттилер, пек ярамай эдим. Бир къач куньден сонъ анам ёкъламагъа келип, не истегенимни сорады. Мен къайсы ашагъан балаларны корип, къайсыгъа авес эттим. Анам манъа бир шейлер ашамагъа алмакъ ичюн кететкъанда, къолунда чантасыны хырсызлагъанлар. Чанта ичинде эпимизнинъ весикъаларымыз, бир къач кумюш пара бар экен. Сонъ анам да пек хасталанды, оны хастаханеге алып кеттилер, биз, балаларны, исе Сырдарья озени ялысындаки балалар юртуна тапшырдылар. Бизнен берабер Къуртмемет Хаяли къартбабам да кельген экен, мен оны корьмедим. Амма эшиттим ки, сюрдюнликнинъ биринджи куньлеринде ачлыкътан ольген. Анам бизге янъы шеадетнамелер яптырып, сойадымызны Хаяли дегиль де бабамнынъ адына Исмаиловлар, деп яздыргъан. Албуки ки, бабамнынъ ады Смаил эди. Бойле этип весикъаларымызда янълышлыкъ пейда олды.

Дженктен бабам эляк олгъаны акъкъында къара хабер алды. Лякин хабер янълыш олып чыкъты. Бабам Акъяр мудафаасы вакътында агъыр яраланып, Сочи шеэринге госпитальге ёлланылгъан ве алты ай тедавийленген. Оны чарпышмада эляк олды, деп беллегенлер. Госпитальден сонъ о кене урушкъа кеткен. Бизим Къырымдан чыкъарылгъанымызны бабам тек

дженк биткен сонъ бильген. Онъа халкънынъ чокъ къысмы Марий Элге кетирильгенини айткъанлар ве о, бизни араштырып мында келе. Волжске Эмине халамнынъ аилесини тапа. Сонъ язышып-сораштырып бизни тапты. 1947 сенеси бабам Бекабад-гъа кельди. Балалар эвине кельгенини пек яхшы хатырлайым. Амма бизни онъа бермедилер (бельки янъы весикъалардаки янълышлар себебинден) ве бабам кене артына къайтмагъа меджбур олды. Бу ерден аилесинен къавушмагъа изин бермелерини талап этип, чешит идарелерге яза. 1948 сенеси биз ёлгъа чыкътыкъ. Анамнен бизни Бекабад демирёл станциясына кетиргенлеринде эпси шейлеримизни хырсызладылар. Шай да бир шейимиз ёкъ эди, кене весикъаларымыз гъайып олды. Зар-зорнен бир чаре тапып бабамнынъ янына кельдик. Бабама бир ода бердилер. 1948 сенеси шеэрде булунгъан эпси сюрдюнлилерни – къырымтатарларны, эрмени, булгъар ве румларны бир ерге топладылар яни «Кирпичный» деген маалледеки агъач баракъларына кочюрдилер. Он баракъта 14-ер ода, эр бир одада бирер къоранта яшады. Қъорантада исе беш-алты ве зияде джан бар эди.

Йыллар кечкен сонъ бабам Қъырым архивине язып, бизим акъыкъий весикъаларымызнынъ копияларыны алды. Ве биз кене Хаялилер олдыкъ. Анам озъ анасыны пек къасевет этти, къаерде олгъаныны да бильмей эди. Бабам оны къыдырып башлады ве Самаркъанднынъ Ургут къасабасында тапты, бир адамнынъ ёл масрафларыны одеди ве шу адам 1953 сенеси къартанамны бизге кетирди. Қъартанам Сафие Хошчунунъ эки огълу, яни меним дайыларым дженкте эляк олдылар. О, уйкен, Рустем огълунынъ къорантасынен яшай эди. 1873 сенеси Кореизде догъгъан къартанам 1960 сенеси 87 яшында Ватанындан пек узакъ, сувукъ гъурбетте вефат этти.

Волжске мектепни битирип, зенаат окъув юр-

туна кирдим. Эм окъудым, эм Марий кягыт комбинатында чалыштым. Мен мектепте де, окъув юртунда да аля ишаретлернен окъудым. Окъувымыз биткенде курсдашларым, оларны директор Звез-

дин К.И. чагырып, Санкт-Петербургга (о заман Ленинград) техникумга кирмекни теклиф эткен. Мен тааджиплендим, не себептен зайыф окъуган, окъумага истемеген аркъадашларыма теклиф этелер де, мен киби аляджы мезунга теклиф этмейлер. Дос-догъру мудирнинъ узурна барып, себебини сорадым. О, манъа тикилип бакъты да: «Сизге окъумага мумкюн дегиль», деп кестирди кыыскадан. Нидже-нидже кыырымтатар кыызларымызны бу ерге якъын Къазанга биле окъумага йибермедилер.

Комендант режими бираз йымшагъанда 1955 сенеси уйкен аптем Самаркъандга кетип, анда къоджага чыкъты ве бизни де янына чагырды. Биз ичюн топракъ дамартысы да алгъан. Эпимиз ёлга азырландыкъ. Бабам къуруджылыкъ мальземелери сатын алып, вагонларны Озбекистанга ёллады. Озю исе оларны къаршыламакъ ичюн кетти. Амма ёлда бабам пек сувукълангъан, оны поездден тюшюрип Къазанда хастаханеге къойгъанлар. Онынъ шай да сагълыгъы ёкъ эди, дженктен яралы къайткъан эди. Ондан телеграмма кельди. Мен бабамны ёкъламага бардым, амма янына къоймага истемейлер. Зорнен изин алдым. Бабам манъа алынаджакъ мальземелернинъ кягытларыны берди. Шу арада мени ордуга чагырдылар. Вазиятни анылатып, бир афтага изин алдым ве Самаркъандга кеттим. Мальземелерни бошаттыкъ. Мен артыма къайттым, хызметке кеттим. Бабам исе сагълыгъы себебинден бир даа ёлга чыкъалмады. О мальземелерден аптем эв къурды.

1957 сенеси мени арбий хызметке чагырдылар. Ордуга кетмезден эвель къабул комиссиясындан кечемиз. Комиссия

башы весикъаларым-ны бакъып, Къырым-да, Мисхорда догъгъанымны, хызметке исе Марий мухтар джумхуриетинден сефербер этильгенимни окъуй. Не себептен бир ерден догъуп, тамам башкъа ерден ордугъа кетесинъ, деген киби суаль

ишаретинен манъа тикильди. «Мени еди яшымда сиялы сакъчылар озгъарувында Къырымдан сюргюн эттилер», дедим. Субай шашты, къырымтатарларнынъ сюргюнлигинден хабер илмагъанмы, бильмейим. Хызметимни Латвияда кечирдим. Бизим взводымызда даа бир къырымтатары, Марий Элнинъ Суслонгер деген ерине сюргюн этильген Рефат Юнусов хызмет этти.

1960-та хызметимни одеп, къайттым. Айдавджы олып чалыштым. 1962 сенеси къазантатар къызына эвленим. Эки баламыз олды. Дёртюмиз бир одачыкъта яшадыкъ. Мескен алмакъ ичюн кой ходжалыгъы саасына ишке авуштым. Яхшы ишим ичюн 1972 сенеси Къырымгъа ёлланманен такъдирледилер. Бир кереден Мисхоргъа озъ эвимизге бардым. Къомшумыз Костя эмдже Плющни зиярет этмек истедим. Бабам онынъ иле мектюплеше эди. Эвимизге тышарыдан бакътым, ичери кирмедим. Костя эмдже эвинде ёкъ эди. Тюкянгъа таба кетем, тюкяннынъ янында эки акъай ракъы ичип отуралар. Олардан Константин Плющни сорадым. Шу арада эркеклернинъ бири манъа бакъып темиз къырымтатарджа: «Осман, сенсинъми?», деди. Мен тап эсимни джояздым. Балалыкъта берабер оськен украин къомшумыз Николай Мутрик экен.

Тюкяндан одыр-будыр алып, кене Костя эмджелерге къайттым. Азбарда бир къадын юре. Бир кереден ады акъылыма кельди: «Тётя Маруся! Костя эмдже эвдеми?», деп сеслендим. Ичериден чыкъкъан Костя эмдже мени бирден таныды.

Бутюн кунь къонуштыкъ, хатырладыкъ. Тек къырымтатар тилинде. Мисхордаки эпси руслар, украинлер бизим тилимизни сувтильмач биле эдилер. Костя эмдже де баягъы маджералардан кечкен. Атта Озбекистангъа барып, койдешлерининъ эвинде сыгъынмакъ зоруна къалгъан.

Бир йылдан сонъ кене Мисхоргъа бардым. Амма эвимизге ойле де кирип оламадым. Къырымгъа пек чокъ керелер бардым, сой-сопларнен къатнашамыз.

Бабам Къырымны, дженкни ич хатырламаз эди. Амма мен онынъ къальп агърысыны, кедерини даима сезе эдим. 1941-те дженкке кетип, бир даа Ватанына къавушып оламады. 1989 сенеси ноябрьде

анам, 1993 сенеси язда бабам вефат этти. Оларнынъ экисини де Волжск мезарлыгъында дефн эттик», – икяе эте Осман агъа.

Осман агъа корьген-кечиргенлерини хатырлар экен, масмавы козьлеринде эбедиен ерлешкен къайгъы сезильмекте. Бу къайгъы мени де тельчелей. О, санки манъа сессиз суаллерини бере: 1937 сенеси озъ аилеси ичюн озъ элинен таштан эв къурып, яшамагъа етиштирмеген, дженкке кеткен ве сонъунадже урушкъан, дефаларджа яралангъан бабасы Смаил Хаялининъ къабааты неде? 1944 сенеси еди яшында, даа мектепке барып етиштирмеген мавы козьлю Османнынъ не сучы бар эди?

Мен джевабыны бильмейим.

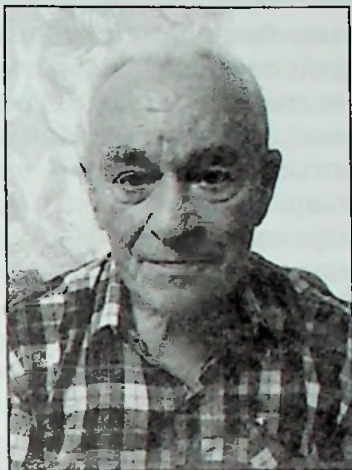
Хайли вакъыт сукюнет ичинде отурып, Осман агъанен сагълыкълашамыз. Лякин о, бизден айырылмагъа истемей. Бизге шеэр паркында дженк иштиракчилерининъ ады, шу джумледен бабасы, дайысы ве бир сыра къырымтатарларнынъ адлары язылгъан Хатыра тахтасыны да корьмекни теклиф эте. Бу адлар тахтада Осман агъанынъ тешеббюсинен язылгъан.

Парктан чыкъкъан сонъ шеэрнинъ даа бир къарты – догъма Кучюк Озенбашлы Мемет ака Джеляловнынъ эвине кетемиз.

МЕМЕТ ДЖЕЛЯЛОВ

«КОЧЮРЮВ ИЧ КИМСЕНИ АДЖЫМАДЫ»

Мемет агъа я да Кучюкозенбашлылар демеси киби, Мемет ака, бизни пек самимий кършылады. Адетимиз боюнджа къавелер ичилди, кейфимиз котерильди. Субетимизни башлаймыз. Доғърусы, башлап оламаймыз. Кършымда отургъан 83 яшында мазаллы, дюльбер кърт акъай бала киби окюр-окюр агълай. Оны кой акъкында бильгенлеримни айтып, тынчландырмагъа, лафэттирге тырышам.

– Анам ве бабам доғъма Кучюк Озенбашлылар. Бабамны Хаяджан Джелал оларакъ билелер. Дженк вакътында коюмизге кельген немселер эр бир эвде ерлештилер. Геджеси партизанлар дағдан тюшип немселернен уруштылар. Немселер койден чыктылар, амма бираз вакъыттан къайтып коюмизни бир тамам якътылар. Кой халкъыны исе башкъа койлерге дағъыттылар. Бизим кърорантамыз Коккозьде кълдыкъ. 1944 сенеси бааръде Къырымда уруш битти ве койлюлерге озь койлерине кълйтмакъ, койни тиклемек, сачмакъ-экмек эмири берильди. Биз де кълйттыкъ Кучюк Озенбашкъа. Эвимиз ёкъ, бабам янъыдан эв кърумагъа азырланды. Биз, балалардан файда ёкъ. Мен, Амди акам, тиземнинъ огълу Усеин ве Хатидже Ялтада яшагъан къртбабамнынъ эвине кеттик. Бир кунь кечтими, эки кунь кечтими, бильмем. Эки огълу да дженкте олгъан Анифе тотай Гъаниеванынъ беш торунынен ойнай-ойнай, оларнынъ эвинде геджелемеге кълдыкъ Шу геджеси

де бизни кочюрмеге кельдилер. Ким не алды, ёл насыл кечти, хатырлап оламам. Анифе тотанынь торунлары, Амди акамнен экимиз, тиземнинь кызы ве огьлу, къартанам-къартбабам бир вагонда кельдик. Шу Анифе тотанынь келинининь апасы да беш баласынен бизим вагонда эдилер. Балаларнынь беши де вагон ичинде ольдилер.

Анам-бабам, агъа ве къардашларымыз Кострома виляетине тюшкенлер. Бизни Волжск шеэрининь, о заманларда Лопатино къасабасы эди, стадионына тюшюрдилер. Стадион этрафында ерли сакинлер, бойузлы, къуйрукълы адамларны корьмеге кельгенлер. Бирден аммамгъа ювунмагъа, сонъра ашханеге ашамагъа алып кеттилер. Баракъларгъа, бир одагъа бешер-алтышар къорантаны ерлештирдилер. Ибраим къартбабам айырылыкъкъа даяналмады, кельгенимизнинь биринджи кунь-леринде кечинди. 1945 сенеси Амди акам къорантамызынынь къаерде олгъаныны билип, оларны мында чагъырттырды ве биз бири-биримизге къавуштыкъ. 1946 сенеси бабам вефат этти. 1947 сенеси энъ кичигимиз Анифе къардашым ольди. Анам да пек яш кечинди. Кочюрюв кимсени аджымады. Анамнынь къа-

бирине башташы кьойдыкъ. Амма къартбабам ве бабамнынъ къабирлерини тапалмадыкъ. Пек агъыр вакъыт эди.

Бизден сонъ Къырымдан булгъар, эрмени ве румларны кетирдилер. Олар да бизнен берабер баракъларда яшадылар. Амма оларгъа сюрюн этиледжеклері акъкъында кунъ эвельден айткъанлар, азырланмагъа, шейлерини алмагъа чарелери олгъан.

Акам, сонъра мен «Марбум»да (Марий целлюлоза-кягъыт комбинаты) чалыштыкъ, Асылында бизлерни шу кягъыт комбинатында чалышмакъ ичюн кетиргенлер. 1956 сенеси арбий хызметке кеттим. О йылы къырымтатарларны биринджи кере ордугъа алып башладылар. Ордудан къайтып кельген сонъ учъ йыл хаста анамны бакътым. Анамнынъ вефатындан сонъ эвлендим, эки къызым олды. 1972 сенеси апайым къазаланып эляк олды. Буюк къызым Зеленодольскте фанера заводында чалыша эди, заводда янгъын олгъанда къызым атеш ичинде къалды.

Къырымгъа ильк дефа Амди акамнен берабер 1985 сенеси бардыкъ, Озенбашны да зиярет эттик. Эвимиз Ялта ёлу кенарында эди. Шу ёлдан озенбашлылар тарпилеринен Ялта базарына къатнардылар.

Сюрюнлик ерлеринде Къырымгъа къайтмакъ огърунда халкъ арекети башлагъанда биз де кьошулдыкъ. Мектуп ве мураджаатларны имзаладыкъ. Имза кьойгъанларны эпимизни махсус комиссия узурна чагъырып, бу иштен вазгечмекни талап эттилер. Не чалышмагъа, не тынч яшамагъа бермедилер, – деп хатырлай о йылларны Мемет агъа.

Мемет агъа мени азбаргъа етеклей, Къырымдан кетирген юзюм чубукълары энди насыл берекет бергенини косътерип, эр бир салкъымчыкъны сыйпай. Мемет агъа огълу Рустем, келини ве торуны Энвернен бир эвде яшай. Кечкен йылы баба-деделерининъ юртуны ильк сефер корьген Рустем мытлакъа Къырымгъа къайтмакъ къарарыны алгъан.

Джеляловларнынъ мусафирчен къорантасынен сагълыкълашып догъма Дегирменкойлю Нури Байрамовнынъ эвине кечемиз.

НУРИ БАЙРАМОВ

«ДЕГИРМЕНКОЮМНИНЪ ЭР БИР ТАШЫ АКЪЫЛЫМДА»

Нури ака озь эллеринен чам агъачындан къургъан къоджаман, темелли эвинде огълу Сервернен экиси яшайлар. Эвде къадын олмаса да, ондаки ве азбардаки тертип-низам, темизликке авйретте къалдым. Нури ака чокътан эмекли олгъан, Сервер исе Марбумда чалыша. Нури агъа къаве пиширмекни манъа ишанмады, озю пиширди.

– Мен 1937 сенеси Алуштанынъ Дегирменкой коюнде догъдым. Аиледе алты бала эдик, мен бешинджим. 1944-те бабамны эпси

къырымтатар акъайлары сырасында эмек ордусына алып кеттилер. Майыс 18 куню анам алты баласынен сюрдюн этильди. Кетирдилер бизни Лопатино къасабасына, шимдики Волжск шеэри тургъан ер. 1946 сенеси 13 яшында апам ольди. Агъам къазаланып кечинди...»

Нури агъа Дегирменкойден чыкъкъанда еди яшында олгъанына бакъмадан койнинъ Орта, Сахтара ве Джанбек мааллелерини, шу мааллелерде яшагъан инсанларнынъ чокъларнынъ адларыны хатырлай. 1968 сенеси чаре тапып чалыштыгъы арабасында туристлерни Къырымгъа алып бара. Ёлгъа чыкъмадан эвель Волжсктеки къырымтатар къартлары койден тютюн кетирмесини риджа этелер. «Койде тютюн афрата боюнда осе

эди», деп тариф эте Нури агъа.

Табиий ки, Нури агъа да Къырымгъа къайтмакъ ёлла-рыны къыдыра, анда эв къурмакъ ичюн темелинден дамынадже малъ-земелерни топлай. Амма омюр ар-къадашы Альме-Шерфе ханымнынъ юрек хасталыгъы себебинден кочип оламайлар. Хаста-лыкъ къадыннынъ якъасыны боша-мады. Нури агъа багъчасында чече-

клер сача ве эр кунъ къарысынынъ къабирине бир топ чечек алып бара.

Нури Байрамов догъгъан коюнден узакъта яшаса да эр кунъ Къырымнынъ чешит ерлеринде яшагъан сой-акърабаларынен багълана, Ватанында олгъан-кечкенлерден хабердар ола.

САЙДЕ ДУРСУН

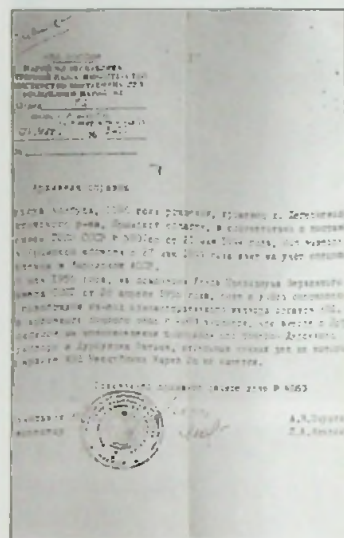
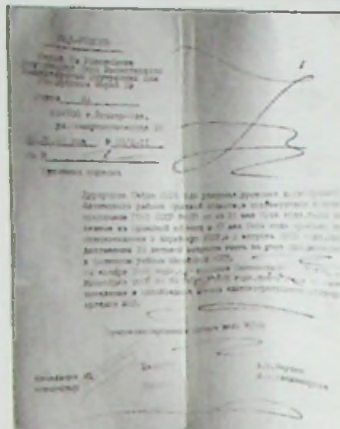
«АНАМНЫ ПАРТИЗАНЛАРГЪА ЯРДЫМ ЭТКЕНИ
ИЧЮН НЕМСЕЛЕР АТТЫ. СОВЕТЛЕР ИСЕ БИЗНИ ВЕ
БАБАМНЫ СЮРГЮН ЭТТИ»

Джесюр разведкаджы, фашистлер тарафындан атылган партизан Айше Караева-Дурсун акъкъында чалыштыгъым «Ленин байрагъы» газетасында, «Йылдыз» межмуасында, Зелиха Ниязиеванынъ «Дагълар башында» китабында дефаларджа окъугъандырым. Амма шу къадыннынъ гъурбетликте къалган къызларынен корюшип, фаджианынъ джанлы шаатларынен субетлешеджегимни акъылыма кетирмеген эдим. Зелиха Ниязиева Айше Дурсуннынъ ольдюрильмесини озъ китабында бойле тариф

эте: «Дегирменкойлю Айше Караева-Дурсунова деген къыркъ яшларындаки къадынны партизанларгъа аш-сув бергени ичюн якъалайлар. Аязлы кунъде къуру бир антернен ялынаякъ Дегирменкойден Буюк-Ламбаткъа айдап баралар. Кокюсинде «О партизанларгъа ярдым этти» деген сёзлер язувлы тахта асалар. Ёл бою къамчы ве къундакъларнен урып ал къангъа бояйлар. Фашистлернинъ макъсады халкънынъ козюни къоркъузмакъ, партизанларгъа ярдым эткен башкъаларнынъ да алы бойле оладжакъ деген мананы анълатмакъ эди.

Айшени секиз кунъ цемент къутуда тутты, эллериндеки бар усулларыны къулланып чекиштирдилер. Эки баласыны

Сайде апа бир кереден 1942 сенесининъ фаджиасыны хатырлап башлай: «Анам партизанларгъа отъмек алып кеткенини коюмизнинъ сакини Кёр Усеин корьген ве немселерге чакъкъан. Немселер анамны якъалагъанда шу кёр Усеинни шаатлыкъкъа чагъыралар, о анам партизанларнынъ алякъаджысы олгъаныны тасдикълады. Анамны Алушта апсханесине алып кеттилер. Оны пек къыйнагъанлар. Бир кунъ бизни де анамнен корюштирмеге алып бардылар. Бир ода ичинде немсе субайы ве янынъда эки адам туралар. Шу одагъа анамны кетиргенде биз чапып барып, къуджакълайджакъ олдыкъ. Амма сакъчылар бизим эллеримизни туттылар, анамны урып башладылар. Амма анам тек бизге тикилип бакъа, санки бизни сонъки кере корьгенини анълай эди. Немселер онъа бир шейлер сёйлеп сёгюнелер, лякин анам бизден козьлерини алмай. Зар-зорнен аякъта тургъан анам йыкъылды.

Алты баладан Февзие, Джумазие ве Меджит ольдилер. Биз Фатма, Мунивер ве мен бабамнен къалдыкъ. Бабам эвленмеди, мен оксюзлик не олгъаныны билем, къызларымны

кендим бакъарым, деди. Майысынъ 15-16 кунълери койге бир къач адам келип, сакинлерни джедвельге алдылар. Олардан бириси бабама бизни чыкъарджакъларыны сёйлеген, амма бабам инанмады. Майыс 18 куню эвимизге бастырып кирген совет аскерлери бабамнынъ джеплерини тинтип, джебиден мейва тереклери пытагъан чакъысыны алдылар. Сонъ без

явлукъ ичинде сакълы биринджи дюнья дженкинде къазангъан медаллери, анамнынъ алтын ильванлары, параларымызны чекип алдылар. Мен аякъкъапарларымны тапалмадым, яланаякъ чыкътым. Юк арабаларына юкледилер. Ёлда кеткенимизде корем, дагъларджа драндофлар чечек ачкъан. Мен ич акъылым кесмей ки, бизни Къырымдан сюрдюн этелер. Фатма апамдан сорайым: «Бизи ханда алып китийлер я, апа?». Сонъ айван ташыгъан вагонларгъа юклеп Марий Элге кетирдилер. Волжск шеэрининъ стадионына бошаттылар...»

Сонъра, бабасы — 1896 сенеси догъып, Рус-япон дженкинде иштирак эткен, намуслы хызмети ве джесюрлиги ичюн юксек мукафатларнен такъдирленген, экинджи дюнья дженкинде партизанларгъа якъындан ярдым эткен, онен берабер арекет эткени ичюн къадыны атылгъан, Абибулла Дурсун ве анадан оксюз къалгъан учъ къызы эр кеснен берабер баракъларнынъ бир тар одасында хорлукъ-зорлукъ чеке, Марбумда чалыша. Абибулла Дурсун ойле де эвине къайталмайып, 1969 сенеси вефат эте ве шеэр къабристанында дефн этиле.

Сайде Дурсун дефаларджа башта Украина, сонъа Русие укюметлерине мураджаат этип, догъгъан ерине къайтып яшамакъ ичюн мескен сорай. Лякин мусбет джевап ойле де алып оламай.

Дурсунев Саяло, 1934 года рождения, уроженца г. Татарстан, Ялтинского р-на, Крымской области, в соответствии с постановлением ГКО СССР № 5577сс от 21 мая 1944 года, была вывезена из Крымской области и 27 мая 1944 года прибыла из спецпоселения в Марийскую АССР, а 1 августа 1950 года, по достижении 16-летнего возраста зачислена на учет спецпоселенцев в Волжском районе Марийской АССР.

24 января 1956 года, на основании Постановления Совета Министров СССР от 28 ноября 1955 года, вместе с учетом спецпоселенцев и освобождена из-под административного надзора органов МВД.

Освобождена — вывезена спецное дело № 1740

Архивная справка

Дурсун Абибулла, 1896 года рождения, уроженца г. Татарстан, Ялтинского р-на, Крымской области, в соответствии с постановлением ГКО СССР № 5577сс от 21 мая 1944 года, был вывезен из Крымской области и 27 мая 1944 года зачислен на учет спецпоселенцев в Марийской АССР.

26 мая 1956 года, на основании Постановления Совета Министров СССР от 28 ноября 1955 года, вместе с учетом освобожденных и освобожден из-под административного надзора органов МВД.

Из личного дела № 1740 известно, что вместе с Дурсун Абибуллой на спецпоселение вывезены его братья Дурсун Абулхайр и Дурсун Фатма, старшая сестра Абибуллы, которая в архиве МВД Республики Марий Эл не числится.

МУНЕВЕР ДУРСУН

«50 ЙЫЛ МАРБУМДА ЧАЛЫШТЫМ»

Бабасы ве кърдашларынен сюрюн этильгенде 15 яшында олгъан Муневевер апа Волжстке буюклернен берабер ишке чыкъа. 50 йылдан зияде Марбумда чалыша. Волжстке койдеши Дилявер Мазиновнен эвлене. Шимди Муневевер апа тешек хастасы. Корюшювимизнинъ сонъунда о, эллерини котерип дженкте, сюрюнликте ольгенлернинъ рухуна дуа окъуды ве бизден де Къырымгъа къайтанамызда анасы, джесюр къадын Айше Караева-Дурсун ичюн Фатиха окъумамазны риджа этти. Риджасыны ерине кетирдик. Муътебер яшына кельген,

бу эки хаста къадыннен корюшювим пек агъыр тезссурат къалдырды. Не къадар адалетсизлик!!! Бабасы та 1905 сенеси Рус-япон дженкинде эрлердже урушып, орден-медаллерге такъдим этиле. Экинджи дюнья дженкинде анасы ве бабасы алты эвлятларынынъ джаныны ортагъа къойып совет укюметине ярдым эте, шу ярдымы ичюн анасы Айше Караева фашистлер тарафындан джанаварджасына чекиштирилип ольдюриле де ве шу совет укюмети 1944-те онынъ къоджасы ве балаларыны санки немселернен ишбирлик япкъаны ичюн сюрюн эте! Насыл даяндылар олар бойле акъсызлыккъа, акъаретке! Насыл сыгъдырысынъ буны къафанъда, насыл?

Марий Эл корюшювлеримде Джеппар Аблязовнен бирликте меним янымда даима онынъ догъмуш абласы Инает Джумаева(Аблязова) озгъарып юрьди. Бу къадыннынъ да корьген-кечиргенлери айры эсерлерге ляйыкътыр.

ИНАЕТ ДЖУМАЕВА (АБЛЯЗОВА)

«БАБАМНЫНЪ КОЗЬЯШЛАРЫ ИЧ КЪУРУМАДЫ»

Анам Акифе Амет къызы ве бабам Абляз Сеитмамут догъма Су-дакъ районунынъ Отуз коюнденлер. Олар 1936 сенеси эвленгенлер. Бир йылдан Сейдамет агъам, сонъра Ава-Шерфе аблам догъгъанлар. Дженк башлангъанда бабамны дженкке, сонъра эмек ордусына алалар, анам къолунда учъ баласы-нен къала. Усние аблам бир бучукъ яшында экенде оларны яни бир къартбабам, эки катам, эки баланен анамны Къырымдан чыкъаргъанлар. Эпси къырымтатарлар сырасында ёл азапларыны чекип, Озбекистан-нынъ Каттакургъан району Каттамин къышлагъына тюшелер. Сюрюнликнинъ биринджи айларында къартбабам, эки къар-танам, 8 яшында Сейдамет агъам ачлыкътан олелер. Анам-нынъ устюнде бир кофтасы бар экен, оны базаргъа сатмагъа алып кете де агъама: «Мен санъа пите кети-ририм, огълум», дей, амма анам базарден кельгендже агъам оль-ген. Анам Усние аблам-нен экиси къалалар. Майыс 18-ден эвель Ава-Шерфе абламны баласы олмагъан алам

янына алып кеткен экен, олар Кострома виляетине тюшелер. Бабам Тулада эмек ордусында эр тарафкъа мектюплер язып, аилесини тапа ве янына топлап башлай. Анам ве Усние аблам пек ач, зар-зорнен юре экенлер. Оларнынъ янында яшагъан бир субайнынъ апайы балыкъ пиширип, кемиклерини тышары ата. Усние аблам исе шу кемиклерни сорып, ялап отура. «Усниени шу балыкъ кемиклери къуртарды», – дей эди анам.

Бабам Туланынъ Болоховка деген еринде баракъта яшай экен. Аилемиз къавушкъан сонъ 1948 сенеси мен, сонъра учъ огълан къардашым – Сеитмамбет, Шевкет ве Джеппар догъдыкъ. Биз олгъан ерде къырымтатарлар пек чокъ эдилер. Чокъусы эркеклер озъ къоранталарыны чагъырып алдылар. Шу Тула шахталарында бизим ана-бабаларымыз Къырымнынъ бир парчасыны яраттылар. Эр кес бири-биринен тек ана тилинде къонушыр, бутюн урф-адетлеримиз, байрамларымыз кутюлир, Ораза тутмакъ, Къурбан байрамында къурбан чалмакъ, бири-бирлерине мусафирликке бармакъ, къартларны ёкъламакъ аде-ти бар эди. Эпси къырымтатарларнынъ азбарында къоюнлары, тавукълары бар эди. Бабам эр першембе куню абдест алып, дуа окъур, иляхийлер йырлар, агълай-агълай Къырымны, озъ кою Отузны тариф этер эди. Бабамнынъ къозьяшлары къурумады ич. Отузнынъ армутлары, чешмесининъ сувларыны хатырлар да агъларды. Анам да пек гузель йырлап, пек чокъ чынъларны билир эди. Эпимиз пек муаббет яшадыкъ. Эвимизде мусафир олмагъан кунъ ёкъты.

О кунълер кетсин де, ич кери кельмесин! Балалыкътан адымыз-ёлумыз «саткъынлар» эди. Эвге анама-бабама агъ-

лап чапып келир-дик, олар да бизге анълатыр эдилер керчеклерни.

Амма 1956 се-несининъ ферма-нындан сонъ къы-рымтатарларнынъ сайысы эксильди.

Эр кес озь сой-акърабаларынынъ янына Озьбекистангъа, Таджикстангъа кочъмеге тырышты. Бизде де Усние аблам Марий Элнинъ Волжск шеэрини акъайгъа чыкъты. Шу Волжскке сонъ Джеппар де кочип кельди. Мында Венера Джелялованен эвлениди. Йыллар кечип рахметли анам, Къырымгъа барып олейим, деп пек арзу этти. Амма не бабама, не анама Ватан къысмет олмады. Бабам 1982 сенеси Тулада кечинди, еди кере инфаркт кечирди. Анам исе кендже огълу Джеппарнынъ янына келип, онынъ эвинде вефат этти.

Мен де Риза Гъазиевнен эвленип, Таджикистаннынъ Ленинабад шеэрини кеттим. Ризаларнынъ къорантасы Марий Элге сюркюн этильген экен. Ризадан къызым олды, адыны шимди биз яшадыгъымыз ерде ольген анасынынъ хатырасынеа Феруде къойдыкъ. Амма акъайымнен яшайышымыз уймады, айырылыштыкъ. Экинджи акъайым Бободжон Джумаев озьбек эди. Ондан Умид деген огълум олды. Биз Ленинабаддан Къыргызстангъа кочътык, амма анда озьбек-къыргыз алекети къопкъан сонъ Волжскке аблам ве кадемнинъ янына кочип кельмеге меджбур олдыкъ. Бизге анда яшамагъа бермедилер, де огълум, де торунлар эп котек ашадылар. Еди джан эпимизнинъ элимизде ичинде урбаларымыз, чаршаф олгъан бирер чанта, бойле кельдик. Асылында ниетимиз Къырымгъа къайтмакъ эди, амма о вакъыт Къырымгъа ерлешмекнинъ ич бир тюрлю

чаресини тапмадыкъ, весикъаларымыз келишмей, джебимизде бир сокъур капигимиз ёкъты. Волжскте Джеппарнынъ янында сыгъынакъ таптыкъ. Огълум Умид манъа эп «Ана, сабыр эт, биз мытлакъа Къырымгъа кетермиз», деп тынчландыра. Деминлери биринджи акъайым Ризанынъ анасы Суслонгер якъынындаки 10-нджы километрде ольгени акъкъында айткъан эдим. 2010 йылы мында кочип кельгенимизден сонъ къызым Феруденинъ тюшюне бир къартана кельген. Биз Джеппар, Феруде берабер шу 10-нджы километрдеки мезарлыкъны къыдырып таптыкъ ве дуа окъудыкъ.

Сеитмамбет анам-бабамнынъ кою – Отузда, Шевкет Къырымнынъ юреги Багъчасарайда яшай. Къырымгъа эр йыл барам, анда пек чокъ сой-сопларымыз бар. Эписини ёкълап чыкъмакъ ичюн бир ай да азлыкъ эте.

ГУЛЬШАН КИЯ ВЕ ТАХИР СИРАЗУТДИНОВ

«БИЗ, КЪЫРЫМЛЫЛАРНЫ, ЗОНАДА КЪАПАЛЫ TUTТЫЛАР»

Догъма Дегирменкойлю Гульшан апте Кия ве Татарстаннынъ Алькеевск районуна дюньягъа келип, 1938 сенеси ачлыкътан жанларыны къуртармакъ макъсадында Къырымгъа кочккен Тахир агъа Сиразутдинов Волжск шеэринде корюшип эвлengenлер. 1944 сенеси оларнынъ аилелери мында сюрگون этильди. Башта майыс айында къырымтатар халкъы, бир айдан сонъра исе булгъарлар, румлар, эрменилернен берабер къазантатарлары ве даа бир сыра миллет векиллери чыкъарылды. Сиразутдиновларнынъ аилеси озъ тувгъан койлеринден эки юз километрде олсалар да, эвлерине къайтмагъа изин алып оламайлар.

— 1932 сенеси октябрь 17-де Алуштанынъ Дегирменкой коюнде догъдым, — хатырлай Гульшан апте. — Бабам Ливадия санаторийсинде уйкен ашчы олып чалыша эди. Беш бала эдик. Немселер кельгенде бир къардашым патлавлардан къоркъып ольди. Ялтада урушлар пек къатты олгъанда анам бизни янына алып, джаяв Дегирменкойге къайттыкъ. Сойларымызнынъ янына сыгъындыкъ. Бабам исе дженкте эди. Къырым азат этильгенине севинип етиштирмедик ки, геджеси келип эвлеримизден къувып чыкъардылар. Анам бизни атаджакълар беллеп, ич бир шей алмады. Бир айгъа къадар ёл юрип, Волжск шеэрине келип

чыкътыкъ. Вагонлардан тюшюрип аммамгъа, сонъра ашханагъа алып бардылар. Къырымда биринджи сыныфны битиргенимде дженк башланды ве мектеплер къапалды. Марий Элде биринджи йыллары ач-чыплакъ эдик, окъувны тюшюнмеге чаремиз олмады. Биз башта Луговое къасабасында яшадыкъ. Сонъ шеэрге авуштыкъ. Анам Марбумгъа ишке кирди. Мен тап он алты-он еди яшымда мектепке къатнап, окъувымны девам эттим. Амма бу да чокъкъа сюръмеди. Ишке кирдим ве отуз алты йыл Марбумда чалыштым.

1953 сенеси, бизнен берабер Къырымдан чыкъарылгъан, Тахир Сиразутдиновнен эвлендик. Медине ве Наджие къызларымыз олды. 1956-дан сонъ халкъымызнынъ чокъ къысмы кетти бу ерден. Анам ве учъ къардашым Озбекистангъа кочътилер. Биз де пек истедик, амма ич чаре тапалмадыкъ. Комбинатта чалыштыкъ, айлыкъ маашымыз тек кунъ кечирмеге етти, — деп окюне Гульшан апте.

Аилемиз Татарстаннынъ Алькеево коюнден 1937 сенеси Къырымгъа Керичте яшагъан сойларымызнынъ янына кочътик, — хатырлай Тахир ака Сиразутдинов. — Мен еди яшымда эдим. Татарстанда пек яман ачлыкъ, чокъ адам къырылды, джанымызны къуртармакъ ичюн коюмизден кеттик. Керичте иш тапалмадыкъ, Акъмесджит шеэрининъ дживарына, сонъра Къурман ве Джанкой арасындаки «Большевик» адлы колхозгъа ерлештик. Бабам чобанлыкъ япты. Дженк башлангъанда бабамны джебэге алдылар, амма бир афтадан сонъ къайтып кельди. Немселер бастырып кельгенде команданлары ташлап-ташлап къачып кеткенлер, сиясыз аскерлерни исе эсирге алгъанлар. Бабам лагерьден къачкъан. Немселер чекильген сонъ «бизимкилер» къайттылар. Майыс 18-де къырымтатарларны кочюрдилер. Оларнынъ сыгырлары, къойлары сокъакъларда

къалды. Бизни шу сыгъырларны топлап, айдап кетирмеге ёлла-
дылар. Къапылар ачыкъ, эвлернинъ ичинде шейлер дагъылып-
сачылып ята, дешетли бир манзара эди. Бир айдан сонъ койге
акъшам устю беш-алты юк арабасы кельгени акъылымда.
Эрменилер, булгъарлар, румлар, чингенелер ве саире миллет
адамларыны вагонларгъа юклеп къырымтатарларнынъ артын-
дан алып кеттилер. Биз де ёл азапларыны чекип Марий Элге
кетирильдик. Агъам дженктен хаста, яралы къайтып кельди.
Анам-бабам пек те ишке яравлы дегиль эдилер. Мен он дёрт
яшында эдим, андан-мындан агъач хырсызлап Къазангъа ба-
заргъа алып барып сатам. Ерлештирильдигим ерден изинсиз
кеткеним ичюн бир къач кере якъаланып, апсханеде отуруп
чыкътым. Биз, къырымлыларны, зонада, къапалы туттылар.
Комендантлар пек ярамай давраныр, котеклер эдилер бизни.
Фермандан сонъ яшамасы бираз енгильдже олды.

ТАЛИП ТАЛИПОВ

«АНАМ УРКУСТАНЫ СААТЛЕРНЕН ТАРИФ ЭТЕ ЭДИ»

Волжск шеэринде яшагъан кырымтатарларнен таныш олмакъ, субетлешмек ишлеримде даа бир инсан пек чокъ ярдым этти. Яшы етмиште олгъан Талип агъа Талипов аля даа Марбумда чалыша, амма айны о куньлерде татильде экен. Субетимизден эвель Талип агъа ана тилимизни яхшы бильмегени ичюн менден афу сорап, рус тилинде лаф этип башлады. Амма меним тек кырымтатарджа къонушкъанымдан озю де ана тилине кечкенини дуймай къалды.

– Эвде тек ана тилимизде къонуша эдик, амма сонъра мектеп, техникум ве заводда рус тилинде лаф этильгенинден, этрафымда башкъа миллет адамлары олгъанындан тилимизни бираз унутып башладым, – деп Та-

лип агъа озюни акъламагъа тырышты.

– Мен тамам етмиш йыл эвельси, 1949 сенеси Волжск шеэринде догъдым, балалыкътан сюргюнлик икяелерини динълеединълее буюдим. Анам Эсфуре Абибуллаева

асылында догъма Балыкълава районынынъ Уркуста коюнден. Генчлигинден пек актив джемаатчы кыыз экен, немселер бастырып кельгенде анамнынъ анасы-бабасы думшаннынъ зулумындан къртармакъ ичюн оны Кучка коюнде яшагъан Амет Талиповгъа къроджагъа бергенлер. Анам ве бабам Марий Элге сюркюн этильгенлер. Оларнынъ менден эвель догъгъан балалары ольген, мен мында догъдым. Къырымтатарларны башта шеэрде яшагъан ерли

халкънынъ эвлерине ерлештиргенлер, сонъ сюргюн этильгенлер ичюн махсус агъач баракълары ясагъанлар. Анам чешит ишлерде чалышкъан. Менден сонъ Мустафа, Осман, Сервер къардашларым дюньягъа кельдилер.

Бабам къагъыт комбина-

тында чалышкъан. Бираз ерлешип, озюне кельген сонъ анам шу Марий Элнинъ башкъа район ве койлерине тюшкен къардашлары, ана-бабасыны кыдырып тапты. 1956 сенесининъ ферманындан сонъ анамнынъ сойлары Озьбекистангъа кочип кеттилер.

Анам Къырымны, хусусан догъгъан кою Уркустаны пек чокъ хатырлар, саатлернен тариф этмектен ёрулмаз эди. Къырымгъа ильк сефер баргъанымда коюмизни, анамнынъ догъгъан эвини

корьдим.

Сюргюнликнинъ биринджи йылларында, хусусан 60-нджы сенелерде яни режим лягъв этильген, шараит бираз йымшагъанда къартларымыз бир арагъа топлашып,

Къырымны хатырлар, халкъ тюркюлерини айтыр да агълар эдилер. Амма шимди бир шеэрде яшагъанымызгъа бакъмадан базы семетдешлеримнен 3-5 йыл корюшмегендирим. Эр кеснинъ иши-кучю бар.

Анам ве бабама Къырымгъа къайтмакъ насип олмады. Анам эски, бабам янъы къабристанда дефн этильдилер. Мен ве къардашларым да Волжскте къалдыкъ. Лякин Къырымнен даима багъланамыз.

МУРВЕТ ГЪАНИЕВА

«СЕВИМЛИ ЯЛТАМА КЪАЙТМАГЪА ИСТЕЙИМ»

Талип агъанынъ икяесини динъ-леп, аилевий альбомындаки эски фотоларыны бакъып, экимиз берабер Мурвет апа Гъаниеванынъ эвине кетемиз. Сюргюнликни башындан кечирип, кучюк яшында бу гъурбет ильде осьмек, ябанджы тильде окъумакъ, ябанджы муитте ве икълимде буюмек зоруна къалгъан бу инсанларнынъ ана тилини, бильхасса, озъгюн шивесини сакълап къалгъанларына шашам. Бир эвде Ялта, Алушта шивеси, дигер эвде Буюк Озенбашнынъ текрарланмаз шакъалары, даа биринде

исе - Уркустанынъ айтымлары янъгъырай. Вен мен кендимни Къырымдан учъ бинъ километр узакъта, орман-дагълар ичинде дегиль де Ватанымнынъ койлеринде, койдешлеримнинъ юртунда булунгъан киби дуям.

– Мен 1935 сене-си Ялтанынъ озюнде догъдым. Биз беш бала эдик. Бабам дженкте. Ялтада къатты чарпышмалар башлагъанда анамнынъ къыз къардашы Алуштадан келип,

анама : «Апа, бир кызынъны алайым яныма, санъа азачыкъ енгильдже олур», дей ве мени ала. Кыырымдан чыкъаргъанларында анам дёрт баланен Ялтадан, мен къартанам-къартбабам ве тиземнен Алуштадан сюрюн этильдик. Биз Озбекистангъа Ташкент виляетининъ Тойтюбе деген ерге тюштик. Бизни дамы тобан алчакъ бир эвге кыйдылар. Анамнен къардашларым башта Татарстангъа, сонъра шу Волжск шеэринен кетирильгенлер. Анам Айше 33 яшында дюльбер бир къадын эди. Анифе буюканам ве анам экиси Марбумда чалыштылар. Сонъ

буюканам къардашларымнен эвде отура, анам озю чалыша. Анам бизни кыйдыра-кыйдыра, сораштыра-сораштыра тапты ве чагъыртты. Дёртюмиз – буюканам-къартбабам, тизем ве мен Волжске кельдик. Оларнынъ эписи артыкъ Аллахнынъ рахметине къавуштылар. Тек мен къалдым.

Марий Элге кельгенде мектепке къатнап башладым, 16 яшымда дёртюджи сыныфкъа бардым. Амма бакъам-корем анамнынъ бир озюне балабан къорантаны бакъмакъ кучъ ве окъувны ташладым. Анамнынъ янына Марбумгъа ишке кирдим. Къартбабам манъа ишарет этип, анама: «Айше, сени бу кызынъ бакъаджакъ!», деди. Ойле де олды. Анам меним элимде

кечинди. Бабам Абдюль Гъаниев 1943 сенеси эляк олгъаны акъкъында сонъ хабер алдыкъ. Дженк биткен сонъ Амет эмджем бизим янымыза кельди. 1956 сенесине къадар эр ай ко-

мендантынъ узурьна
къатнадыкъ.

Зера апам, Заре-
ма къардашым Ал-
малыкъ шеэринде
яшардылар. Мен иш-
тен татилге чыкъып
онъа мусафирликке
бардым. Бегендим
шеэрни, иш таптым.
Эвлендим. Марбумгъа
мени иштен бошатма-
ларыны сорап ариза
яздым. Бойлеликнен,
мусафирлигим йигир-
ми алты йыл девам
этти. Бу арада анам
хасталанды, меджбур
олдым къайтмая. Учъ
йыл анамны бакътым
ве артыкъ кене Волжс-
кте къалдым.

Къырымгъа бар-
гъанда Ялтадаки эви-
мизни корьмеге исте-
дим. Эвимизнинъ янъы
«саиплери» истемей-
истемей зар-зорнен
кирдирди ичери. Азба-
рамыздаки къуюмыз-
дан бир мешребе сув
сорадым ондан. Пек

истер эдим озъ эвиме къайтмагъа, амма бизни анда беклеген
кимсе ёкътыр. Эбет, сой-акърабаларым чокъ, заман-заман
барып зиярет этем.

ЭНВЕР ЛАМПОВЩИКОВ

«СЮРГЮНЛИК ОЛМАСА ЭДИ, МЕН АЛУПКАДА ДОГЪАР ЭДИМ»

Марий Элнинъ Волжск шеэринде 1955 сенеси майыс 14-те дюньягъа кельген Энвер агъа кендини Алупкалы, деп сая.

– Бунъа тааджюппленгенлерге дейим ки, эгер меним анам-бабамны сюргюн этмеген олсалар, мен Алупкада догъар эдим. Анам да, бабам да Алупкалылар. Бизим эвимиз Аметхан Султаннынъ эвининъ янында. Эм бир эв дегиль, эки эвимиз олгъан. Сойадым таа чар девринде чыраклар ясагъан къартдедемнинъ Алупкада устаханеси олгъан. Онъа эр кес «Ламповщик Бекир» дегенлер

ве бу лагъап сойадына чеврильген. 14 яшында бабам 1944 сенеси майыс 18-де сюргюнден къачаджакъ олып, Аметхан Султаннынъ эвинде сакълангъан, Чюнки къараманнынъ аилесине токъунмадылар. Лякин эп бир къуртулып оламады. Муневеър къартанам балаларынен мында Волжск шеэринде тюше, бабам исе Эмине тиземнен Пермь виляетининъ Березники шеэри янындаки Валушино коюне тюше. Бир йылдан сонъ аиле кене къавуша, бабам ве Эмине тизем Уралдан мында кельдилер. Къартбабам Амет ве онунъ агъасы Энвер Ламповщиковлар дженкнинъ биринджи кунюнден сонъунадже хызмет эттилер. Амет къартбабам дженкте косътерген ярарлыкълары ичюн медаллернен такъдирленген, амма 1944 сенеси оны бир чокъ

къырымтатар дженкчилери сырасында арбий хызметтен чет-
лештирдилер. О, Марий Элнинъ Волжск шеэрини тюшип, мында
Марбумда чалышты. Затен къорантамызнынъ чалышмагъа
икътидарлы эпси азалары шу комбинатта ишледилер. 1960
сенеси бабам Самаркъандгъа кетти ве анда 1974 сенеси вефат
этти. Энвер эмджем исе дженкте арбий эким эди. Дженктен
сонъ Херсонда яшады ве эким зенаатыны девам этти.

Бабам Къырымнен уянып, Къырымнен юкълагъандыр.
Севимли Алупкасында яшамакъ онынъ энъ буюк арзусы эди.
Амма, теэссюф ки бабам эбедиен гъурбетте къалты, мында
кечинди. Мен озюм Къазан университетини битирдим, къырым-
татар халкъынынъ миллий арекетине къошулып, къолумдан
кельген иссемни къоштым ве къошмакътам. Украина Пре-
зиденти, Русие Президентине халкъымызнынъ талапларыны
беян этип, мураджаатлар язам.

Энвер агъа Ламповщиков Къырымгъа къайтмакъ, севимли
Алупкасында ерлешмек арзусынен яшамакъта ве бу арзусы-
нынъ мытлакъа керчеклешеджегине инана.

ЙОШКАР-ОЛА

ПРОФЕССОР САНУКОВ К. Н.

«КЪЫРЫМТАТАРЛАРГЪА НИСБЕТЕН
АКЪСЫЗЛЫКЪНЫ ТАА БАЛАЛЫГЪЫМДА
КОРЪДИМ»

Марий Эл сеферине азырланьке, табиий ки, джумхуриеттеки тарихчыларнынъ меселемизге нокътайи-назары, дикъкъаты меракъландырды. Интернетте Марий Элнинъ корюмли тарихчыларындан бири, джумхуриетке сюрюген этильген къырымтатарлар акъкъында биринджилер сырасында язган, чешит минберлерден миллетимизни ачыктан-ачыкъ къорчалаган тарих илимлери докторы, Марий девлет университетининъ профессору Ксенофонт Никанорович Сануковнынъ бир къач макъалелерини тапып

окъудым. Марий Элге барсам, белли улькешынас, укъукъюруйыджы, Халкъара «Мемориал» джемиетининъ Марий Элде болюгини биринджи ачкъан, Марий Эл дагъ ве орманларында бинътернен гунахсыз инсанларгъа нисбетен япылган джинаетни фаш эткен шу джесюр алимнен шахсен корюшип субетлешмекни ниет эттим. Бу ниетимнинъ керчеклешмесине Йошкар-Ола шеэринде яшаган ве Ксенофонт Никаноровичны сыкъ-сыкъ ёкълап турган фааль къазантатар достумыз Рамай Юлдаш ярдым этти. Мегер, Сануков чокътан хаста, янъгъыз яшай ве эвинден чыкъмай экен. Амма Къырымдан журналист кельгенини эшитип, корюшмеге разы олды.

Чокъ керелер шунъа икърар олдым ки, хулюс къальп иле ниет эттинъми Юдже Танърымыз мытлакъа ярдым эте. Иште, Юдже Раббимнинъ ирадеси иле мен Йошкар-Олада Ксенофонт Сануковнынъ эвинде суаллериме джевапларыны динълейим. Алим манъа Марий Эл дагъларына тюшкен хор халкъымнынъ такъдирини бильмек ичюн о ерлергедже баргъан биринджи журналист олгъанымны айткъанда, бир тарафтан гъурурландым, дигер тарафтан кедерлендим.

– Ксенофонт Никанорович, къырымтатарларнен не вакъыт таныштынъыз?

– Къырымтатарларны ильк сефер балалыгъымда корьдим. Мен 1935 сенеси Дагълы Марийск районында, Волга деръясынынъ сагъ тарафындаки Козьмодемьянск шеэри ерлешкен Носёлы коюнде догъдым. Къырымтатарларны биз тарафларгъа сюргюн этип кетиргенлеринде 9 яшында бала олсам да, эр шей пек яхшы акъылымда. Волганынъ о бир тарафындан орманлар ичинде ерлештирилъген къырымтатарлар сийрек-сийрек биз яшагъан къасабагъа да кельгенлерини коре эдим. Оларгъа Волганынъ сагъ тарафына кельмек дегиль, корюнмек биле къатиен ясакъланып, тек сол ялыда Килемарский районынынъ Дубовский, Ахмолово, Ардынское койлеринден алма, къартоп сатын алмакъ ичюн кельдилер. Оларны эр ерден къувалагъанлары мени тааджюпленидире эди. Мектепни битирип, Козьмодемьянск педагогика окъув юртуна киргенимде де къырымтатарларына нисбетен адалетсизликни корьдим. Къырымтатар генчлерини окъув юртларына алмамагъа, эр анги маначыкъларнен къабул этмемеге тырыштылар. Месея, бизим окъув юртумызда тек бир къырымтатар къызы окъугъаныны билем. Албуки, окъумагъа истеклилер чокъ эди. Педагогика окъув юртуны битиргенимнен, тасилимни Йошкар-Ола педагогика институтында девам эттирдим. Мында да айны шу вазият – къырымтатар студентлери ёкъ эсабында эди.

– Къырымтатарларнынъ сюргюнлиги акъкъында язманъызгъа не сильтем олды?

– Институтны битирип, улькемизнинъ тарихына аит тедкъыкътларнен огърашмакъ, очерклер язмакъ ичюн архивлерде

чалыштым. Ве бир чокъ весикъаларда къачкъан, джезалангъан, къуршунлангъан къырымтатарлар ве немселер акъкъында малюматларны расткетирдим. Амма бу акъта язмагъа ич кимсе изин бермез эди. Ве тек 1988-89-нджы йылларнынъ сонъларында башлангъан «перестройка» бу къапалы пердени бираз ачкъан киби олды.

— Сиз о вакъытта Халкъара «Мемориал» джемиетининъ Марий Эл джумхуриетинде болуги ачылмасынынъ тешеббюсчи, къуруджысы ве биринджи реиси олдынъыз!

— Эбет, догъру. Ойле бир джошкъунлыкънен кириштик биз ишке! Михаил Горбачёв девринде пек къыскъа вакъытка олса да девлет озь архивлерини ачты. Бу имкян чокъкъа сюрмейджегини санки дуйгъаным киби фурсаттан файдаланмагъа тырышып, архивге пек сыкъ къатнадым, саатлернен отуруп чалыштым. Пек чокъ къыйметли малюматларны язып алмагъа етиштирдим! Арадан эки-учь йыл кечкен сонъ студентлеримни де бу ишке джелъп этеджек олып, архивге ёлладым. Амма оларгъа чалышмагъа изин бермегенлер. Мен озюм бардым, амма архивлер кене къапатылып, бизни кене эвелькиси киби анда якъын къоймадылар.

— Ксенофонт Никанорович, Сиз макъаленъизде 1944 сенеси июнь-август айлары арасында 13 киши «малюмат еткизиджи» яни халкъ тилинде айткъанда чакъыджы тайинленип, 1945 сенесининъ март 1-не келип оларнынъ сайысы 138 баргъаны ве шу гъаммазларнынъ «ярдымы» иле «советлерге къаршы элементлер» 53 шахыс бельгиленип 58-нджи мадде боюнджа джезалангъаныны язасынъыз. Бойле гизли малюматларыны КГБ къолайлыкънен ачакъоймаз.

— Акълысынъыз. Мен бу малюматларны профессор, Халкъара «Мемориал» джемиети болугининъ реиси оларакъ алабийдим.

— Къырымтатарлар ерлештирилъдиги зона ве баракъларда олдынъызмы?

— Олдым. Килемары районындаки Визимьярыде Карасьяры орман участкасында къырымтатарларны телькъора артында, сиялы къаравуллар бекчилигинде туткъанларыны озь козь-

леримнен корьдим. Оларны андан ич бир ерге чыкъармай эдилер. Базы бир къасабаларда къырымтатарларнынъ къолларына балта, пычкыы туттырып: «Мына сизге агъач, пычынъ-ызы, кесинъиз, истегенинъиз киби къурынъыз», дегенлер. Яни эв къурмагъа ве атта айван бакъмагъа «мусааде эткенлер». Базы весикъаларда санки мыскъыл киби къырымтатарларына домуз асрамакъ теклиф этильгенини окъудым. Архивде КГБ тарафындан соргъу этильген къырымтатарларнынъ икяелерини де язып алдым.

– Ксенофонт Никанорович, архивде язып алгъан малюматлардан ангиси Сизге зияде тесир этти?

– Эпси. Оларны окъумакъ пек зор. Инсан ерлештирильдиги еринден бираз узакълашкъаны ичюн тутып къапатыла, «къачмакъ арекети ичюн» чокъ йылларгъа азатлыкътан марум этиле. Асылында онынъ къачмакъ акъылына биле кельмегендир. Я да бир къадыннынъ ич тюшюнмеден лаф арасында «бизни немселер биле бойле къыйнамагъан эдилер» демеси къоркъунчлы бир джинаетнен тенъештирилип, 58-нджи мадде боюнджа 25 йылгъа укюм этильмесини насыл къабул этерсинъ? Савадсыз къартлар, къадынлар 8,10, 15 йылгъа укюм этильгенлер.

– Чыкышларынъыз, макъалелеринъиз ичюн Сизге лаф тиймедими?

– Эххе, не къадар сопа ашагъандырым бу арекетлерим ичюн! Хусусан, къырымтатарларына Ватанларына къайтмагъа изин бермек, адалетсизликни ёкъ этмек керек, дегеним ичюн бир чокъ топлашув ве бюроларда пек къаттты тенъкид этильдим. «Сануков хаин ве саткъынларны къорчалай» деп баягъы яйгъара къопардылар. Макъалелеримни «Марийская правда» газетасында дердж этмедилер, дефаларджа «субетке» чектилер. Амма мени бу арекетлер токътатмады, ишимни девам этебердим. Минберлерден бутюн къырымтатар халкъы саткъын оламаз, хаинлер башкъа халкъларда да олгъаныны анълатмагъа тырыштым. Амма Советлер Бирлигинде о вакъытларда къырымтатар миллетине менсюп олмакынынъ озю биле джинает эди.

– Сиз Къырымда олдынъызмы? Насыл корьдинъиз Къырымны?

– Эбет. Эм бир къач кере! Дженнет, дженнет! Къырым бизге эвлят багъышлады. Къадыным хасталыгъы себебинден чокъ йыллар баламыз олмады. Кезлевде тедавийленген сонъ къызымыз дюньягъа кельди.

Къырымтатар халкъынынъ бугуньки вазияти де енгиль дегиль. Де бир девлет Къырымгъа уюмранлыкъ эте, де башкъасы къолгъа ала. Албуки, Къырым къырымтатарларнынъ тарихий Ватаныдыр.

Ксенофонт Никаноровичке энъ ичтен миннетдарлыгъымны бильдирип, онынъ «Крымские татары – спецпоселенцы в Марийской АССР в 1940-1950-е годы» макъалесини китабымызда дердж этмек изинини алдым.

УДК 94(47)"1917/1991 "(470.343)

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ – СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В МАРИЙСКОЙ АССР В 1940-1950-Е ГОДЫ

К. Н. САНУКОВ

ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Россия

На основе малодоступных архивных и опубликованных документов воссоздается часть истории организации спецпоселений для крымских татар на территории Марийской АССР в 1944-1956 гг. Освещены правовые аспекты организации спецпоселений, бытовых условий, труда спецпереселенцев - крымских татар в режимных спецпоселках. Показано значение этих поселков в дальнейшем развитии лесозаготовок в Марийском крае.

Ключевые слова: *Крым, крымские татары, Марийская АССР, спецпереселенцы, режимные спецпоселки, лесозаготовки.*

В годы Великой Отечественной войны Крым был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Национальная служба безопасности создала «мусульманский комитет», а затем на его базе «татарский комитет», в программу которого входило создание формирований для оказания помощи германской армии. Немецким командованием было набрано около 20 тысяч человек из примерно 200-тысячного татарского населения Крыма. В апреле 1944 года, сразу же после освобождения Крыма, НКВД и НКГБ приступили к «очистке» его территории от «антисоветских» элементов. Практически это обернулось поголовным выселением крымских татар по обвинению в пособничестве оккупантам. Крымская АССР была упразднена, переименована в Крымскую область РСФСР.

Постановления ГКО о выселении крымскотатарского населения с территории Крымской АССР принимались 2 апреля, 11 и 21 мая 1944 года.

Основную операцию начали на рассвете 18 мая и провели за 3 дня. По окончательным данным из Крыма были депортированы 191014 крымских татар (более 40 тысяч семей) [5, с. 43]. Большинство из них увезли в Узбекистан. Остальных распределили по регионам России, в том числе в Марийскую АССР. С конца мая по начало июля 1944 года в Марийскую республику были выселены 2066 семей (9061 человек) крымских татар [1, д. 4, л. 36]. 2 июня 1944 года последовало Постановление ГКО о выселении с полуострова армян, болгар и греков. Часть из них (581 человек) была направлена в нашу республику.

Из воспоминаний Амдия Джелялова, опубликованных в 1994 году, возможно восстановить картину переселения крымских татар в Марийскую АССР. Автору воспоминаний было 13 лет, когда ночью пришли за Джеляловыми сотрудники НКВД и НКГБ и погрузили в товарные вагоны. Амдий с братишкой в ту ночь находились в Ялте у тетки и в вагон с родителями не по-

пали. Тех с другими детьми повезли в Костромскую область, а Амдия с братом, теткой, бабушкой и дедушкой – в Марийскую АССР. 10 дней ехали в битком набитых телячьих вагонах под конвоем. «Лишь на четвертые сутки – баланда, а к концу пути – вши горстями». Потом – конечная станция – город Волжск [4].

Крымские татары, армяне, болгары, греки, прибывшие с Крымского полуострова, в документах фигурируют под общим наименованием «спецпереселенцы из Крыма».

Данный контингент на территорию Марийской АССР прибыл в основном в четыре этапа [1, д. 1, т. 2, л. 114]:

27 мая 1944 г. эшелон № 616 семей 810 человек – 2983

29 мая 1944 г. эшелон №614 семей 699 человек – 2842

1 июня 1944 г. эшелон №606 семей 606 человек – 2670

6 июня 1944 г. эшелон № 732 семей 176 человек – 580
всего семей 2291 человек – 9075

Выселенные из Крыма размещались в лесных поселках, чтобы использовать их на заготовке и вывозке древесины на основе договора ГУПАГА (от 20 февраля 1940 года) с Наркоматом лесной промышленности «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций».

С прибытием крымских татар Наркомат внутренних дел Марийской АССР создал специальный аппарат для их обслуживания – спецкомендатуры НКВД, которые располагались в следующих районах [1, д. 1, т. 2, л. 36-37]:

1. Йошкар-Олинский район – на территории Суслонгерского лестранхоза, где расселено 255 семей (1272 человека) - одна спецкомендатура.

2. Волжский район – в городе Волжске с расселением 245 семей (1495 человек) – одна спецкомендатура.

3. Звениговский район – на участках сплавных контор Малой и Большой Кокшаги с расселением 282 семьи (1253 человека) – две спецкомендатуры.

4. Юринский район – на территории Юркинского лестранхоза с расселением 395 семей (1410 человек) – одна спецкомендатура.

5. Горномарийский район – на территории Волжского и Руткинского лестранхозов с расселением 577 семей (2259 человек) – две спецкомендатуры.

6. Медведевский район – на территории Йошкар-Олинского лестранхоза с расселением 312 семей (1374 человека) – одна спецкомендатура.

В сентябре 1944 года в Наркомате внутренних дел Марийской АССР создан специальный Отдел спецпоселений, который руководил работой по спецпереселенцам.

В условиях продолжающейся войны из фронтовых формирований крымских татар, как правило, убрали в тыловые части (стройбаты). Но некоторые оставались в рядах сражающейся армии, с окончанием войны наступало время и им разделить участь своего народа. Так, например, Селями Алимов из деревни Байдары Балаклавского района провоевал всю войну на фронте, награжден орденом Красной Звезды и медалями, принят в Коммунистическую партию. В декабре 1945 года прибыл в Горномарийский район на встречу с семьей и здесь был определен на положение спецпоселенца [2, д. 34-9, л. 29].

На 1 января 1948 г. в Марийской АССР находилось спецпоселенцев «из Крыма» – 8079; на 1 января 1952 г. – 8244 человек, на 1 января 1953 г. – 8341 [3, с. 10].

Спецпоселенцы были жестко привязаны к местам размещения и спецкомендатурам. Для них был установлен посемейный и индивидуальный учет.

По-настоящему черными днями для спецпоселенцев стали те, когда им под расписку объявляли Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного места поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Указ предусматривал, что на спецпоселении они остаются «навечно, без права возврата к прежним местам жительства».

За побег предусматривалось 20 лет каторги. Коменданты спецкомендатур получили инструкции по выполнению Указа. Со спецпереселенцев ими были взяты расписки: «Расписка: Мне, выселенному..., проживающему в ..., объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ».

Отправка на спецпоселение новых контингентов не прекращалась вплоть до смерти И. В. Сталина. В результате к 1 января 1953 года численность спецпоселенцев в СССР достигла максимальной величины – 2753356 человек, в Марийской АССР – 11112 [3].

Работа по обслуживанию спецпоселенцев, размещаемых с 1944 года на территории Марийской АССР, осуществлялась до июня 1954 года Отделом спецпоселений, который был создан в Наркомате внутренних дел МАССР, а позже – 4-м спецотделением.

На местах поселения спецпереселенцев создавались спецкомендатуры, работники которых были проинструктированы. Также на места спецпоселений были командированы оперативные работники, проведены оперативные совещания с начальниками РО НКВД.

С прибытием спецпереселенцев «из Крыма» была развернута работа по выявлению и разработке «контрреволюционного преступного элемента» среди спецпереселенцев. С этой целью среди спецпереселенцев начали вербовать осведомителей. В период с июня по август 1944 года было завербовано 13 осведомителей, а на 1 марта 1945 года их было уже 138 человек. За это время с их помощью было выявлено и привлечено к ответственности по 58-й статье 53 «антисоветских элемента» [1, д. 4, т. 1, л. 40]. В последующем такая работа приобрела еще больший размах. В «Книге Памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» опубликованы десятки фамилий крымских татар, репрессированных и впоследствии реабилитированных [6].

Заботой спецслужб была также борьба с побегами спецпереселенцев. С момента заселения по 1 декабря 1944 года бежали из мест поселения 85 человек, из которых 35 человек так и не разыскали [1, д. 1, т. 2, л. 47].

Основными причинами побегов были следующие:

1) плохие материальные и бытовые условия, в которых проживали спецпереселенцы;

2) желание соединения с родственниками, проживающими в других областях и республиках;

3) слабый контроль со стороны спецкомендатур.

Для предотвращения побегов создавалась из спецпереселенцев же «противо-побеговая сеть», вербовались группы содействия комендатурам по выявлению и задержанию бежавших, вводилась круговая порука по принципу десятидворок с избранием старших, у которых были отобраны подписки [1, д. 1, т. 2, л. 47].

Представляют интерес заявления спецпереселенцев, которые были донесены агентурно-осведомительной сетью. Так, 2 февраля 1945 года Кара-Ибрагим сказал: «Здесь жить трудно, работа тяжелая, голодно. Нас выслали не за то, что мы немцам помогали, – война здесь ни при чем, – а выслали как нацию, чтобы уничтожить татар». Подобные заявления подтверждают тяжелое положение спецпереселенцев. Шамратова, проявляя недовольство выселением татар из Крыма, одновременно восхваляя жизнь на временно оккупированной немцами территории Крыма, заявила: «Нас, крымских татар, переселили неверно. Мы жили хорошо только в период оккупации немцами Крыма, а при Советской власти хорошей жизни не было. Если бы не возвращение в Крым Красной Армии (похабно выражаясь), то мы бы не страдали. Я 25 лет при Советской власти не жила так хорошо, как жила при немцах 2 года». Османов Осман 1 апреля 1945 года в парикмахерской спецпоселка Шуйка в разговоре о жизни заявил: «Когда немцы находились в Крыму, то в советской печати писали, что немцы грабят местных жителей, отбирают скот, хлеб и имущество. Это неверно, немцы этого не делали, а Советская власть это проводила – брали от нас скот, хлеб, одежду» [1, д. 1, т. 2, л. 29, 63].

Спецпереселенцев с подобными заявлениями брали на учет для дальнейшей разработки.

Отдел спецпоселений МВД МАССР в исполнение Приказа МВД СССР № 00246 от 8 марта 1948 года в своей работе основными задачами ставил [1, д. 6, т. 1, л. 231]:

1) установление строгого режима в местах поселений спецпоселенцев, исключая какой бы то ни было возможности побегов;

2) организация точного учета, правильного и обязательного трудоустройства спецпоселенцев и административного надзора в местах поселения;

3) улучшение жилищно-бытовых условий спецпоселенцев.

Отделом спецпоселений совместно с комендатурами за период с апреля по май месяцы 1948 года по всем спецпоселкам полностью была закончена сверка фактического наличия спецпоселенцев с учетными данными на них [1, д. 6, т. 1, л. 232]. По окончании сверки во всех спецпоселках заведены новые книги учета и внесены соответствующие изменения в карточный учет.

Для установления строгого режима за этот же период по всем спецпоселкам проведены общие собрания со спецпереселенцами, совещания со старшими бараков, на которых им были разъяснены их обязанности и отобраны подписки об их ответственности за личный состав их бараков. Спецкомендатурами были заведены журналы явок глав семей и старших бараков один раз в месяц. Всем совершеннолетним спецпоселенцам разъяснено «Положение о мере наказаний» в случае совершения побегов, и отобраны от каждого из них индивидуальные подписи. Для установления контроля за нарушениями режима и трудовой дисциплины коменданты спецкомендатур должны были поддерживать постоянную связь с администрациями предприятий, а также с комендантами общежитий. Производственные бригады и цеха обставлялись агентурой и доверенными лицами, через которых устанавливалось наблюдение за лицами, склонными к побегу. В паспортах спецпоселенцев были

произведены отметки с записью «Разрешено проживать только в пределах ... района Марийской АССР», а тем, которые не имели паспортов, – выдавались временные удостоверения.

В целях предупреждения побегов и задержания бежавших спецпоселенцев было организовано круглосуточное дежурство оперативного состава РО МВД по наблюдению за отходящими поездами и пароходами. Добиваясь выполнения Приказа МВД СССР №000246, Отделом спецпоселений МВД Марийской АССР за 1948 год был разыскан 81 бежавший спецпоселенец. По состоянию на 1 декабря 1948 года осталось в бегах: «из Крыма» - 80 человек, из них объявлено во всесоюзный розыск - 27 человек, а остальных – в местный розыск [1, д. 6, т. 1, л. 233].

Практиковались контрольные проверки жилых помещений работниками спецкомендатур путем внезапного обхода квартир выселенцев на предмет установления правильности доклада старших барачников. Для закрытия выходов из спецпоселков и своевременного задержания самовольно отлучающихся велась регулярная работа с имеющимися группами содействия как внутри поселков, так и вне спецпоселков, в которых, по состоянию на 1 января 1950 года, имелось 113 групп содействия с общим числом 539 человек. Группы содействия создавались также в прилегающих к спецпоселкам населенных пунктах. Отдел спецпоселений МВД проводил работу и по соединению разрозненных семей. По состоянию на 20 мая 1948 года общее количество разрозненных семей спецпоселенцев в Марийской АССР значилось в 322 семьи.

С начала расселения спецпоселенцев по 20 мая 1948 года всего выбыло в порядке соединения с семьями в другие области, края и республики «из Крыма» 1352 человека. Крымские татары в основном выехали в Узбекистан, Тульскую и Молотовскую области. За этот же период прибыло спецпоселенцев в Марийскую республику на соединение с семьями, работавшими в лесной промышленности «из Крыма» 1043 человека [1, д. 6, т. 1, л. 70-71].

Спецпереселенцы рассматривались Советским государством как дармовая «рабсила», как эффективная форма пополнения трудовых ресурсов. В условиях Марийской АССР спецпоселенцы привлекались к работам в лесу по заготовке и вывозке древесины в лесотранхозах треста Маритранлес и на Марийском целлюлозно-бумажном комбинате для работы в цехах и на лесной бирже. В Постановлении Совета Народных Комиссаров № 235 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» говорилось следующее: «Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно полезным трудом. В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях. За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются в ответственности в соответствии с существующим законом».

После окончания Великой Отечественной войны перед работниками лесных отраслей была поставлена главная задача – дать стройкам послевоенных пятилеток как можно больше древесины для восстановления разрушенного войной народного хозяйства, строительства жилья, новых предприятий. В исполнение этой задачи важный вклад внесли спецпереселенцы.

В систему Марийского целлюлозно-бумажного комбината прибыли 730 человек трудоспособного контингента, из них на 1 апреля 1945 года были трудоустроены 622 человека, в Маритранлесе из 2565 трудоспособных человек трудоустроены 2232 человека. Для устройства на работу женщин, имеющих детей, на участках были организованы школы и детские сады. Из числа трудоспособных не работали 432 человека.

Основными причинами невыхода трудоспособных спецпереселенцев являлись:

а) отсутствие в достаточном количестве на участках детских учреждений, поэтому трудоспособные женщины, имеющие детей, вынуждены были сидеть дома (например, Волжский лесотранхоз);

б) отсутствие в достаточном количестве теплой одежды и обуви для работы в зимних условиях в лесу (например, Юринский леспромхоз);

в) не организованы на участках леспромхозов подсобные цеха, где бы могли работать физически слабые и многодетные женщины.

Некоторые руководители леспромхозов не доверяли материальные ценности спецпереселенцам, снимали их с работы без всяких на то оснований, а на их место ставили людей из местного населения. Также имели место случаи переброски спецпоселенцев с основных работ на малооплачиваемые. Так, в Абаснурском лесоучастке из 69 человек 35 спецпоселенцев систематически перебрасывались с основных работ на сжигание сучьев, очистку дорог и спиливание пней. За сентябрь 1948 года 69 рабочими спецпоселенцами выработано на основных работах только 508 человекоднев, остальное время затрачено на подсобные работы. Факты переброски рабочих с основных работ на второстепенные отмечены также по Волжскому, Руткинскому, Юркинскому леспромхозам треста «Марилес», причем эти работы по своему характеру различны и в значительной степени влияют на выработку норм и заработка рабочих.

Наряду с этим полностью не были изжиты факты обсчета спецпереселенцев и незаконных удержаний при исчислении зарплаты. Так, руководством Абаснурского лесоучастка сплавной конторы реки Малая Кокшага из зарплаты спецпоселенцам за июль 1948 года удержано 3747 рублей, якобы за дрова, полученные спецпоселенцами с дровяных складов лесоучастка на осенне-зимний сезон 1947-1948 гг., тогда как в действительности этого не было.

Часто спецпереселенцам приходилось преодолевать большие расстояния, добираясь до места работы. Так, на лесоучастках «Карачурино», «Пристань Дубовая», «11-й километр» и «Строительство Килемарской железнодорожной ветки» рабочим приходилось ходить на работу на расстояние 10 километров. «... В числе этих рабочих имеются женщины с грудными детьми, за путь следования этим рабочим не опла-

чивается, и транспорт не предоставляется. Следовательно, эти рабочие ежедневно на 10 часов оставляют своих грудных детей, в данное время часть из них по указанной причине работо оставили».

ОСП МВД Марийской АССР в своей практической работе, наряду с другими мерами, в качестве одной из задач ставил максимальное трудоустройство выселенцев с учетом их профессии и физического состояния, добиваясь закрепления выселенцев в постоянные кадры. Принудительный труд причудливо дополнялся таким методом стимулирования трудового энтузиазма, как «социалистическое соревнование».

Из отчетов ОСП МВД Марийской АССР видно, что «выселенцы в своем большинстве к труду относятся добросовестно, нормы выработки выполняют и перевыполняют. Широко развернуто социалистическое соревнование между лесоучастками, бригадами и отдельными лицами».

Из доклада о работе 4-го Спецотделения МВД Марийской АССР за 1955 год видно, что «все спецпоселенцы трудоустроены. Лиц, не занимающихся общественно полезным трудом, не выявлено. Имели место факты, когда отдельные спецпоселенцы уклонялись от работы, таких лиц вызывали в спецкомендатуры, беседовали, предупреждали, давали срок для устройства на работу и оказывали помощь через администрацию в трудоустройстве».

Несмотря на все трудности, спецпереселенцы на своей работе добивались определенных высот. Так, по Козиковскому ЛПХ, являвшемуся передовым по тресту «Марилес», 35 спецпоселенцев систематически перевыполняли норму. Бригады лебедчика Ильясова С., электропильщика Ибрагимова Т., машиниста паровоза Аблязова З. держали переходящие Красные знамена. Моторист Сеит-Умеров выполнял норму на 213 %, трелевщики Арифов, Сеитумеров – на 176-218 %. Четырнадцать спецпоселенцам была объявлена благодарность. По Головинскому лесоучастку о лучшем трактористе Веисове Ю. помещена статья в центральной газете «Лесная промышленность», в газете «Марийская правда» помещены

статьи о лучших шоферах Абкеримове, Бакалове, Кадырове, Ханбулаеве. По Суслонгерскому леспромхозу спецпоселенец Гафаров Аблямит, член ВЛКСМ, дважды награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР; возчики Симелетдинов Х., его брат Керим, грузчик Сеттаров систематически выполняли норму на 150-200 %. Спецпереселенцы, работая на предприятиях Марийской АССР, внесли существенный вклад в поднятие и развитие послевоенной экономики Марийской АССР.

Деятельность государственных органов подразумевала создание системы спецпоселений, способных обеспечить жизнедеятельность и эффективность труда спецпоселенцев. Но многие подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Условия жизни на спецпоселениях складывались крайне неблагоприятные. Спецпоселки были отгорожены от остального мира.

Крымские татары, прибывшие в Марийскую АССР, были в основном расселены в общих бараках. Жилая площадь в этих бараках в большинстве своем была не подготовлена. Многим баракам требовался капитальный ремонт, устройство печей, застекление окон и другие работы. Постепенно в общих бараках в 1945 году были устроены комнаты на 1748 семей. Из непригодных барakov производили частичное переселение на вновь организованный участок Пикен-Агур. Но, несмотря на эти меры, 318 семей проживали в общих бараках, часть которых для жилья в зимних условиях была совершенно не пригодна.

К 1 января 1946 года из 1806 семей спецпереселенцев – крымских татар – 177 семей проживали в общих бараках; 47 человек были переведены в другие поселки, в отдельные комнаты с печным отоплением для каждой семьи. Построено 3 дома на 39 семей, также с устройством комнатной системы; переселены из общих барakov в дома с комнатной системой 213 семей; устроена комнатная система в бараках на 1562 семьи.

Но, несмотря на все предпринятые меры, жилищно-бытовые условия были по-прежнему в плохом состоянии. Это

показали и результаты обследования, которое проводилось в декабре 1947 года. Так, например, в спецпоселениях Марбум-комбината «жилищно-бытовые условия находились в крайне неудовлетворительном состоянии: жилой площадью обеспечен не весь контингент спецпереселенцев, часть семей проживала на кухнях, а в бараках – чрезмерная скученность (3-4 семьи по 12-14 человек в одной комнате площадью 40-48 кв. м). Мест для хранения дров и овощей большинство семей не имели. Предметами домашнего обихода, а также постельными принадлежностями не обеспечены. В жилых комнатах от чрезмерной скученности царил антисанитария».

13 апреля 1948 года была произведена проверка санитарно-бытовых условий спецпереселенцев, проживающих в спецпоселке Орша Медведевского района Марийской АССР. Там всего находилось спецпереселенцев «из Крыма» – 97 семей, 370 человек, из них: мужчин – 73 человека, женщин – 108 и детей – 189 человек.

В абсолютном большинстве спецпереселенцы были расселены в помещениях барачного типа с переборками из теса, имели по одной комнате на семью, в отдельных случаях в одной комнате проживало по 2-3 семьи. Специальные кухни и сушилки в бараках отсутствовали. В каждой квартире спецпереселенцев были установлены подтопки, где проводились приготовление пищи и сушка одежды после работы.

Спецпереселенцы проживали скученно, жилой полезной площади на человека приходилось 2-3 кв. м., а в отдельных случаях было и меньше. Вся территория лесоучастка «Ошла», подучастков правого и левого тупиков, в особенности около жилых помещений, была засорена в большом количестве навозом, отбросами и другим мусором. Имеющиеся уборные и помойные ямы были не вычищены. В жилых помещениях было грязно, развелись клопы.

У большинства спецпереселенцев лесоучастка не имелось в достаточном количестве нижнего и верхнего белья, одежды и обуви по сезону, ходили оборванными. За отсутствием белья некоторые спецпереселенцы в бане мылись редко. Вошебойка

в течение всего 1948 года не работала в связи с отсутствием печи (кирпич от печи был использован для котлопункта).

Заработная плата рабочим-спецпереселенцам выплачивалась нерегулярно, в большинстве своем – в порядке авансирования. Имелся острый недостаток в снабжении печеным хлебом, в особенности иждивенцев. На лесоучастке проживало рабочих и служащих 750 человек, на которых отпускалось хлеба в продажу 400 кг. Из них распределялось для общественного питания через столовую – 30 кг, детскому саду – 13 кг. Остальной хлеб – 357 кг – распространялся не в порядке открытой свободной торговли, а развозился по котлопунктам и баракам для продажи в первую очередь рабочим на производстве (на одну семью по 2 кг), а то, что оставалось, передавалось много-семейным, детям и другим иждивенцам.

В большинстве своем спецпереселенцы лесоучастка «Ошла» не были обеспечены жестким инвентарем (стулья, табуретки, кровати), домашней утварью (ведра, тазы, умывальники) и кухонной посудой. Абсолютное большинство населения поселка, за исключением нескольких семей, не имело ламп. Они сидели с копилками, а отдельные семьи не имели и таких.

За период с 1944 года по апрель 1948 года ссуды на приобретение скота и постройку домов по участку «Ошла» спецпереселенцам не отпускались [1, д. 1, т. 1, л. 188].

Самым болезненным вопросом для спецпоселенцев было снабжение продуктами питания, одеждой и обувью. Так, например, с момента прибытия спецпереселенцев – крымских татар – до 1 января 1945 года по Маритранлесу на 2232 работающих было выдано только 1413 пар валенок, 2394 штук ватных фуфаяк. Причем фуфайки и брюки были бывшие в употреблении, и 25 % этих вещей были употреблены как не пригодные для других целей.

В силу необеспеченности теплой одеждой и обувью, часть трудоспособных спецпереселенцев не выходила на работу. Так, в Козиковском мехлесопункте Юркинского ЛТХ 100 трудоспособных спецпоселенцев не выходили на работу по причине отсутствия теплой одежды и обуви.

Спецпереселенцы часто жили голодая. Руководство Маритранлеса и Марбум-комбината часто не выдавало муки и картофеля, согласно постановлениям.

Задержку хозяйственные руководители объясняли отсутствием транспорта, хотя фактически транспорт эти предприятия имели в достаточном количестве.

В целях улучшения материального положения спецпереселенцев, ежегодно проводилась работа по посадке индивидуальных и коллективных огородов и оказания им помощи семенами. Наряду с этим были организованы бригады из домохозяев-стариков и подростков по сбору дикорастущих ягод. Собранные ягоды сдавались торгующим организациям, за что последние выдавали сдатчикам промтовары. Часть собранных ягод продавалась на рынках, а на вырученные деньги покупался скот. Так, уже в 1945 году было приобретено спецпереселенцами коров – 10 голов, коз -1166 голов, другого скота - 18 голов.

Торговля промышленными и продовольственными товарами, несмотря на Постановление Совета Министров МАССР за № 671с от 5 июля 1948 года, которое требовало коренного улучшения в торговле продовольственными и промышленными товарами, в ряде лесоучастков треста «Марилес» оставалась в неудовлетворительном состоянии. В практике торгующих организаций еще не была изжита выдача продуктов по спискам. Хлеб отпускался из расчета 800 граммов на рабочего и 200 грамм на иждивенцев, что ни в коей мере не удовлетворяло потребностей человека. Других продуктов питания – таких, как крупы, макаронные изделия, жиры сахар – поступало в крайне недостаточном количестве. Слабо была развернута торговля теплой одеждой, обувью, предметами домашнего обихода, посудой, мебелью, а торговля лампами и керосином совершенно отсутствовала [1, д. 6, т. 1, л. 221].

Одним из больших недостатков работы хозорганов была несвоевременная и неполная выплата зарплаты. Зарплату спецпоселенцам, как правило, выдавали путем авансирования по 20-30 рублей 3-4 раза в месяц. В результате по тресту «Марилес» и Марбумкомбинату, по состоянию на 1 января 1949

года, задолженность по зарплате спецпоселенцам исчислялась в сумме 990765 рублей.

Постепенно положение спецпоселенцев улучшалось. Они обзаводились собственными домами, домашним скотом, огородами. На 1 января 1951 года спецпоселенцы имели: собственных домов – 145; крупного рогатого скота – 454, мелкого рогатого скота – 2366 голов. Но некоторые предприятия оставались глухи к нуждам спецпоселенцев. Так, например, в городе Волжске на апрель 1956 года часть поселенцев в количестве 17 семей проживала в бараке № 6, принадлежащем Марбумкомбинату, хотя данный барак был списан еще в 1951 году. В трех комнатах отсутствовал естественный свет, в двух комнатах отсутствовали двойные оконные рамы.

С прибытием спецпереселенцев на лесоучастках начали строить школы и детские сады. Так, уже к 1 апреля 1945 года было организовано 18 школ, где обучались 1721 человек, 8 детских садов, где размещались 377 детей [1, д. 4, т. 3, л. 24]. Обучение производилось на русском языке. Школами была охвачена основная масса детей спецпоселенцев.

Кончина «вождя народов» пробудила у основной массы спецпоселенцев надежды и даже уверенность в скором освобождении. Среди «спецпоселенцев» настроения были отнюдь не траурными. В поселке Октябрьский Моркинского района комендатура сумела собрать на митинг из 500 поселенцев только около 50 человек, жители в бараках и своих домах отказывались вывешивать траурные флаги. Возбуждение наблюдалось и в других поселках. В документах МГБ отмечалось, что потребовалось «усиление режима, весь личный состав райотделений МГБ и спецкомендатур мобилизован, на помощь спецкомендатурам направлен весь оперсостав 9 отделения МГБ» [2, д. 33-42, л. 97-98].

По Постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» с учета снимались:

а) дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста;

б) дети спецпоселенцев старше 16-ти лет, обучающиеся в учебных заведениях.

Однако проведенное освобождение лиц моложе 16-ти лет в значительной степени было условным, ведь дети, хотя и были сняты с учета, но продолжали жить со своими родителями, находившимися на спецпоселении.

9 мая 1955 года Президиум ЦК КПСС принял Постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей». Все семьи коммунистов были сняты с учета спецпоселений. По Постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» освобождению подлежали следующие лица: участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР; женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, чеченцами и другими по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились; одинокие инвалиды и лица, страдавшие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование; члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны; преподаватели учебных заведений.

В отношении лиц, оставшихся на спецпоселении, принимались решения, призванные смягчить режим, приблизить их к статусу полноправных граждан.

Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года предоставляло спецпоселенцам право заниматься общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях.

13 декабря 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Освобождению подлежали оставшиеся на спецпоселении нем-

цы подконтингентов «выселенные» и «репатриированные», но без права возвращения к прежним местам жительства и без компенсации ущерба, нанесенного при выселении.

Этот Указ взбудоражил всех спецпоселенцев. Крымские татары и другие буквально атаковали сотрудников местных властей, МВД, прокуратуры вопросами: «Почему немцев освободили, а нас – нет?», «Чем мы хуже немцев?», «Когда нас освободят?» и т. п. Ситуация была такова, что, отменив особый режим в отношении одного депортированного народа (немцев), уже нельзя было не принять аналогичных решений в отношении других депортированных народов, что и было сделано в первой половине 1956 года.

Указы об отмене особого режима в отношении депортированных народов и других групп людей отличались половинчатостью, стремлением не подвергать критике проводившуюся ранее политику массовых депортаций. Речь шла о том, что люди были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени», а теперь, мол, их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью». Это не означало никакой политической реабилитации депортированных народов. Они как считались народами-преступниками, так таковыми и оставались, с той разницей, что из наказанных народов превращались в помилованные. Во всех указах констатировалось, что снятие людей с учета спецпоселений не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

В докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев среди репрессированных и «как бы» реабилитированных народов не назвал крымскотатарский народ.

С «освобождаемых» спецпоселенцев брались соответствующие расписки. Интересна была реакция среди спецпоселенцев на эти указы. Так, спецпоселенка Алиева Алима Эмировна, получив справку об освобождении, высказала: «Это не освобождение, а наказание, так как, будучи спецпоселенцами, мы имели защиту от органов МВД, а сейчас нас лишили этой защиты и заставили добровольно отказаться от родины и

имущества». Айвазов Расим после ознакомления с распиской об освобождении заявил, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года для спецпоселенцев - самый страшный из всех ранее объявленных, что ни один Указ не лишал их родины, а пожизненное лишение родины – это самое тяжелое наказание. Он высказал намерение написать заявление в ООН за подписью 100-150 спецпоселенцев с просьбой рассмотреть их вопрос.

Кемалетдинов Абдул и Тохтаров Амет во время получения справок заявили, что «никакого Указа они не признают, а обязательно поедут в Крым, выкинут из своих домов живущих там людей, а если этого не удастся, то все сожгут». Подобные намерения высказывались и другими спецпоселенцами.

Значительная часть спецпоселенцев после снятия их с учета намеревалась выехать за пределы Марийской АССР, главным образом – в Среднюю Азию и Казахстан, на соединение с родственниками для работы в хлопководческих районах. Только за 1955 год выехали из Марийской АССР в Узбекскую ССР для соединения с семьями 1086 человек и временно выезжали 590 человек. В 1-м квартале 1956 года было выдано разрешений на выезд 211 спецпоселенцам, главным образом, в Среднюю Азию [1, д. 4, т. 1, л. 40].

Выезд спецпоселенцев за пределы Марийской АССР противоречил желанию органов МВД республики, которые главной задачей своей работы ставили закрепление освобождаемых из спецпоселений рабочих в постоянные кадры леспромхозов.

В сентябре 1967 года вышли два Указа Президиума Верховного Совета СССР. Первый из них выразительно назывался «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму». Он снимал с крымских татар огульные обвинения в измене Родине. Второй же - «О порядке применения Части второй Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» (именно эта часть подтверждала запрет на въезд в Крым) – формально разрешал крымским татарам селиться по всей территории СССР, в том числе и в Крыму, но только «в соответствии с действующим законодательством о трудоу-

стройстве и паспортном режиме». (А это сводилось к следующему: на работу не принимали без прописки, не прописывали без справки с места работы). На практике это означало, что новым «орудием государственной защиты» от крымских татар стали паспортный режим и прописка.

В мае 1990 года Госкомиссия по проблемам крымскотатарского народа приняла концепцию Государственной программы возвращения крымских татар в Крым, по которой признавалось право крымских татар на возвращение в Крым.

Работая на предприятиях Марийской АССР, крымские татары и другие «спецпереселенцы» внесли существенный вклад в поднятие и развитие послевоенной экономики Марийской АССР, в особенности лесозаготовительной промышленности. Большое число современных лесных поселков являются бывшими спецпоселками.

1. Архив МВД РМЭ, ф. 20.

2. Архив УФСБ РФ по РМЭ.

3. Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954-1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1.

4. Известия, 1994, 14 апреля.

5. Репрессированные народы Советского Союза: Отчет Хельсинкской группы по правам человека. 1991.

6. Трагедия народа. Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Т. 1-3.

1. Arhiv MVD RMJe, f. 20.

2. Arhiv UFSB RF po RMJe.

3. Zemskov V. N. Massovoe osvobozhdenie specposelencev i ssyl'nyh (1954-1960 gg.). Socio-logicheskie issledovaniya. 1991, no. 1.

4. Izvestija, 1994, 14 aprilja.

5. Repressirovannye narody Sovetskogo Sojuza: Otchet Hel'sinkskoj gruppy po pravam chelove-ka. 1991.

6. Tragedija naroda. Kniga Pamjati zhertv politicheskikh repressij Respubliki Marij Jel. T. 1-3.

Crimean Tatars In Exile Settlements in Mari ASSR in 1940-50S

K. N. Sanukov

(Запад-Восток, №8.2015 г)

Ксенофонт Никанорович «Халкъ фаджиасы: Марий Эл джумхуриети сиясий репрессиялар къурбанларынынъ хатыра китабы»нынъ (Трагедия народа: книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Йошкар-Ола. Марийский полиграфическо-издательский комбинат. 1996. Т.1. 343 с.

Трагедия народа: книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Йошкар-Ола. Марийский полиграфическо-издательский комбинат. 1997. Т.2. 344 с.) неширге азырланмасында биваста иштирак этип, китапнынъ ильмий муаррири ве бир сыра макъалелернинъ муэллифи ола. Китапнынъ эр эки джылтында джумхуриетте джезаланган, къуршунланган 4500-ге якъын справка ве 6157 нефер сиясий репрессия къурбанлары боюнджа малюмат бериле. Китапта берильген джедвельден Къырымдан сюрюн этилип, сюрюнлик еринде чешит къабаатлавлар иле, шу джумледен ерлештирильдиги еринден изинсиз кеткени, къачкъаны, совет акимieti акъкъында «эйи фикирде олмагъаны» киби сачма сучлавгъа коре йылларнен апс джезасына махкъом этильген къырымтатарларнынъ адларыны язып алдым.

Джедвельдеки базы инсанлар акъкъында тафсилятлыджа малюматны тесадуфен Къырымгъа къайткъанда алдым. Шулардан, меселя Шефикъа Акимова. Онынъ акъкъында Шефикъа Акимованынъ къыз къардашы Зебуре Акимова икяе этти: «Бабам Аким, анам – Эсма, тамырлары Уркуста коюнден. Сонъра анам-бабам Акъяргъа коче. Къорантада 8 бала эдик, учу Уркустада, къалган беш бала – Акъярда догъдылар. Бабам Акъярда заводда чалыша эди. 1944 сенесининъ бааринде бабамны бутюн къырымтатар акъайлары сырасында эмек ордусына алдылар.

Анамнынъ айткъанларына коре, шеэрни пек бомбалалагъанлар. Де руслар, де фашистлер. Биз ер алтында сакъланып, ярыкъ кунъ корьмедик. 1944 йылы фашистлер Къырымдан кеткен сонъ биз тышары темиз авадан нефес алмагъа чыкътыкъ. Мен бомба сесинден пек къоркъа эдим ве шу къоркъу аля даа юрегимде. Йыллар кечсе де учакъ сесини эшитсем титреп башлайым.

Дженк биткенине пек севиндик. Халкъ эвлерине кирип раат-раат юкълап башлагъанда башымызгъа бу беля къопты. Кимсе анъламагъан, кене фашистлер къайтып кельдилер, деп къоркътылар. Кене де, берекет берсин, бизим эвимизге кельген аскерлер бираз намуслы экенлер, анама, сизни сувукъ ерлерле алып кетеджеклер, сыджакъ урба алынъыз, дегенлер. Янымызда яшагъан бир татам исе янъы эвли олып, эвинде эр шейи яп-янъы эди. Онъа ич бир шей алдырмагъанлар: «Сиз, хаинлерни еудийлер киби атаджакълар, алманъыз ич бир шей!» деп джекиргенлер. Гъарип, ойле де ашсыз-урбасыз чыкъкъан. Даа эки буюк таталарым насылдыр олып Озбекистангъа тюштилер. Шефикъа татам сораштыра-сораштыра бизим Уралда экенимизден хабер ала ве ерлештирилген еринден къача. О, пек атик, джесаретли эди. Оны ёлда якъалап апске къапаттылар. Эки йыл Челябинск шеэринде апсте отурып чыкъты. Апстен къуртулгъан сонъ Шефикъа татам эп бир Озбекистангъа кетмей, кене Уралгъа бизим янымызгъа келе. Кельмеге кельди амма, бизим яшайышымызны корип «Насыл яшамакъ мумкюн бурада Акъярымдан сонъ?», деп окюр-окюр агълады. Анда да чокъ даянмады, кене къачты. Къырымгъа бенъзеген ерлерни къыдырды.

Анам эп бир шашмалап, Къураныны алып етиштиралмагъан. Онъа сонъ пек янып юрьди. Эвимизден алгъан энъ къыйметли шей – бир авуч топракъ. Анам явлукъ ичиндеки о топракъны даима къокълар, лафзетер ве санки догъгъан ерининъ кучюнден кучъ ала эди. Даима янында ташыды. Уралда, Озбекистанда яни къаерге кетмесин, нереге кочьмесин, явлукъ ичиндеки бир авуч топракъ онынънен булунгъандыр. Къырымгъа къайткъан сонъ анам о топракъны эвимизнинъ багъчасына септи.

Къорантамызны Уралгъа, Козмодемьянск шеэрининъ ке-
нарындаки бир орман ичине алып кеттилер. Орманнынъ къакъ
ортасында балабан агъач барак олып, шу баракта 60-70 къоран-
та яшадыкъ. Бир къорантаны экинджи къорантадан айыргъан
дивар-мивар ёкъты. Бираз ерли шараитлерге алышкъан сонъ
адамлар агъачлардан озьлерине айры эв ясап башладылар. Он
йыл яшадыкъ о сувукъ Уралда. Яшадыгъымыз ердеки учыйыл-
лыкъ мектепте окъудым, дёртюнджи сыныфта окъувны девам
этмеге истегенлер 20 километр узакъта мектепке къатнадылар.
Джаяв, къышта къаякъларда, чаналарда. Сталин геберген сонъ
Озбекистандаки татарларым ве сойларымыз бизге даветнаме
ёлладылар. Амма тек анамнен мени чагъырткъанлар. Биз Урал-
дан анамнынъ сыртында бир чувал, меним сыртымда бир чувал
кельдик. Бизим артымыздан аилемизнинъ эпси азалары келип
къошулдылар. Озбекистанда да яхшы бир омюр корьмедик.
Аля даа хайретте къалам – бу къадар азап-укъубетлерден,
ачлыкъ-хасталыкъ, котек-ашшалар, акъаретлерни халкъымыз
насыл енъебильди, насыл сагъ къалабильди? Насыл бир кучь-
къудрет бизни аякъта тутты!!!»

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ – ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА ПО РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

1. **Абдулганиев Абдулфетт.** 1900 г. р., урож. д. Барын Карасубазарского района Крымской области, татарин, рабочий лесоучастка, репрессирован 06.07.50 г., 10 лет заключения.

2. **Аблякимов Суин.** 1890 г. р., урож. д. Аблеш Ичкинского района Крымской АССР, татарин, рабочий лесоучастка, репрессирован 12.10.45 г., 7 лет заключения.

3. **Айвазова Асие Османовна.** 1913 г. р., урож. г. Алушта Ялтинского района Крымской области, татарка, швея, репрессирована 26.05.52 г., 1 год заключения.

4. **Акимова Шефика Акимовна.** 1926 г. р., урож. д. Уркуста Балаклавского района Крымской области, татарка, рабочая лестранхоза, репрессирована 18.11.45 г., 2 мес. предварительного заключения.

5. **Алиев Леонид Петрович.** 1882 г. р., урож. г. Керчь Крымской области, татарин, спецпоселенец, репрессирован 04.06.46 г., 8 лет заключения.

6. **Арсланов Курсент.** 1892 г. р., урож. г. Карасубазар Крымской области, татарин, пастух, репрессирован 11.09.47 г., 10 лет заключения.

7. **Асанов Якуб.** 1922 г. р., урож. д. Кучук-Озенбаш Куйбышевского района Крымской области, татарин, лесоруб лесопункта, репрессирован 24.04.46 г., 5,5 мес. предварительного заключения.

8. **Бекиров Ахтем.** 1922. г.р. д. Кучук-Озенбаш Куйбышевского района Крымской области, татарин, рабочий, арестован 18 октября 1947 г., 3 мес. предварительного заключения.

9. **Бекиров Ремзи Сеид-Меметович.** 1911 г.р., д. Дерекей Ялтинского района Крымской области, охранник. Арестован 17 июня 1946 г. 5 лет заключения.

10. **Бекирова Нурье**. 1919 г. р., урож. д. Дегирменкой Ялтинского района Крымской области, татарка, рабочая сплавконторы, репрессирована 01.10.45 г., 10 лет заключения

11. **Ваап Юнус** 1892 г.р. Уроженец д. Озенбаш Балаклавского района Крымской области. Мужчина. Рабочий. Дата ареста 17 января 1949 г. Приговор 5 лет 10 месяцев 7 дней заключения.

12. **Ганиев Абдул-Эман** 1891 г.р. Крым, Белогорский р-н, дер. Ак-кая, татарин, рабочий лесоучастка, арестован 13 августа 1948 г. 10 лет заключения.

13. **Демерджи Эмир Усеин**. 1890 г. р., урож. г. Алушка Ялтинского района Крымской области, татарин, рабочий, репрессирован 18.09.50 г., 10 лет заключения.

14. **Ибраимов Сеит Амет** 1925 г.р. д. Гаспра Ялтинского района Крымской области, рабочий. Дата ареста: 27 марта 1946 г. 4 года заключения.

15. **Измайлова Урье** 1915 г.р. . Дегирменкой Ялтинского района Крымской АССР. Женщина. Татарка. Спецпоселенка. Арестована 21 февраля 1946 г. 8 лет заключения.

16. **Исламов Джелал**. 1890 г. р., урож. д. Ворон Судакского района Крымской области, татарин, рабочий, репрессирован 14.12.46 г., 6 мес. предварительного заключения.

17. **Кимилева Назылхан**. 1917 г. р., урож. г. Феодосии, татарка, домохозяйка, репрессирована 13.10.47 г., 7 лет заключения.

18. **Курбединов Бекир** 1905 г.р. д. Буюк Озенбаш Куйбышевского района Крымской области. Татарин, грузчик. Дата ареста: 5 декабря 1947 г. Приговор: 2 мес. 5 дней предварительного заключения.

19. **Куртвелиев Бекир** 1886 г.р. д. Барын Карасубазарского района Крымской области, татарин. место работы: пожарник, Дата ареста: 2 ноября 1945 г. Приговор: 6 лет заключения.

20. **Куртмулла Зейтулла**. 1900 г. р., урож. д. Отаркой Бахчисарайского района Крымской АССР, татарин, рабочий лесозаготовок, репрессирован 02.10.45 г., 10 мес. заключения.

21. **Куртнебиев Халиль** 1917 г.р. д. Камышлык Карасубазарского района Крымской области, татарин, лесоруб. Дата ареста: 12 апреля 1945 г. Приговор: 8 лет заключения.

22. **Магинский Мемет** (1926), Крым, Ялтинский р-н, дер. Аутка. татарин, рабочий, арестован 12 октября 1945 г. Осуждение: 12 октября 1945 г. Приговор: 10 лет заключения.

23. **Мандражи Али Риза** 1909 г.р. д. Аутка Ялтинского района Крымской области. Татарин. Рабочий. Арестован 21 октября 1946 г. Приговор: 5 лет заключения.

24. **Мамутов Закирья Мамутович** 1887 г.р. дер. Саватка Балаклавского р-на Крымской АССР. Мужчина. Татарин. Рабочий. Арестован 4 декабря 1945 г. Приговор: 7 лет 9 мес. 3 дня заключения.

25. **Мачинский Мемет** 1926 г.р. д. Аутка Ялтинского района Крымской области. Мужчина. Татарин. Возчик сплавконторы. Арестован 26 июля 1945 г. Приговор: 10 лет заключения.

26. **Мука Леман** 1922 г.р. Крымская обл., Ялтинский р-н, дер. Ай-Василь. Женщина. Татарка. Лесоруб. Арестована 18 марта 1948г. Осуждение: 18 марта 194г. Приговор: 10 лет заключения.

27. **Мухтеремов Аблемит** 1894 г.р. дер. Коуш Бахчисарайского р-на Крымской АССР. Мужчина. Татарин. Образование: заключенный. Профессия / место работы: заключенный. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 18 октября 1948 г.

Приговор: 7 мес. 19 дней предварительного заключения.

28. **Налбантов Эдем (Эдик) Усеинович.** 1926 г. р., урож. д. Капсихор Судакского района Крымской области, татарин, учащийся музыкального училища, репрессирован 21.05.51 г., 8 лет заключения.

29. **Нейметов Сервер.** 1928 г. р., урож. д. Фотисала Куйбышевского района Крымской области, татарин, рабочий, репрессирован 24.03.48 г., 10 лет заключения.

30. **Османов Мустафа** 1912 г.р. д. Уркуста Балаклавского района Крымской области. Мужчина. Татарин. Профессия / место работы: зав. Магазином. Мера пресечения: арестован Дата ареста: 1 марта 1951 г. Приговор: 4 года 1 мес. 8 дней

заклучения.

31. **Османов Февзи**. 1926 г. р., урож. д. Аджекал Кировского района Крымской АССР, татарин, спецпоселенец, репрессирован 30.06.45 г., 2 мес. предварительного заключения.

32. **Ресулов Шукри** 1909 г.р. г. Бахчисарай Крымской области. Мужчина. Татарин. Образование: фотограф. Профессия / место работы: фотограф. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 15 июня 1950 г. Приговор: 5 лет 7 мес. 4 дня принудительного лечения.

33. **Сейдаметова Исмизаде**. 1913 г. р., урож. д. Ст. Шули Балаклавского района Крымской области, татарка, домохозяйка, репрессирована 13.10.47 г., 5 лет заключения.

34. **Сейтумеров Ибраим**. 1901 г. р., урож. д. Авджикио Бахчисарайского района Крымской области, татарин, лесоруб, репрессирован 04.12.46 г., 7 мес. заключения.

35. **Селимова Шерфе** 1905 г.р. г. Алупка Ялтинского района Крымской области. Женщина. Татарка. Образование: домохозяйка. Профессия / место работы: домохозяйка. Мера пресечения: арестована. Дата ареста: 27 июня 1946 г. Приговор: 8 лет заключения.

36. **Темиркая Ревид** 1913 г.р. г. Ялта Женщина. Татарка. Профессия / место работы: Домохозяйка. Мера пресечения: арестована. Дата ареста: 13 октября 1947 г. Осуждение: 13 октября 1947 г. Приговор: 5 лет заключения

37. **Умеров Сервер Ислямович** 1925 г.р. г. Симферополь Крымской области. Мужчина. Татарин. Образование: рабочий. Профессия / место работы: рабочий. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 27 марта 1946 г. Приговор: 5 лет заключения.

38. **Усейнов Джемиль**. 1914 г. р., урож. с. Аккая Карасубазарского района Крымской области, татарин, бухгалтер ЛПХ, репрессирован 04.06.45 г., 8 лет заключения.

39. **Хайсерова Мусарет**. 1918 г. р., урож. д. Айвасиль Ялтинского района Крымской области, татарка, домохозяйка, репрессирована 13.10.47 г., 5 лет заключения.

40. **Чолох Анфиса**. 1918 г. р., урож. д. Ай-Василь Ялтинско-

го района Крымской области, татарка, рабочая, репрессирована 18.05.48 г., 10 лет заключения.

41. **Чонтук Нафе Рустемович**. 1924 г. р., урож. д. Гаспра Ялтинского района Крымской области, татарин, рабочий, репрессирован 26.05.52 г., 3 года заключения.

42. **Шамратова Айше** 1926 г.р. д. Алупка Ялтинского района Крымской области. Женщина. Татарка. Рабочая. Профессия / место работы: рабочая. Мера пресечения: арестована. Дата ареста: 27 января 1947 г. Приговор: 7 лет заключения.

43. **Шамратова Сяндус** 1918 г.р. д. Алупка Ялтинского района Крымской области. Женщина. Татарка. Образование: рабочая. Профессия / место работы: рабочая. Мера пресечения: арестована. Дата ареста: 21 февраля 1946 г. Приговор: 8 лет заключения.

44. **Шамратова Шерфе** 1902 г.р. д. Алупка Ялтинского района Крымской области. Женщина. Татарка. Образование: рабочая. Профессия / место работы: рабочая. Мера пресечения: арестована. Дата ареста: 23 июня 1946 г. Приговор: 10 лет заключения.

45. **Эсатов Решит Эсатович** 1886 г.р. дер. Уппа Балаклавского р-на Крымской АССР. Мужчина. Татарин. Образование: рабочий. Профессия / место работы: рабочий. Мера пресечения: арестован. Дата ареста: 19 июля 1945 г. Приговор: 5 лет заключения.

Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; МВД Республики Марий Эл

НАЙЛЕ ИБАДЛАЕВА-ЛЕВЕНШТЕЙН

«БАБАМНЫ «ХАЛКЪ ДУШМАНЛАРЫ» СЫРАСЫНА КЪОШТЫЛАР»

Ксенофонт Никаноровичнен саглыкълашып, Джеппар агъа ве Инает абла иле Волжск шеэринен къайтмагъа тедариклениркенмиз, Джеппар агъа аркъадашы бизни бир фильджан къавеге беклегенини айтты. Мегер аркъадашы – джумхуриетнинъ фааль алим ве джемаатчыларындан бири - Марий девлет университети Тарих-филология факультети Девлет тарихы кафедрасынынъ доценти Олег Левенштейн экен.

Марий Эл орманларында джеза муддетини кечирген белли диссидент, эким, языджы, фотограф Генри Левенштейн ве онынъ «Марийский лесоповал», «Эти тяжёлые 30-е годы» китаплары акъкъында чокъ эшиткен эдим. Огълунен корюшмеге бараяткъанымызда, онынъ эвинде сюрюн этильген семетдешимнинъ къызыны расткетиреджегимни тасавур биле этмедим.

Эв бикеси бизни пек самимий къаршылап, софрагъа кучюк дюльбер фильджанларда къокъулы къаве кетиргенде ичимде бир сыджакълыкъ пейда олды. Тек бизим къырымтатар къадыналарымыз бойле къаве пиширелер ве балабан бардакъларда дегиль де, кучюджик фильджанларда кетирирлер, деген фикир кельди. Янъылмагъаным. Муляйим кулерюзью къадын санки

меним фикиримни эшиткен киби:

– Мен кырымтатарым, адым Найле Асановна, кызылыкь сойадым Ибадлаева, – деди ве бабасынынъ такъдири акъ-кында икяе этти.

– Бабам Асан Ибадлаев 1914 сенеси Кырымнынъ Кырман тарафында догъган, коюнинъ ады акъылымда кълмады. 1960 сенеси, мен алты яшымда экенде бабам анам, татам ве мени Кырымгъа, Ватаныны косътермеге алып барды. Бабам бизни бутюн Кырым бойлап кездирди, догъган еринен таныштырды. О вакъыт биз биринджи кере кырымтатарларнынъ энъ севген емеги – чиберек ашадыкь. Эпимиз пек бегендик. Анам чиберек пиширмеге огренип, бизни сыкъ-сыкъ сыйлар эди. Бабам пек севе эди чибереклерни.

Асылында бабам сюргюн этильмеген, о таа дженктен эвель арбий экен. Субай оларакъ дженкнинъ сонъунадже хызмет эткен, намуслы хызмети ичюн мукафатлар къазанган. Дженктен сонъра исе Йошкар-Олагъа ёлланылган. Мында анам – Роза Хафисовна Мухаметзянова иле таныш олып, эвлене. 1948 сенеси татам догъды. Ве шу йылы бабамны кырымтатар олгъаны ичюн, факъат ве факъат миллий менсюплиги себебинден, вазифесинден бошатарлар. Анамнынъ хатырлагъанына коре эвимизге орган хадимлери атылып киргенлеринде татамны эмизип отура экен. Атта бу ал биле оларны токътатмаган. Даима арбий урбада юрьген бабамнынъ омузларындан погонларыны юлкып аткъанлар. Вазифесини юксек дереджеде намуснен эда эткен, ич бир къабаат ишлемеген бабама бу пек яман тесир этти ве о буны омюрининъ сонъуна къадар унутмады, джан агърысыны къальбинде ташыды. Бабамны «халкъ душманлары» сырасына къоштылар. Олар анамнен сахте айырылыкь япмакъ зорунда кълганлар. Бабам тиджарет саасына ишке кирип, мейва-себзе азырлавнен огърашты. Бир кере иш ёлланмасынен Кырымнынъ Кырман районына барып, алма кетирди. О вакъытта озь догъган коюни де зиярет эткен. Йошкар-Олада о, бу тарафларда белли, юксек вазифе-

лерде чалышкъан Эгъат Алядинович Зейтуллаевнен пек сыкъ къатнаша ве къонуша эди.

Къырымтатарларнынъ сюрюнлиги акъкъында мен энди буюген сонъ бильдим. Бабам сой-сопларыны араштырып, Чырчыкъта яшагъан Хатидже ве Фериде къардашларыны тапты. Бабам ольмезден эвель пек хасталангъанда, онынъ джиени бизге кельди ве айтып берди насыл этип къартанамнен къарт-бабам эки къызынен чёлъ ортасында бир ерге сюрюн этильген, кетирильгенлеринен сытмагъа огърап ольгенлерини. Бабам 1991 сенеси 77 яшында вефат этти.

Омюр аркъадашым Олег Левенштейн сюрюн этильген немселерден. Бизим аилелеримизнинъ такъдири бир. Оленинъ бабасы Генри Левенштейнге 1941 сенеси сентябрь айында Москвадан Къазахистаннынъ Караганда виляетине сюрюн этиледжеги бильдириле, сабасына исе учъ мадде боюнджа – советлерге къаршы тешвикъат, джасуслыкъ ве Ватан хаинлигинде къабаатланып башта Таганка, сонъра Лубянка апсханелерине къапатыла. Анасы ве къарысы исе Къазахистангъа сюрюн этилелер. Анасы анда оле, къарысынынъ такъдири исе беллисиз. 1943 сенеси Генри Левенштейн Казлаг (Къазахистан лагерине) сюрюн этиле, лагерь хастаханесинде докторлыкъ япа. Джеза муддетини узатмакъ ичюн янъы суч уйдуралар ве санки къабар алгъаны ичюн 7 йылгъа укюм этиле ве 1945 сенеси Марий Элге кетириле. Чешит къасабалардаки колонияларда та 1948 сенесинедже тутула, 1956 сенеси Юринский районында «спецпоселенец» оларакъ яшамагъа меджбур ола. Мында экинджи кере эвлене, бу эвлилигинден къызы ве огълу, меним акъайым, Олег дюньягъа келе. Къарсамбалы омюр ёлларында корьген-чеккенлери акъкъында 14 китап язып, базы вакъиаларны озю сызгъан ресимлери вастасынен тариф эте.

Олег Генрихович бабасынынъ джемаатчылыкъ ишини девам этерек, Марий Эл дагъларында ольген немселернинъ мезарлыкъларыны бакъмакъ, яшадыгъы улькенинъ тарихына аит китаплар язмакънен огъраша. Сёз сырасы, шуны мытлакъа

къошмакъ истейим ки, Волжск шеэринде немселернинъ къабристаныны зиярет эткенимде бу ердеки темизлик, тертип, суный чечеклер ве аслы да арткъач бир шей олмайып, тек къоджаман хачлар тургъанына шаштым. Немселернинъ озъ къабристанларына дикъкъат-мунасебети биз ичюн де орьнек олабилер.

Марий Эл сеферимнинъ о куню бири-биринден тесирли корюшюв-танышувларгъа бай олды. Амма энъ тесирлиси 90 яшында Абхаир агъа Абкелямовнен корюшювим олгъандыр.

АБХАИР АБКЕЛЯМОВ

«КЕТЕР ЭДИМ КЪЫРЫМГЪА,
КЪОШУЛЫР ЭДИМ ДЖЕМААТЫМА!»

Йошкар-Оладан къарарнен элли километр авлакът, къалын дагъ, орманлар ичинде олгъан Хорошавинское адлы койде бир къач къырымтатары, шу джумледен сюржун этильген къартлар да, яшагъаныны билип, анда ёл аламыз. Манъа рефакъатлыкъ япкъан Джеппар Аблязов, Инает Джумаева ве Рамай Юлдаш эвель энди мында бир кере булунып, къартларны зиярет эткенлер. Энишли-ёкъушлы, ягъмурлардан тамамен бозулгъан ёл бою айны бир манзара: юксек чам ве я да акъкъайын тереклери, яры

бош койлерде къар-ягъмурлардан къараргъан, джампийген алчачыкъ агъач эвчиклер, аланда обалангъан агъач.

Ниает мензилимизге келип чыкътыкъ. Беш-он дане агъач эвлер, кой меркезиндеки бойле бир эвде эм почта, эм тюкян, эм алякъа болуги ерлешкен. Пек эски бир эвнинъ азбарында къарт адам къолунда чапанен къартоп сыраларыны чапаламакъта. Бу– биз къыдырып кельген Абхаир агъа Абкелямов эди. Бизни корьгенинен къувана-къувана къаршымызгъа чыкъты. Эвде, онынъ иле берабер къартлыгъыны кечирген, яшы сексенден зияде олгъан Урмус апте чай-къаве азырлагъангъа къадар Абхаир агъанен берабер койнинъ мусульман мезарлыгъына кетемиз. Девамлы ягъмурлардан сонъ гурь оськен къалын от-олен

арасындан зорнен корюнген ёлчыкъ, суву бол озенчик устюндеки агъач копюрден ашып къабристангъа келип чыкътыкъ. Агъач къоранен сарылгъан, бакъылгъаны бир кереден корюлген къабристаннынъ ёл къапысыны ачкъан

Абхаир агъа дос-догъру омюр аркъадашы Зекие абайнынъ къабириндеки башташына барып, эллеринен сыйпады да: «Селям Зекием. Санъа Къырымдан мусафир кетирдим!», деди. Абхаир агъа бу дергяхта сонъки мекянларыны булгъанларнынъ эписини биле, эпси къабирлерни бирдайын бакъа, отлардан темизлей, керек олгъанда тамир эте. Шу тамир башына кетирген бир беляны тариф этти Абхаир агъа. Къабристаннынъ къорасы дагъылгъан, чюрюгенде район мемуриетине ресмен мураджаат эте. Амма андан бу къабристан аит муэссиселер джедвелине кирсетильмегени себебинден пара айырып оламайджакълары акъкъында джевап келе. Абхаир агъа меселени озъджесине чезе. Чевре-четтеки ормандан агъач кесип, къабристанны къоралай, къабристан ёлундаки озен устюне копюр ясай. 90 яшындаки къарт бутюн бу ишлерни бир озю япа. Бу ишлер акъкъында хабер мемуриетке барып ете ве олар кендилерини беклетмеден полис хадимлери озгъарувында деръал етишип келе, протокол тизе ве Абахир Абкелямовгъа изинсиз терек кескени ичюн он бинъ рубле микъдарында джеза язалаар. Къарт джоремени одей. Худжур шей, орман ичинде йыкъылып, сынгъан агъачлар обаларнен ята, кимсе оларны не темизлей, не топлай. Амма Абхаир агъа алидженап бир иш ичюн бир къач агъач кескенде джезагъа огъратыла.

Къоралангъан къабристандан бираз эректе, юксек отлар ичинде даа чокъ обачыкъларны абайламакъ мумкюн. Булар да къырымтатарларнынъ беллисиз къабирлери. 1944-те мын-

да дагъ ичине кетирип тѣкюльген семетдешлеримизнинъ пек чокъу биринджи айларда ачлыкътан, сонъра дешетли сувукътан къырылдылар. Аиле-аиле такъымынен ѳкъ олдылар. Кефинсиз, дженазесиз комюльген мевталарнынъ къабирине башташ къоймакъ имкянсыз олгъан о заман. Гъурбет ильде орманлар ичинде эбедиен къалып кеткен семетдешлеримизнинъ рухуна ниет этип «Эль Фатиханы» окъуп битирмеме козъяшларым ѳл къоймай. Насыл даяныр бунъа юрек? Биз тек Абхаир агъа озъ къолларынен къоралагъан беш-он къабирни коръдик. Абхаир агъанынъ айткъанына коре мында эр бир терекнинъ тюбюнде бир мевта ята. Орманлар ичине алып баргъан демирѳлларнынъ алтында исе юзълернен къырымтатарларнынъ кемиклери сызламакъта. Оларнынъ не къабирлери, не башташлары бар, адлары биле белли дегиль...

Абхаир агъа озъ ходжалыгъыны косътере. Бу ерде къартоп сачкъан. Затен бу тарафларнынъ шараитинде себзелерден тек къартоп осип етиштире. Азбарнынъ бир кенарында балкъурт сепетлери тура. Абхаир агъанынъ хатырлагъанына коре Къырымдаки эвлеринде де анасынен балкъурт асрагъанлар. Къора ичинде тавукъ-хоразлар чапкъалашып юрелер. Абхаир агъанен берабер яшагъан Урмус апте шашмалап-орьсенълеп, тез-тез куместен тазе йымырталарны джыйып биз ичюн пишире.

Софрада ягъ, шекер, озю пиширген отъмек олгъанына бакъмадан, мусафирлерни яхшы бир ашнен сыйлап оламагъаны, софраны кереги киби донатып оламагъанына бираз сыкъыла. Джаным, я койде не тюкян, не базар олмаса,

ашайт махсулатлары сымарышкъа коре афтада бир кере «автолавка»да кетирильсе, не демек мумкюн! Олгъанына шукюр этип, къонакъбайларгъа тешеккюрлер бильдире-бильдире, иштаанен ашаймыз. Сонъра Абхаир агъанынъ такъдир икяесини динълемеге азырланамыз. О, исе фото ве весикъалар сакълы ерден башта Къырым харитасыны тапып чыкъара ве манъа догъгъан кою Танагельдини косътере.

– 75 йылдан берли бу ерде яшайым. Къарасувбазарнынъ Танагельди коюнде 1928 сенеси дюньягъа кельдим. Бабам эрте ольген, анам Себиля Абкелямова Абкъадыр агъам, мени ве къардашымны янъгъыз осьтюрди. Экин сачып, балкъурт асрап кунъ кечире эдик. Дженк башлангъанда анам, биз учюмиз, бизнен берабер эки балалы абам да яшай эди. Майыс 18 геджеси топлады, вагонларгъа тыкътылар ве мында орман ичине 46-нджы участка денильген ерге кетирип тѣктилер. Урбамыз ёкъ, ашамагъа ич бир шейимиз ёкъ. Агъач баракъларда метий ичинде балыкълар киби сыкълашып яшадыкъ. Къырымнынъ сыджакъ икълиминден сонъ бу ердеки сувукъ авагъа алышмакъ пек агъыр олды. Эки ай ичинде халкъ «ана къайтарджакълар, мына къайтараджакълар» деп, богъчаларыны чезмеден беклеп отурды. Сонъ эр кесни ишке къойдылар, чалышмагъанларгъа 200 грамм, чалышкъанларгъа исе 600 грамм отъмек берильди. Ачлыкътан джанларыны къуртармакъ ичюн сакъаллы къартлар, къадынлар ве балалар да чалышмагъа тырыштылар. Анам, абам чалышып оламадылар. Абамнынъ кучюк огълу ольди.

Къайтармайджакъларыны анялап, ляраре, яньы шараитлерге алышып башладыкъ. Эр айда бир кере коменданткъа имза къоймагъа къатнадыкъ. Мен биринджи он йыл дагъ кестим, айдавджылыкъ, чиленгирлик яптым. Эмекли олмама дёрт-беш ай къалгъанда орман участкасына ёлбашчы этип тайинледилер. Бир бучукъ йыл яптым бу ишни, сонъ ташладым.

1956 йылнынъ Ферманындан сонъ бираз енгиль олды, эр кес Къырымгъа атланды. Амма ёллар къапалы олгъанындан Озбекистандаки сой-акърабаларынынъ янына авуштылар. 1984 сенеси биз де апайым Зекиенен Украинагъа кеттик. Херсонда эв таптыкъ. Амма мен Къырымгъа да барып келейим, дедим. Дос-догъру догъгъан коюм Танагельдиге барып доландым, балалыгъымны хатырладым, сатлыкъ бир эв биле таптым. Он беш бинъ рублеге келиштик. Амма Зекие алышкъан бу ерлерге, къайтайыкъ, къайтайыкъ, деп ялварды. Къайттыкъ. Даа бир эв ясадыкъ. Къызым Диляра, огълум Дилявер, торунларым да бу койде яшайлар, деди Абхаир агъа. Амма къызы, огълу ве торунларынен танышмагъа чаремиз олмады.

Абхаир агъанынъ балдызы Урмус Мухтарованынъ такъдири да енгиль олмагъан.

УРМУС МУХТАРОВА

«КЕФИНЛИГИМИНИ ПИЧЕДЖЕК-ТИКЕДЖЕК КИШИ КЪАЛМАДЫ МЫНДА...»

— Мен Барын коюнденим, 1931 йылнынъ баласыман. Бабам 1941-де дженкке кетти, къайтып кельме-ди. Аилемизнен мында тюштик. Бир баракъ ичине 10-12 аилени толдурдылар. Пек чекиштик. Иш татарлар-гъа яратылгъан экен, балам. Кесильген агъачнынъ пытакъларыны кестим. Сучкоруб, дейлер бу ишке. (Сонъра мен шу «сучкоруб» сёзюни даа чокъ эшитеджем, сучкорублыкъ якъан кишилерни расткетиреджем — З.Б.) 1962 сенеси Украинанынъ Донецк шеэрини кочип кеттик. Олюлерим о шеэрде къалып кеттилер.

Донбасста вазият кергинлешкен сонъ Зекие абам келип мени янына мында алды. Озю кечинди. Энди Абхаир энъиштемнен экимиз къалдыкъ. Койде бир къач къырымтатармыз. Ярын-обир кунъ ольсем, кефинлигимини бичмеге-тикмеге киши ёкъ. Не оладжакъ, бильмейим...

Бири докъсанны кечкен, экинджиси докъсангъа якъынлагъан бу муътебер яшлы къартларнен сагълыкълашып кетмек манъа пек зор олды. «Кетер эдим Къырымгъа, къошулыр эдим джемаатыма», — деп къалды артымдан Абхаир агъа.

Сеферимнинъ сонъки куню биз даа бир кере айланаджакъмыз бу ерлерге. Йошкар-Ола «ГУЛАГ тарихы музейининъ эсасчысы ве башы Николай Аракчеевнинъ даветинен ерли

укъукъкъоруйыджылар, улькесининъ тарихына, бильхасса коммунист режими къурбанларынынъ такъдирине лякъайд олмагъан инсанларнынъ топлашувында иштирак этеджекмиз. Амма бу акъта бираз сонъра тариф этерим.

Волжскке пек кеч олгъанда къайттыкъ. Куньдюз корьген-эшиткенлерим юкъламагъа бермей. Къалын орман ичинде къалып кеткен мезарлыкъ козь огюмден кетмей, Бу орманлардаки эр бир терекнинъ тюбюнде бир къырымтатарнынъ къабири бар, деген сёзлер къулакъларымны санки тешеджек киби. Дудакъларым озь-озюнден «Бисмилляхир Рахманир Рахим. Ясин. Вель Къуран-иль хахим. Иннеке леминель мурселин. Аля сыратын мустакъим. Тензилель азизиррахим...» дие фысылдап башлады. Куньдюз орман ичиндеки мезарлыкъта окъуп оламадыгъым Ясинни сонъуна чыкъарып, гъурбет иллерде сонъ дергяхыны булгъан азиз юртдашларымызнынъ рухуна багъышладым.

МАВИЕ ДЖЕЛИЛОВА

«МЕН КУЧЮК ОЗЕНБАШЛЫМ!»

– Бизим весикъаларымыз дженк вакътында гъайып олгъаны себебинден эм догъгъан йылым, эм сойадым янълыш язылды. Асылында 1943 сенеси бааръде Кучюк-Озенбаш коюнде догъгъаным, амма энди мында сюргюн этильген сонъ 1944 сенеси март 18, деп яздылар. Бабам Джелиль Алединовны эmek ордусына алдылар. Анам, эки аптем, мен ве бир де огей огулу, къарт тизеси башта Кострома виляетине сюргюн этильдик. Бизимкилер анда пек чекишкенлер. Анамнынъ дженктен къайтып кельген къардашы, дайым эпимизни

озь янына Марий Эл-нинь Козьмодемьянск больгесиндеки орман ходжалыгына кетирди. Бабам бизни таа 1950-нджи йыллар-гъа якъын кыдырып тапты. 1952 дженеси кичик къардашым догъды. Бу ердеки

мектепте еди сыныфны битирдим.

Къартанам, анам пек окъумыш къадынлар эдилер. Анам ве аптем дагъ кестилер. Он бир яшында аптем ишке алсынлар деп, озюне эки йыл къошып чалышмагъа башлады. Сюркюн этильгенлерни энъ ярамай, аз мааш тѐленген иш берип, истегенлери къадар кылына эдилер. Мен де буюклерге бираз

ярдымым токъунсын, деп пытакъ кесе эдим. Бу ишим ичюн манъа отъмекнинъ секизден бир пайыны берир эдилер. Комендант режими лягъв этильген сонъ халкъымыз сыджакъ ерлерге авушып башладылар.

Анам ве бабам да

Сухумгъа кочътилер. Мен исе эвленип, башта Шимальге кеткен эдим. Сонъ Волжскке кельдим ве мында акъайгъа чыкътым. Бир кызым, торунларым бар, – деп икяе эте Мавие апте.

Балалыгъы мушкюль шараитлерде кечкен, кучюк яшындан адалетсизлик не олгъаныны бильген Мавие апте акъикъатны тик сѣйлемеге алышкъан ве аля даа озь фикирини бильдирмеге ич сакъынмагъан бьиرو къадын экен. Мавие апанынъ эвинде эки апте-къардаш Зекие ве Зера ханымнынъ ана-бабалары акъкъында икяелерини динълейим.

ЗЕРА ДЕМИРДЖИ-ВИШНЯКОВА

«КЪАРТБАБАМ СЮРГЮН ЭТИЛЬГЕН СОНЪ ТЕКРАР ДЖЕЗАГЪА ОГЪРАТЫЛГЪАН»

Сайде къартанам ве анам догъ-
ма Багъчасарай районынынъ Те-
берти коюнденлер. Олар сюргюн
этильгенде Муртаза къартабабам
дженкте олып, уруштан сонъ оларны
къыдыра-къыдыра мында келип тап-
къан. Сюргюн этильгенде анам 18
яшында ве бир кереден Марбумгъа
ишке кире. Анамнынъ айткъанына
коре комбинатта чалышкъаны, озь
иш сменасындан гъайры даа бир
смена чалышкъанлары ичюн арт-
къач отьмек бергенлери саесинде
ачтан олмейип, сагъ къалгъанлар.
Анам ойле де таа пенсиягъа чыкь-
къангъа къадар шу Марбумда ча-
лышты. Мында анам догъма Алупкалы Мустафа Демирджи иле
1954 сенеси эвлене, сонъра бизлер – мен ве Зейнеп догъдыкь.
Бабам исе мында бабасы, Эмирусеин къартбабамнен сюргюн
этильгенлер. О, молла экен. Биз къартбабамны корьмедик, о
биз догъгъандже кечинген.

Анам-бабам, бизим халкъ
насыл эмексевер, бирликли
олгъаныны хатырлар эдилер.
Бабам рахметли Къырымны,
Алупкасыны хатырлап, эп агъ-
лар эди. Комендант режими
биткен сонъ анам догъгъан

коюне барып, озь эвини корип кельди. Онда яшагъан къадын инсафлы экен, анама изин берген эв ичине кирмеге.

Не бабама, не де анама Ватангъа къайтмакъ къысмет олмады, экиси де мында Воложскте кечиндилер. Бабам эски, анам исе энди янъы мезарлыкъта дефн этильдилер.

Биз эвленип, балалы-чагъалы олгъан сонъ Зейнепнен экимиз балаларны янымызгъа алып Къырымны косътермеге бардыкъ.

Зейнеп Демирджи

ФЕВЗИ КЕРИМОВ

«АНАМ-БАБАМНЫ БАГЪАТЫРДАН САНКИ АЙВАН КИБИ АЙДАП КЕТИРГЕНЛЕР!»

Марий Эл джумхуриетинде энъ корюмли иш адамларындан бири, иншаат, тиджарет сааларында баягы теджрибе арттыргъан, айны заманда хайрие ишлеринен де сайгы-итибар къазангъан Февзи Велиевич Керимовнен корюшмек ичюн Звенигово къасабасына ёл аламыз. Волжск шеэринден къарарнен 30 километр авлакъта олгъан бу районнынъ кой ве къасабаларына да пек чокъ къырымтатарлары кетирильди. Башта къасабагъа кирмезден эвель мусульман мезарлыгыны зиярет этемиз. Къоджаман чам тереклери арасында, къавий къоранен сарылгъан мезарлыкъ ичиндеки къабирлер, башташлар мунтазам бакъылгъаны, вакъты-вакътынен темизленип тургъаны бир кереден козьге чарпа. Мезарлыкънынъ бакъымынен багълы ишлернинъ эписини Февзи Керимов бойнуна алгъан.

Февзи Керимовны биз телефоны дакъкъа сайын чалгъан, янында булунгъан ярдымджыларына аит авалелерни берген, насылдыр къагъытларны имзалагъаны алда корьдик. Къаршымда дев киби мазаллы, озюнде эмин, бакъышы серт бир адам. Догърусыны айтсам, Февзи Керимовны мени къасеветлендирген мевзуда лафэттирмек зор олур, деп белледим. Чюнки Марий Элде, Татарстаннынъ Къазан шеэринде бир чокъ инсан,

хусусан орта яшлы ве яш несиль, бу акъта къонушмагъа истемеди, корюшмек риджамны ред эттилер. Шимди де бойле бир давранышкъа огърайджагъымдан шашмалагъан киби: Ананъыз-бабанъыз мында насыл этип тюштилер?» деп сорайым ве суалимнинъ токъаллыгъындан озюм утандым. Амма суалим даа деминчик мыскъыллы йылмайып, бираз да форсаланып отургъан бу инсанны шу къадар эеджанландыраджагъыны акъылыма биле кетирмедим.

– Насыл, насыл, насыл? – Февзи Керимов суалимни текрарлая-текрарлая окюрип агълап йиберди. – Эпси къырым-татарлар киби Къырымдан чыкъарып аткъанлар ве мында санки айван киби айдап кетирдилер оларны! Анам-бабам Багъчасарайнынъ Багъатыр коюнденлер. Субетдешимни бираз тынчландырмакъ ичюн Багъатыр коюнинъ джъльберлигини тариф этем. Лякин козьлеринден турмадан акъкъан козьашларыны сильмекнен огърашкъан Февзи Велиевич не исе зорнен озюне кельди:

– Бабам – Вели Керимов, анам – Фатма Ягъяева бир койде догъгъанлар. Бабамнынъ татасы башкъа койге акъайгъа чыкъкъан. Майыс 17 куню къартбабамнен битам аламны ёкъламагъа кеткенлер. Бабам эвде бир озю къалгъан. Геджеси исе сюрюн этип башлагъанлар. Бойлеликнен бабам Марий Элге кеткен тренге юклениле, анасы-бабасы сой-сопларынен Озбекистангъа тюшелер. Бабамнынъ татасы, алам, бир йыл ичинде докъуз кишини джыйгъан, демек, къартбабам, битам, озюнинъ къоджасы ве даа башкъа аиле азаларыны. Там айтып оламам. Бабам бир йылда ич кимсесиз къалды шу сюрюнлик акъибетинден. 1947 сенеси бабам анамнен эвленелер. 1956-да Ферман чыкъып, комендант режими къалкъкъан сонъ 1957 сенеси бабам анамны ве учъ баласыны, эки агъам ве татам-

ны алып Озбекистангъа тюшкен акърабаларынен корюшмеге ве бельки де, анда авушмакъ ниетинен кете. Амма бабам андаки икълимни бегенмеген. Бир йыл-бир бучукъ йылдан сонъ къайтып кельгенлер. Кимге бардылар, къайда яшадылар, акърабаларымыз ким – айтып оламам. Эр шейни озъ вакътында, анам-бабам

сагъ экенде язып алмакъ керек эди! Шимди пек пешман этем, амма артыкъ кеч... Яшлыкъта бу шейлерни тюшюнмейсинъ, джиддий назаргъа алмайсынъ. Албуки, асылында энъ къыйметлиси бу экен.

Бабам коюни пек сагъына, даима тариф этер эди. Онынъ афызасы ойле бир кучъю эди ки, коюнинъ эр бир ташы, тереги, кимнинъ эви къаерде олгъаныны, койдешлерининъ аман-аман эпсини адлары-сойадлары иле хатырлар эди. Бабам пек ишкир, ёрулмагъа бильмеген бир инсан эди. Мен пек арзу эте эдим бабамны Багъатыргъа алып бармагъа. Кене вакъыт тапмадым, етиштирмедим.

Анам 1944-те кучюк къардашынен мында Юринский райондаки дагълар ичинде эвель эсир румынлер тутулгъан баракъларгъа ерлештирилгенлер. Биринджи йылларда пек чекишкенлер, къартларнынъ чокъусы биринджи айларда олгенлер. Анам агъыр ишлерде чалышкъан. Мен учъ яшымда экенде анамнен бабам айырылыштылар, анам бизни бир озю осьтюрди, мерхаметлик, джумертлик дуйгъуларыны ашлады. «Элинъде эки дане къартоп олса, бирисини береджексинъ», деп огретир эди. Эшиткендирсинъиз, бу ерлерде къартоп отъмек ерине. Бизимкилернинъ джаныны ачлыкътан къуртаргъан да шу къартоп олгъан. Бабамнен де багъымызны узъмедик. Анамны да, бабамны да бир мезарлыкъта джыйдым.

ВЕНЕРА ДЖЕЛЯЛОВА

«ДЖЕННЕТ БАГЪЧАСЫНДА ОСЬКЕН ГУЛЬ БУ СУВУКЪТА ОСЕРМИ?»

Венера ханымнынъ бабасы Амдий Джеляловнынъ такъдири бир сыра макъалелерде, шу джумледен К.Н. Сануковнынъ да ильмий макъалесинде тариф этильди. Волжскте биринджи куню таныш олдыгъым Мемет Джелялов Венера ханымнынъ догъмуш эмджеси экен. Яни, дейджегим, бу къадыннынъ аиле такъдиринен гъиябий таныш эдим. Корюшювимиз пек тесирли олды. Венера ханым эеджаныны, козьлеринден акъкъан аджджы козьашларыны токътатып оламай. Альбомдаки эски фоторесимлерни

косътериркен, икяесини башлады.

– Бабам Амдий Джелялов Багъчасарайнынъ Кучюк Озенбаш коюнде 1929 сенеси догъгъан. Анам – Зинуре Муждабаева

Балыкълава районынынъ Саватка коюнден. Бабамнынъ мында насыл тюшкенини Мемет эмджем анълаткъан сизге. Он беш яшында бабам озь къардашы ве эки догъмуш къардашларына эм бабалыкъ,

эм аналыкъ этмеге меджбур ола. «Къардашларымны бакъмакъ ичюн хырсызлыкъ биле яптым», деп агълай эди бабам. Озю ашамагъан, къардашларыны ашаткъан. Бабам анасы-бабасынен хаберлешип оламагъан. Ве тап бир бучукъ йылдан сонъ Асан къартбабамнен Эмине къартанам балаларыны тапып, Костромадан Волжскке кочип кельгенлер. Сюрюнликтен эвель Асан къартбабам ве Эмине къартанам экиси де Ливадияда санаторийде чалышкъанлар. Бу ерлернинъ серт авасы къартбабама ич те ярашмагъан. Кельген йылы иштен къайтаеткъанда аягъы тайып, сув ичине йыкылгъан ве хайли вакъыт сувукъ сув ичинден чыкып оламайып, бузлап ольген. Эмине къартанам да пек хасталангъан. Бабам даима: «Дженнет багъчасында оськен гульни тамырындан юлкып къар ичине отуртмагъа тырышкъанлары киби. Гуль осерми бу сувукъта? Халкъымыз да ойле, сагъ къалмагъа къалды, амма яшайлмады», деп тенъештирив эди къырымтатарларны гуллернен. Бабам догъгъан Озенбашыны, багъ-багъчасы олгъан эки къатлы эвини, балабан джеviz тереклерини ве Къырымда энъ лезетли джеviz оларнынъ койлеринде олгъаныны, койлеринден насылдыр бир он учь километрде олгъан Ялтагъа тарпилернен базаргъа къатнагъанларыны ойле бир джанлы тариф эте эди ки, биз Эльвира къардашымнен бир кереден козь огюмизге кетире эдик. Эм Къырымгъа ильк сефер баргъанымызда

Озенбашта бабам тариф эткен манзараны коръдик.

— Анамнынъ бабасы Тула шахталарына эмек ордусына алынган. Анамнынъ

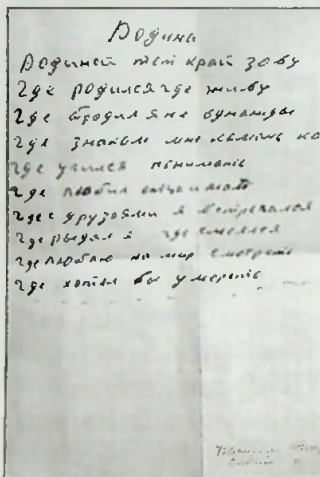

анасы дёрт баласынен Озбекистаннынъ бир ерине, анам татасы ве огълан къардашынен башкъа ерге тюшкенлер. Къартанам балаларынен ачылыкътан ольгенлер, Къартбабам къалгъан балаларыны тѣапып, озюнинъ янына Тула виляетининъ Сталиногорск(шимдики ады –

Новомосковск) шеэрине чагъырта.

– Бабам, иште, анда Приупскте яшагъан сойларына мусafirликке баргъанда анамнен таныша ве мында кетире. Анам пек дюльбер къадын эди.

1979 сенеси анамнен бабам экиси чалышкъан комбинатнынъ ёлланмасынен санки бир туристлер киби Къырымгъа барып кельдилер. Ёл арфесиндеки къуванчлары анда кедерге чеврильген. Озь койлерине бармакъ чаресини тапалмагъанлар. Туристлерге Къырымны аньлаткъан къылавузларнынъ къырымтатарлар акъкында пис лафлары оларны текмиль мугъайткъан.

Бир шейни пек яхшы хатырлайым, учюнджи сыныфта окъугъанымда Галя адлы сыныфдашым манъа: «Эпси къырымтатарлар саткъынлар», деди.

Мен буны агълап-агълап бабама айттым. Эвмизде, иште, о куню биринджи кере бизим ким ве къаерден олгъанымыз, Ватанымыз, халкъымызгъа нисбетен акъсызлыкъ акъкында джиддий лаф олды. Лякин шуны да айтмагъа истейим ки, ана-бабаларымызнынъ ичинде насылдыр бир къоркъу бар эди. Олар бу фаджианынъ текрарланмасындан, энди балалары бунъа огърамасындан сакъынып, чокъ шей айтмадан, бизни де бунъа алыштырдылар...

ГУЛАГ ТАРИХЫ МУЗЕЙИНИНЪ МУДИРИ НИКОЛАЙ АРАКЧЕЕВ

Сеферимнинъ сонъки куню башкъа куньлерге бакъкъанда даа зияде тесирли ве корюшювлерге зенгин олды. Ойле де эр кунь бутлутлы, ягъмурлы олгъан ава о куню кучълю рузгярны да къошты. Бунъа бакъмадан кене Йошкар-Ола дживарындаки бир аланда отъкериледжек тедбирге – Марий Элде ильк сефер тешкиль этильген баркемпке. Бир тарафтан бу тедбир санки пикник киби корюнир, амма адий, эр кес бильген тек ашамакъ-ичмекнен кечкен пикник дегиль. Онынъ иштиракчилери джемиет ичюн муим мевзуларны музакере этелер. Баркемпни кечирмек ичюн чокъбалалы къоранталар яшагъан ичюн къурулгъан Апшакбеяк кою сечильди. Йошкар-Оладан 12 километрде олгъан койни баягъы къыдырып, не исе таптыкъ. Бизни мында белли укъукъкъоруйджы, Йошкар-Ола шеэринде ГУЛАГ тарихы музейининъ мудири Николай Аракчеев давет этти. Таныш олмагъа даа етиштирмеден, Николай Александрович мени не ичюн бу къадар вакъыттан берли ич бир къырымтатар джемаатчысы, журналисти озь семетдешлерининъ такъдирини бильмек, ерли укъукъкъоруйджылар иле бирликте Марий Эл дагъларында экспедицияларда иштирак этмеге кельмеди, деп тазирледи. Акълы. ГУЛАГ тарихыны араштыргъан музей фааллери орманлар ичинде кутълевий къатль ерлерини, къабристанларны араштырып бельгилер, хачлар, хатыра ташларыны тиклер экенлер, къырымтатарларны да унутмайлар. Николай Аракчеев музейнинъ фаалиети акъкъын-

Орманнынъ къакъ ортасында устюнде арап язылары олгъан бир ташны корьдик. Мен арапча окъумагъа бильмейим, амма бу ерде къырымтатарлар комюльгенини там билем. О ерлерде пек чокъ обачыкъларны расткетирмек мумкюн. Анълашыла ки, къабирлер. Биз эппе олгъанымыз къадар хатыра ташлары, хачлар къойдыкъ. Къазандан диндар бирисини кетирип дуалар окъуттырдыкъ. Бу малюматларны мытлакъа архивлерде араштырмакъ, талап этмек керексинъиз.

ОЛЬГА САВИНОВА,

ширкетчи.

**«СЮРГЮН ЭТИЛЬГЕНЛЕРНИНЪ ИКЯЕЛЕРИНИ
ДИНЪЛЕМЕК АГЪЫР, ИНСАН ДАЯНАЛМАЗ»**

– Мен Звенигов районынданым. Такъдир ирадесинен Чёрное озеро деген озен боюнда яшадым. О ерлерде пек чокъ сургюн этильген къырымтатарлары яшай эдилер. Оларнен мунасебетлерим пек яхшы эди. Хусусан рахметли Риза агъа Аметов ве онынъ къарысынен достлаштым. Бир икере оларнен берабер озенден даа 18 километр узакъкъа орман ичине емиш джыймагъа бардыкъ. Анда узкоколейканы расткетирдик. Риза агъа демирёлгъа ишмар этип: «Ольга, бакъ, мында пек чокъ къырымтатарларынынъ джесетлери ята. Сургюнликнинъ биринджи кунълеринде мында кетирильген бу инсанларгъа кимсе къулакъ асмады, бакъмады. Оларгъа ашатмагъа эрзакъ олмагъанындан энъ къолай ёлуны таптылар – эписини къуршунладылар. Узакъ ёлдан сонъ урбалары йыртылгъан, ач къартлар, къадын ве балаларны шу къалын орман ичине кетирип тёктилер. Заваллылар геджелери этраф койлерде яшагъан ерли сакинлернинъ чёплукъ обаларына ташлагъан къартопсогъан къабукъларыны талашып-талашып джыйдылар. Марий Элнинъ эр еринде яшамакъ зор эди, амма бу дагълар ичинде дешет эди, дешет. Инсанлар чиркийлернинъ таламасындан, ормандаки кийик айванларнынъ тишинден къырылдылар. Яш къызларны батакълыкъкъа емиш джыймагъа ёллай эдилер.

Чиркийлернинъ талагъанына даяналмайып къачкъанларны еринде аттылар. Я бу ормандан къайда да къачаджакъсынъ, эр адымда сиялы сакъчылар тургъанда?», деди. Риза агъа даа чокъ дешетли фактларны айтты, оларны динълемек агъыр, инсан даяналмаз.

Чёрное озеро этрафында дагълар ичинде къырымтатарлар топнен комюльген ерлер чокъ. Башташсыз къабристанлар...

Къырымтатарларнынъ Марий Эл джумхуриетине сюрюн этильмеси, ерлештирильмеси, такъдирине аит даа бир къач макъалени де дердж этмекни лязим, деп таныдым. Марий Эл сеферим акъкъында эшиткен, оларнынъ ана-бабалары да шу дагъларгъа сюрюн этильген, алимлеримиз Рефикъ Къуртсеитов ве Надир Бекиров, Йошкар-Олада яшагъан садыкъ аркъадашымыз, джемаат эрбабы Рамай Юлдаш озъ малъземелерини теклиф эттилер. Марий Эл девлет университети Умумий тарих кафедрасынынъ профессоры Галина Викторовна Рокина мени Къырымнынъ Стар Шуль коюнден сюрюн этильген Смаил Хайрединовнынъ торуны Елена ханым иле таныш этти. Елена бабасы Руслан Хайрединовнынъ озъ аилеси ичюн язып къалдыргъан къыйметли хатырлавлары, аилевий фоторесимлернен пайлашып, китапта басылмасына изин берди.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОПОВА,

главный специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Республики Марий Эл, Йошкар-Ола,

**«ПРИНЯТЬ МЕРЫ К УЛУЧШЕНИЮ УСЛОВИЙ»
(ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ
ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ
МАРИЙ ЭЛ ПО ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
КРЫМСКИХ ТАТАР ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)**

Ключевые слова: *крымские татар, Великая отечественная война, Государственный архив, Республика Марий Эл, спецпоселение.*

В 2015 году исполнилось 70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР. Война пришла в каждый дом, в каждую семью и навсегда изменила жизнь людей, целого поколения граждан нашей страны. В памяти навеки останутся подвиги солдат на полях сражений, но необходимо помнить также и о самоотверженной работе тружеников тыла, которые терпели лишения, преодолевая усталость, работали на помощь фронту. Мужчины уходили на фронт, на производстве и в поле их заменяли женщины и дети. Жизнь Марийской республики, как и всей страны, была перестроена на военный лад. Люди работали по-стахановски, зачастую отдавали последние продукты и теплые вещи – «Все для фронта, все для Победы». Марийская АССР находилась в глубоком тылу, поэтому практически с первых дней войны в нашу республику стали поступать эшелоны с эвакуированным населением, эвакуировался также скот из прифронтовых районов, оборудование промышленных предприятий, заводов. По данным на 26 июля 1941, года в МАССР прибыло по эвакуации более пятнадцати с по-

ловиной тысяч человек [1, с. 94]. Особое место среди эвакуированных занимало выселенное из Крыма татарское население. В 1944 году в Марийскую АССР прибыли спецпереселенцы с Крымского полуострова, выселенные согласно постановлению Государственного комитета обороны. Организацией переселения занимались органы НКВД-НКГБ [2, с. 49–50]. Вновь прибывших граждан необходимо было разместить, предоставить им кров и пищу. В Государственном архиве Республики Марий Эл документы о размещении спецпереселенцев, улучшении их жилищных условий хранятся в фондах республиканских и районных органов власти. Подобных документов немного, тем ценнее их содержание. В данной публикации представлены материалы о размещении спецпереселенцев, улучшении их жилищных условий. Документы публикуются в соответствии с действующими правилами. Текст документов передается по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей. Явные ошибки и опечатки исправлены без оговорок. Неясные по смыслу слова и цифровые данные сохраняются без изменений и оговариваются в примечаниях: «Так в документе». Восстановленные по смыслу слова заключены в квадратные скобки, опущенные части текста обозначены отточиями (...). Сокращенные слова приводятся в примечаниях. Все документы публикуются впервые. ЗАПАД – ВОСТОК, № 8, 2015 138

Приложения № 1 Постановление Совета Народных Комиссаров Марийской АССР «Об уплотнении жителей гор. Волжска для размещения спецпереселенцев» 26 мая 1944 года В связи с необходимостью размещения в городе Волжске прибывающих спецпереселенцев и в соответствии с постановлением Правительства СССР Совет Народных Комиссаров Марийской АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1. Обязать исполком Волжского райсовета и городской совет города Волжска провести уплотнение жителей города Волжска, проживающих в коммунальных, ведомственных и частных домах, с тем чтобы не позднее 30 мая с. г. разместить по квартирам прибывающих спецпереселенцев. Установить, что вселение спецпереселенцев производится

только с разрешения Волжского райсовета и горсовета. 2. Обязать исполком Волжского райсовета (тов. Седова) и горсовета (тов. Кирсанову) при проведении уплотнения жителей города Волжска предупредить их о том, что за уклонение от выполнения пункта первого настоящего постановления (отказ в предоставлении жилой площади вселяемым эвакуируемым семьям) или оскорбление эвакуируемых спецпереселенцев в момент вселения, так и после, виновники будут привлекаться к ответственности вплоть до отдачи под суд. 3. Обязать исполком Волжского райсовета и горсовета ознакомить с настоящим постановлением глав семей, всех жителей гор. Волжска, занимаемая жилплощадь которых подлежит уплотнению. 4. В связи с тем что часть населения проживает в гор. Волжске без соответствующих разрешений и прописки, поручить органам милиции (тов. Фатьянову) провести проверку и выявить всех лиц, проживающих в гор. Волжске без прописки, и вместе с горсоветом и райсоветом отправить этих лиц в районы для расселения по колхозам. Председатель Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Р. Мамаев И. о. управления Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Ложкин ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 208, л. 244. Подлинник. № 2 Постановление Совета Народных Комиссаров Марийской АССР «О расчетах со спецпереселенцами из Крыма за принятые от них в местах прежнего жительства зерно, шерсть и кожевенное сырье и мерах помощи по их быстрейшему хозяйственно-бытовому устройству» 11 октября 1944 года В соответствии с постановлением ГОКО № 6600 от 25 сентября 1944 года в целях окончательного расчета со спецпереселенцами из Крыма, расселенными в Марийской АССР, за принятые от них по месту прежнего жительства зерно, шерсть и кожевенное сырье, а также в целях быстрейшего хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев Совет Народных Комиссаров Марийской АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ: 1. Обязать уполномоченных СССР по МАССР тов. Щеглова отпустить 368 тонн зерна и 200 тонн картофеля для спецпереселенцев с распределением по организациям и районам согласно приложению № 1. Выдачу

всего зерна произвести в два срока: 60 % – в октябре 1944 года и 40 % – в январе 1945 года. Выдачу картофеля произвести в IV квартале 1944 года. 2. Обязать начальника Маритранлеса тов. Шеина, директора Марбумкомбината тов. Завельского дополнительно к ранее отпущенному продовольствию распределить бесплатно поровну среди спецпереселенцев из Крыма все зерно и картофель, полученные от уполнаркомзаг СССР по Марийской АССР. 3. Предложить уполнаркомзаг СССР по Марийской АССР тов. Щеглову отпустить для спецпереселенцев в октябре м-це с. г. Марбумкомбинату и тресту «Маритранлес» 18,3 тонны натуральной шерсти и 4560 штук овчин с распределением по районам согласно приложению № 2. 4. Поручить начальнику Маритранлеса тов. Шеину и директору Марбумкомбината тов. Завельскому передать полученные шерсть и овчины для изготовления и пошивки спецпереселенцам обуви и одежды перерабатывающим организациям согласно приложениям №№ 3 и 4. 5. Обязать начальника ОРСа Маритранлеса тов. Свирина, председателя президиума Маркоопинсоюза тов. Лаврентьеву, Кожвалмехсоюз (тов. Строителя), Управление легкой промышленности (тов. Дымникова) и Наркомместпром (тов. Лаптева) до 1 января 1945 года выработать валяных сапог в количестве 7320 пар и полушубков 760 штук с распределением по организациям и потребителям согласно приложениям №№ 3 и 4. Зам. председателя Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Романова Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 148–149. Приложение № 1 к постановлению СНК МАССР от 11 октября 1944 года План отпуска 200 тонн картофеля и 368 тонн зерна для спецпереселенцев по районам МАССР (в килограммах) № п/п Наименование ЛТХ Подлежит отпуску картофеля в кг Из какого района За счет какой организации Подлежит отпуску зерна Из какого района 1 2 3 4 5 6 7 1. Юринский 33844 Юринского Марисоюза 62273 Юринского 2. Руткинский 11215 Г-Мари Марисоюза 20636 Г-Мари 3. Волжский 38763 Г-Мари Марисоюза 71322 Г-Мари 4. Йошкар-Ола 32095 Й-Ола Марисоюза

59053 Й-Ола Продолжение табл. 1 2 3 4 5 6 7 5. Суслонгерский 28332 Моркинского Марисоюза 52135 Моркинского 6. Б. Кокшага 15436 Звениговского Марисоюза 28400 Звениговского 7. М. Кокшага 7018 Звениговского Марисоюза 12914 Звениговского 8. Марбумкомбинат 33297 Волжского Волжского торго 61267 Волжского Итого 200000 368000 Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 152. Приложение № 2 к постановлению СНК МАССР от 11 октября 1944 года План отпуска шерсти и кожсырья для спецпереселенцев по районам МАССР № п/п Наименование ЛТХ Отпустить шерсти кгр. Отпустить шубных овчин т. штук В каком районе 1. Юринский 2797 0,714 Еласовском и Юринском 2. Руткинский 927 0,255 Еласовском 3. Волжский 3,247 0,743 Еласовском 4. Йошкар-Ола 2,876 0,731 Куженерском и Ронгинском 5. Суслонгерский 2,592 0,645 Торъял 6. Б. Кокшага 1,4121 0,352 Моркинском 7. М. Кокшага 642 0,160 Моркинском 8. Бумкомбинат 3807 0,960 Моркинском Итого 18300 4,56 Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 153. Приложение № 3 к постановлению СНК МАССР от 11 октября 1944 года План производства теплых вещей для спецпереселенцев в Марийской АССР в IV квартале 1944 года Наименование изделий Единица измерения Всего В том числе ОРС Марилеса Коопинсоюз Кожвалсоюз Управл. легкой пр-сти НКМП 1. валенок пар 7320 1800 2020 3000 – 500 2. полушубков шт. 760 – – – 760 – 1 Так в документе. Вероятно, имеется в виду тысячи килограмм. WEST – EAST, по. 8, 2015 141 Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 154. Приложение № 4 к постановлению СНК МАССР от 11 октября 1944 года План распределения теплых вещей по потребителям в IV квартале 1944 года Наименование продукции Единица измерения В том числе спецпереселенцев в Марилесе спецпереселенцев на Бумкомбинате 1. Валенки пар 5797 1523 2. Шубняки шт. 600 160 Примечание: выработку валенок для спецпереселенцев Бумкомбината производит Кожвалмехсоюз и шубные овчины

– УЛП. Управделами Совета Народных Комиссаров Марийской АССР (подпись) Андронов ГА РМЭ, Р-542, оп. 3, д. 209, л. 155. № 3 Из информационного отчета Суслонгерского лестранхоза о выполнении постановления бюро Марийского обкома ВКП(б) от 28 мая 1945 года о материально-бытовом обслуживании спецпереселенцев 24 июня 1945 года... 1. Наличие спецпереселенцев по лестранхозу на 25 июня 45 г. – 1234, которые расселяются: посел. 67 км – 226 ч. – занимают площадь 760 кв. м, или 3,4 м² на человека; посел. 10–12 км – 531 ч. – занимают площадь 1502 м², или 2,8 м² на человека; посел. 19–23 км – 345 ч. – занимают площадь 1119 м², или 3,2 м² на человека; посел. Уба – 132 чел. – занимают площадь 528 м², или 4 кв. м на человека. Средняя площадь, падающая на человека, составляет 3,2 м². 2. По расселению спецпереселенцев проделаны и намечены следующие мероприятия: а) осуществлено переселение с 19 кил. и 23 кил. 30 чел. на посел. Уба. По окончании карантина на пос. 23 кил. 5. VII – 45 будет переселено на 15 кил. 21 чел., таким образом по поселкам 23 и 19 кил. к 15. VII – 45 занимаемая площадь на человека будет равна 3,5 м². б) по поселку 10–12 кил. переселяются на пос. Уба 25. VI – 45 г. – 40 чел. и к 25. VII – 45 будет закончен строительством 10-ти квартирный дом на 60 чел. площадью 240 кв. м, следовательно занимаемая площадь на одного человека к I. IX – 45 г. будет равна 3,3 м². в) к I/X – 45 г. будут подготовлены печи в квартирах поселка Уба на 60 человек, в подготовленные квартиры будут переселены спецпереселенцы 10–12, 19–23 кил., таким образом к I/X – 45 г. жилая площадь будет составлять в среднем по лестранхозу 4375 кв. м, или 3,6 м² на человека. ЗАПАД – ВОСТОК, № 8, 2015 142 3. После проведения соответствующей работы партийно-хозяйственным активом лестранхоза санитарное состояние жилищ спецпереселенцев можно считать удовлетворительным, в каждом бараке выделены старшины, к тому же прикреплены т. т. из актива, которые повседневно следят за санитарией помещений и поселков. 4. Бани и дезокамеры работают бесперебойно. На 25. VI – 45 г. вшивость ликвидирована. 5. На всех спецпоселках открыты

детсады и детясли, в которые приняты все дети вне зависимости, работает или нет глава семьи. Данное мероприятие проведено с целью поддержания детей питанием, детсады и детясли полностью обеспечены постельными принадлежностями и продуктами питания по существующим нормам. 6. По материальному обеспечению лестранхозом проделано следующее: за время с июля 1944 г. по н/в выдано: 1. мануфактуры – 2651 м; 2. нательного белья мужского и женского – 336 пар; 3. фуфаяк ватных – 527 шт.; 4. брюк ватных – 510 шт.; 5. гимнастерок – 192 шт.; 6. пиджаков летних – 107 шт.; 7. брюк летних – 170 шт.; 8. шинелей реставрированных – 150 шт.; 9. бушлатов реставрированных – 102 шт.; 10. башмаков, шапок, шлемов – 350 шт.; 11. простыней – 350 шт.; 12. наволочек подушечных – 280 шт.; 13. наволочек матрасных – 170 шт.; 14. валенок – 375 пар; 15. одеял – 4...1; 16. ботинок – 229 пар; 17. портянок – 300 пар; 18. шерсти – 260 кг.; 19. рукавиц – 500 пар. Все вышеуказанное не удовлетворяет полной потребности, для полного обеспечения необходимо иметь зимней одежды взрослой и детской 1300 пар, мануфактуры – 10,0 тыс. м, кож. об. – 1300 пар. 7. По индивидуальному огородничеству вспахано 15,0 га. Посажено картофеля 20,0 т., каковые приобретены за счет выплаты задолженности по муке. В переброске картофеля предоставлялся транспорт лестранхоза. Дополнительно посажено картофеля 3,0 га силами лестранхоза за счет задолженности по картофелю. Таким образом, картофеля всего посажено 18,0 га или 24, 8 т. 8. Продовольственные карточки рабочим спецпереселенцам отоварены полностью, включительно за июнь месяц 1945 г., к тому же выдается рабочим талон горячего питания, по которому рабочие питаются в столовых. Средний дневной расход талонов на горячее питание составил 450 шт. Тяжелое положение с питанием иждивенцев, не работающих на производстве, которые за исключением 300 гр. хлеба других продуктов не получают, и в ОРСе лестранхоза продуктов подсобного хозяйства нет. 9. Задолженность по зарплате имеется за май и первую половину июня в сумме 60,0 тыс. руб., несмотря на наличие средств в банке (240,0 т. р.) банком средства не

выдаются, что тяжело отражается на жизни спецпереселенцев. 10. Денежная задолженность по муке, крупе, выданные спецпереселенцам во II и III кв. 1944 г. полностью погашена. 11. Задолженность по муке, картофелю погашена полностью. Начальник Суслонгерского лестранхоза (подпись) Рябов Парторг ОК ВКП(б) по лесу (подпись) Ходоровский ГА РМЭ, П-1, оп. 5, д. 800, л. 138–139. 1 Так в документе. Часть текста отсутствует.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ГОКО, ГКО – Государственный Комитет Обороны. Уполнаркомзаг – уполномоченный Народного комиссариата заготовок. Маритранлес – Марийский трест лесной и деревообрабатывающей промышленности. Марбумкомбинат – Марийский целлюлозно-бумажный комбинат Народного комиссариата бумажной промышленности СССР. ОРС – отдел рабочего снабжения. Маркоопинсоюз – Марийский союз кооперативных артелей инвалидов. Кожвалмехсоюз – Союз промысловой кожевенно-валяльной кооперации МАССР. Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности. ЛТХ, лестранхоз – лесотранспортное хозяйство. Так в документе. Вероятно, имеется в виду тысячи килограмм. Марилес – Марийский лесозаготовительный и сплавной трест. УЛП – Управление легкой промышленности. ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). 1. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 2005. 2. Сануков К. Н., Мамаев А. М. Спецпоселенцы в Марийской АССР в 1940–1950-е годы // Марийский археографический вестник: научно-практический ежегодник. 2008. № 18. 1. Marijskaja ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Joshkar-Ola, 2005. 2. Sanukov K. N., Mamaev A. M. Specposelency v Marijskoj ASSR v 1940–1950-e gody. Marijskij arheograficheskij vestnik: nauchno-prakticheskij ezhegodnik. 2008, no. 18.

УДК 94(47)"1917/1991 "(470.343)

Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР В 1944-1956 гг.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ В КРЫМ

Р. Д. КУРТСЕИТОВ

Научно-исследовательский институт Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Россия

На основе опубликованных данных и семейных воспоминаний автор рассказывает о судьбе крымских татар, выселенных с Крымского полуострова после его освобождения от фашистов. В центре внимания – судьбы крымских спецпоселенцев на территории Марийской АССР.

Ключевые слова: крымские татары, спецпоселения, депортация, МАССР, леспромхоз.

Насильственные переселения народов и этнических групп накануне и в годы Великой Отечественной войны являются одной из самых трагических страниц истории СССР. 14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». В ней говорилось о том, что «Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Варварской акцией сталинского режима явилось выселение в годы Второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов. В Де-

кларации Верховного Совета СССР 1989 года безоговорочно осуждается практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя...» [1, с. 415-416].

Исследования проблем репрессий по национальному признаку не теряют своей актуальности до сегодняшнего дня, тем более что до сих пор еще не завершился процесс репатриации репрессированных по национальному признаку граждан. В государствах Средней Азии, по данным экспертов, остается около ста тысяч крымских татар. В настоящее время принимаются государственные нормативные акты по восстановлению прав репрессированных из Крымской АССР - крымских татар, армян, болгар, греков, немцев, и в том числе находившихся на спецпоселении в Марийской АССР.

Цель данной статьи – показать лишь одну из страниц репрессий по национальному признаку через призму человеческих судеб, законодательных и нормативных актов СССР, воспоминаний крымских татар, находившихся на спецпоселении в Марийской АССР, и их потомков.

В 1945 году на спецпоселении в СССР находилось 2 230 500 человек, значительную частью этих людей составлял этнический «спецконтингент», высланный по национальному признаку [2, с. 102]. Крымский «спецконтингент» (крымские татары, армяне, греки, болгары) насчитывали в это время 195 200 человек, высланных в мае-июне 1944 года. К этой цифре необходимо добавить 61 000 немцев, высланных с началом войны (август-сентябрь 1941 г.) из Крымской АССР. Ко времени выселения крымского «спецконтингента» репрессивная машина тоталитарного государства уже имела значительный опыт, приобретенный на Северном Кавказе, в Калмыкии и других регионах страны.

К 9 мая 1944 года Крымская АССР была полностью освобождена от нацистских оккупантов. Длившаяся с конца октября 1941 года оккупация принесла неимоверные страдания населению полуострова. За это время были уничтожены десятки

тысяч мирных жителей, более 80 тысяч угнаны в Германию на принудительные работы. Евреев, крымчаков, цыган нацисты уничтожали тотально по национальному признаку. Нацистами было сожжено 127 сел из них 105 крымскотатарских сел предгорной и горной части полуострова, за содействие партизанскому движению. Крымскотатарские села Улу-Сала, Тав-Бадрак были сожжены вместе с населением, сгорели сотни взрослых и детей. В селе Баксан нацистский карательный отряд сжег 11 человек, остальным удалось бежать.

Крымский полуостров с октября 1941 по май 1944 года был ареной постоянных боев. Длительная оборона г. Севастополя превратила в руины не только город, но и прилегающие поселки и села. Морские десанты и тяжелые бои советских войск, партизанское движение на очень ограниченной территории с постоянными ее прочесами немецкими и румынскими войсками, нацистский террор в отношении мирного населения, постоянные облавы и угон населения на работы в Германию, захват и удержание в качестве заложников при размещении немецких военных частей в населенных пунктах делали жизнь людей на оккупированной территории невыносимой.

Одновременно с освобождением полуострова восстанавливалась система управления. Органами НКВД и других структур, как и на всех освобожденных территориях, проводилось выявление тех, кто сотрудничали с оккупационным режимом в различной форме (воевал с оружием в руках, работал в городских управах, на предприятиях, которые все функционировали в годы оккупации, были старостами или полицией и т. д.). Наряду с этими мероприятиями была проведена перепись населения, как впоследствии выяснилось, чтобы вычислить тех, кого планировалось выселить.

За два дня до полного освобождения полуострова 11 мая 1944 года под грифом «Совершенно секретно» было издано Постановление № 5859 ГКО СССР

«О крымских татарах», в котором говорилось о массовом предательстве крымских татар во время оккупации Крыма. «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на

постоянное жительство в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР... Выселение закончить до 1 июня 1944 года». Формальной основой для данного постановления служила докладная наркома НКВД Л. Берии, основывающаяся на докладной заместителя наркома НКГБ СССР Б. З. Кобулова и заместителя наркома НКВД СССР И. А. Серова, направленной на его имя, датированной 22 апреля 1944 года. Здесь, в частности, указывалось, что «все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар. 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма.» [1, с. 121-122].

За несколько дней до выселения 11 тысяч мужчин крымских татар, достигшие совершеннолетия за годы войны, а также те, кто по разным причинам не были мобилизованы в действующую армию летом 1941 г., были отправлены в трудовую армию, для работы на шахтах Подмосковья и Тулы. Из них 3 тысячи были направлены на строительство Гурьевского нефтеперерабатывающего завода в Казахскую ССР.

Общая численность населения автономии составляла 1 126 429 (перепись 1939 г.). Крымские татары насчитывали 218 тысяч человек (19,4 %) населения Крымской АССР. С началом войны было объявлено о мобилизации четырнадцати возрастов, включая рожденных в 1923 году. К середине августа 1941 года из Крыма ушли на фронт 74 240 чел. К этому числу добавим тех, кто проходил срочную службу по довоенным четырем призывам, - 21 тысяча военнослужащих.

Не подлежали мобилизации в Красную армию представители ряда этнических меньшинств – диаспор, чьи материнские государства находились в союзнических отношениях с Германией, или по другим причинам. Крымский историк В. Брошеван в этой связи пишет: «Применительно к Крыму следует отметить, что в соответствии со специальным указом, в РККА не призывались военнообязанные: болгары, греки, иранцы, итальянцы, китайцы, корейцы, латыши, немцы, поляки, румыны, турки [3, с. 126]. Весной 1944 г. после освобождения Крыма от нацистов мобилизовали в действующую армию еще 40 тысяч человек.

Не подлежали мобилизации весной 1944 года уже крымские татары и армяне.

Из архивных данных и данных исследований В. Полякова известно, что к началу войны в Крыму проживало только 15 938 крымских татар в призывном возрасте от 18 до 45 лет, к ним необходимо добавить тех, кто проходил срочную службу в рядах Красной армии, а это примерно 4 200 человек. Общая численность крымских татар, мобилизованных только из Крымской АССР, составила 20 138.

После окончания войны в 1945-1946 годах в местах спецпоселений на спецучете состояли 8 995 крымских татар-ветеранов войны, в том числе 524 офицера и 1392 сержанта [4, с. 407-416]. К этому числу необходимо добавить тех, кто не находился на спецучете, а это минимум 3 000, в итоге общая цифра составляет уже почти 12 тысяч человек. Остальные погибли, пропали без вести, попали в плен, на фронтах войны начиная с июня 1941 года и до окончания войны с Японией. С 18 по 20 мая 1944 года, через неделю после освобождения Крыма, ответственный за «очистку» Л. Берия с использованием войск НКВД организовал в самой жестокой форме тотальное выселение крымских татар, в основном женщин, стариков, детей, инвалидов в республики Средней Азии, Казахстан и на Урал. Выселение производилось с особой жестокостью. Ранним утром 18 мая, еще было темно, по заранее разработанному плану, все населенные пункты были окружены войсками НКВД. По их периметру были установлены станковые пулеметы. В дома спящих, ничего не подозревающих людей, в основном это были женщины, дети и старики, врвались трое вооруженных военных, старший из них зачитывал постановление ГКО на русском языке, который не все понимали. Объявлял, что на сборы дается 15 минут. Разбудить детей, одеть их, собрать больных и немощных стариков за это время в условиях психологического шока было очень трудно. Многие впоследствии вспоминая это утро, изменившее судьбу целого народа, говорили о том, что первая мысль, которая приходила в голову: «Будут расстреливать», и нечего, кроме священной книги мусульман Корана с собой не

брали. Солдаты, подталкивая прикладами автоматов, сгоняли людей к кладбищам. Привыкшие за годы войны к расстрелам, люди прощались друг с другом, дети плакали. Мародерство в оставленных домах во многих случаях начиналось уже во время выселения. Во втором пункте Постановления ГКО от 11 мая 1944 г. говорилось: «а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью». Для сравнения 500 кг – это 10 мешков по 50 кг [1, с. 122-125]. На практике солдаты НКВД в большинстве случаев не позволили взять с собой даже самые необходимые продукты питания, одежду, сотую часть положенного. 20 мая Кобулов и Серов отправили телеграмму Л. Берии, в которой доложили, что операция успешно завершена, последний состав отправлен к местам спецпоселений, выселено и погружено в вагоны 180 014 человек, кроме того, райвоенкоматы Крыма мобилизовали 6 000 татар призывного возраста, которые направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев и 5 000 в распоряжение «Московуголь». Из Крымской АССР была вывезена 191 044 крымских татарина [1, с. 121]. Операция, начало которой была запланировано на 21 мая, а завершение на 1 июня, была начата на три дня раньше – 18 мая – и вместо 10 дней проведена за 3 дня.

21 мая выходит Постановление ГКО № 5937СС, в п. 1 которого говорится «Разрешить НКВД СССР (т. Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10000 семейств переселяемых крымских татар». Далее в Постановлении говорилось о том, что НКВД СССР в районах размещения необходимо создать спецкомендатуры [1, с. 138]. Кроме вышеназванных областей, в леспромхозы Костромской области было направлено еще 6 347 крымских татар. На 1 января 1953 года в Марийской АССР числилось 7 652 спецпереселенца крымскотатарской национальности. В докладной Л. Берии на имя И. Сталина пред-

лагалось расселить всех спецпереселенцев крымских татар в Узбекской ССР, фактически, кроме десяти областей данной республики, география расселения охватила еще 42 области, края, автономной республики РСФСР и Казахской ССР.

В Марийской АССР расселение спецконтингента осуществлялась по повсеместно принятому принципу - по мере необходимости рабочей силы, в населенных пунктах вдоль железнодорожной линии, где имелись барачные помещения.

Оцепляли от состава необходимое количество товарных вагонов с определенным количеством спецпереселенцев. После долгой дороги в битком набитых товарных вагонах, предназначенных, по воспоминаниям спецпереселенцев, для перевозки скота, без всяких санитарных условий, без еды, без медицинского обслуживания, люди буквально вываливались из них. Они были голодные и истощенные, всех заедали вши. В пути следования только 2-3 раза кормили мутной похлебкой без хлеба. Те, кто смог с собой прихватить съестное, делились с соседями.

В то же время в рассекреченных и опубликованных документах дается информация, сколько продуктов было отпущено для организации питания в пути следования. На каждый состав полагался один врач и два человека младшего медперсонала. Их не было вообще. На больших станциях двери вагонов не открывались. В углу вагона разбивали пол, отгораживали простыней, это место служило туалетом. Составы находились в пути следования от 15 до 25 дней. В них умирали и рождались.

В Марийской АССР спецпереселенцев поселили в бараках на лесоучастках, в так называемых населенных пунктах «10 км», «12 км» (эти наименования связаны были с километрами узкоколейной железной дороги, которую проложили для ведения лесоразработок), поселке Октябрьский и других Суслонгерского леспромпхоза. Самыми тяжелыми для физического выживания спецпереселенцев были первые 1,5-2 года. Автору этих строк, сыну спецпереселенцев, с самого детства пришлось слышать воспоминания, рассказы, как своих родителей, так и всех их братьев и сестер, односельчан, о жизни на спецпоселениях в

Марийской АССР. Мой отец Куртсеитов Джафер¹ – 1931 года рождения, а мама – Курт-сеитова (Мамбетова) Ремзие – 1934 года рождения. В семье отца было 8, а мамы – 5 детей. Мои родители женились в 1956 году. Двое моих старших братьев родились в 1957 и 1958 годах, в их паспорте местом рождения указан «Нас. пункт 10 км».

После отмены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года режима спецпоселений для крымских татар ограничений на перемещение и проживание не было, за исключением «мест, откуда они были выселены», т. е. запрета на возвращение на Родину и прилегающих к Крыму областей Украинской ССР [1, с. 249-250]. Значительная часть спецпереселенцев – крымских татар из Марийской АССР - выехала на освоение целинных земель Казахской ССР, в Акмолинскую (Целиноградскую), Павлодарскую и другие области, а также к своим родственникам в Узбекскую и Таджикскую ССР. До этого в 1948 году из Узбекской ССР в Алма-Атинскую область Казахской ССР переселили

1 Куртсеитов Джафер (10.04.1931 г. – 24.10.1995 г.) родился в многодетной семье ветерана-инвалида Первой мировой Аблямита Куртсеитова в д. Ени-Сарай Карасубазарского района Крымской АССР, РСФСР. В 13 лет, в мае 1944 г., вместе со всем крымскотатарским народом был выслан из Крыма на спецпоселение. Семья родителей попала в Марийскую АССР, Суслонгерский леспромхоз, где прожила до 1958 года, до отмены режима спецпоселений. В связи с запретом возвращения на Родину Джафер со своими малолетними детьми переехал в Акмолинскую область, а через год в совхоз «Казахстан» Алма-Атинской области Казахской ССР. В этом хозяйстве проработал более тридцати лет, стал одним из лучших виноградарей республики, вырастил шестерых детей. Через 48 лет, в 1992 году, вернулся в Крым в село Аргын (с. Балки) родного района. Умер после тяжелой болезни в 1995 году.

Спецпереселенцев специалистов-табаководов, значительную их часть составляли крымские татары, а также греки, болгары. Ими был основан табаководческий совхоз «Чиликский»,

..Мы помним поруганных здесь и убитых,
Мы знаем фамилии их палачей.
Никто не забыт, и ничто не забыто
Из прошлых трагических лет и ночей...»

М. Цветаева

а в конце 1950 – начале 1960-х развернулось строительство плодородновиноградного совхоза «Казахстан» того же района. Со временем они станут самыми передовыми многопрофильными хозяйствами республики. В эти хозяйства стали переезжать сотни семей крымских татар, которые с 1944 и до начала 1960-х годов были на спецпоселении в Марийской АССР, Молотовской, Костромской и других областях, и в том числе те, которые прожили по несколько лет в целинных областях Казахстана. На новом месте все они самостоятельно, за свой счет построили себе жилье. В с. Анатольевка совхоза «Казахстан» 80 % домов было построено крымскими татарами. Были заложены и возделаны тысячи гектаров виноградников и садов. На табачных плантациях совхоза «Чиликский» выращивали крымский сорт «Дюбек».

Здесь в большинстве своем они прожили до середины 1990-х годов. Массовое самостоятельное возвращение в Крым началось с осени 1987 года. Старшее поколение, выселенное из Крыма, покоится на крымскотатарских кладбищах этих совхозов, они не дожили до возвращения. Все долгое время изгнания, длинными зимними вечерами, когда в доме собирались до 20 и более односельчан, с чего бы разговоры ни начинались, все они обязательно заканчивались Крымом. Эти разговоры велись после окончания похорон, различных молебнов, свадеб и других общественных мероприятий крымских татар. С самого детства в моей памяти сохранились такие слова: как «марийский», «марилер» (марийцы), «10-й», «12-й», «октябрьский», «суслонгер», «филипсола», «мочалище», «барак», «комендатура», «комендант», «паек», «карточная система», «кукушка» (паровоз), «марийские леса», «леспромхоз» и другие. И даже вернувшись на Родину в Крым, организовывая ежегодные встречи довоенных односельчан, они не забывают «Марий», в объявлениях о встречах можно прочитать «... и тех, кто был в Марийской АССР». Это время стало частью их жизни. В газетах публикуются воспоминания спецпереселенцев о нахождении в Марийской АССР.

Самыми тяжелыми для физического выживания спецпе-

реселенцев были первые полтора-два года. Это было связано с изменением места жительства, суровыми климатическими условиями в зимний период, отсутствием мужчин, за исключением инвалидов, больных, не пригодных к службе. Все трудоспособные, женщины, подростки работали на участках, где велся лесоповал. Женщины грузили лес на вагоны, подростки работали «сучкорубами», а в теплое время года все работали на лесопосадке. В настоящее время, через более чем 70 лет, на тех лесоучастках, где были посажены молодые сосенки, уже ведется новая вырубка леса. Хлебный паек зарабатывался тяжелейшим трудом, иждивенцы получали всего 150-200 г. При отсутствии других продуктов это приводило к истощению и голодным смертям. Иногда поступала иностранная гуманитарная помощь в виде муки, яичного порошка, которую выдавали не полностью, были постоянные обвесы иногда до половины положенного.

Фактором, усугубляющим трагедию целого народа, было и то, что при выселении вместо положенных 500 кг груза на семью, не позволили ничего взять с собой. Последствия такой ситуации можно было легко спрогнозировать. Для сравнения при переселении в 1938 г. корейцев с Дальнего Востока в Казахскую ССР, им заранее были предоставлены вагоны, каждая семья погрузила свое имущество, продовольствие, инвентарь, семена и так далее. При выселении с Северного Кавказа чеченцев и ингушей им за несколько дней также объявили об этом, люди могли взять с собой наиболее ценные вещи, продукты длительного хранения.

Еще одним существенным фактором, повлиявшим на положение спецпереселенцев, было и то, что им запрещено было самовольно покидать места поселений, т. е. найти другую работу или пропитание в другом месте. Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. констатировал: «В целях укрепления режима поселения... чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар ... установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам

жительства. За самовольный выезд, побег. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ» [1, с. 196-197]. С каждого совершеннолетнего взяли письменную расписку об ознакомлении.

В 1960-х годах национальным движением крымских татар были проведены две самопереписи крымскотатарского народа. В результате анализа всех полученных данных было установлено, что за первые два года от голода и болезней в местах спецпоселений умерло 46,2 % крымских татар. Эти данные, как и более 300 томов документов, начиная с 1956 года (XX съезда КПСС), систематически передавались народными представителями в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, а их копии – в ЦК компартий союзных и автономных республик, в редакции центральных, республиканских газет и журналов, общественности.

При встречах пожилые крымские татары, находившиеся в разных республиках на спецпоселении, начинают вспоминать это время и сравнивать условия содержания. В Марийской АССР не было тотально вымерших семей и тем более жителей целых сел, как это было во многих местах Узбекской ССР, где голод, малярия, тиф, дизентерия и другие болезни унесли жизни многих людей. В трех томах воспоминаний спецпереселенцев крымских татар «Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было (воспоминания депортированных)» [6], приводятся примеры, когда умерших было некому хоронить, тогда дети рыли неглубокие могилки, в которых хоронили братьев и сестер, ночью шакалы их раскапывали и разрывали трупы. В воспоминаниях спецпереселенцев из Марийской АССР сквозит одна мысль: «нас спасла марийская картошка». Голодные дети и подростки-спецпереселенцы ходили по марийским селам просили милостыню. Из воспоминаний моей покойной мамы: «Чувство голода было всегда, мы детьми думали, наступит ли тот день, когда мы досыта наедемся черного хлеба», . продукты просить ходила вместе с двумя старшими братьями (они были на год и два старше по 12-13 лет – Р. К.)). «Братья мне говорили: «Проси ты, ты девчонка тебе не откажут», «все давали

по-разному, кто несколько картофелин, кто полведра, а кто-то и целое ведро, редко кто отказывал, но были и те, кто спускал собаку». Отец мамы был инвалидом, у него был искривлен позвоночник, он не мог разогнуться, в его армию не мобилизовали, как трех родных его братьев – Амета, Ваита, Сеттара Османовых. Все братья вернулись с войны инвалидами. Сеттар был на фронте воздушным стрелком, работая на лесоповале в МАССР, получил травму, ему ампутировали ногу.

Мой дед по отцу, Аблямит Куртсеитов, был инвалидом Первой мировой войны. Во время Брусиловского прорыва в Карпатах получил тяжелое ранение в плечо, руку в госпитале в Воронеже ему сохранили, но он не мог ее согнуть. Был награжден, свою награду и фотографию после награждения зарыл во время репрессий 1930-х годов. В честь награжденных в императорской России тогда был дан обед. Серебряный прибор, которым пользовались во время торжественного обеда, каждому был оставлен на память. Как инвалид, он получал пенсию. Родные дяди деда Аблямита – Сейтвели Асан и Ягья Асан – служили в Крымском конном Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полку, воевали в Первую мировую. Еще до Первой мировой рядовой Сейтвели Асан в июне 1901 года был награжден серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте за то, что будучи на посту № 1 во время схода селевого потока, «сохраняя верность присяге», не покинул пост, рискуя жизнью спас штандарт (знамя) лейб-гвардии Крымскотатарского дивизиона, который охранял и сопровождал императорскую семью. Сын Сейтвели Асана – Мурат – в первый день добровольцем ушел на фронт, вернулся живым с войны в 1945 году, жил в г. Волжском, а затем в г. Мелитополе. Двое сыновей Ягьи Асана – Бейтулла и Бенсеит – погибли на войне.

Дед Аблямит на спецпоселении в МАССР из-за инвалидности работал учетчиком. В семье было 8 детей, старший сын Мусин два года был малолетним узником нацистских лагерей в Австрии, после этого его направили на работу на завод, был освобожден советскими войсками, служил в Советской

армии, после окончания службы приехал в Марийскую АССР. В феврале 1945 года умерла наша бабушка Амиде в возрасте 42 лет, ее, роженицу, дважды не приняли в медучреждение как спецпереселенку, куда ее возили сыновья-подростки, она родила в бараке девятого ребенка. В бараках были почти голые нары, медицинского обслуживания не было. Вскоре после ее смерти умерла от голода и новорожденная девочка. В шести бараках «нас. пункта 10-й км» не нашлось ни одной женщины, у которой было молоко.

Пережив самую тяжелую зиму, спецпоселенцы весной начали обзаводиться огородами. На участках, которые освобождались от леса, выкорчевывали пни, сажали картофель, на свежей земле он давал хороший урожай. Стали разводить молочных коз, которых зимой держали в бараках. Собирали ягоды в лесах, подростки везли собранные ягоды на станцию Суслонгер на продажу, на вырученные деньги покупали продукты.

Дед Аблямит прекрасно знал Коран, хорошо читал на арабском языке, узнав об этом, за ним приезжали местные жители из татарских сел. Во время войны все жили с верой. Местные жители-мусульмане приглашали читать молитвы, чтобы Всевышний уберег их близких на фронте от смерти. Семьи погибших просили прочесть молитву за упокой своих родных. В знак благодарности давали продукты, это тоже помогало выжить семье. Если кто-то из семи детей начинал слабеть, дед поровну брал у других и таким образом усиливал питание ослабшему. Благодаря деду все его дети выжили, за исключением новорожденной девочки.

Из-за тяжелых условий, отсутствия одежды, обуви многие дети первые годы в местах спецпоселений не могли продолжить учебу, т.к. до этого еще три военных года в оккупации не учились, многие школы не работали. Когда бытовые проблемы были решены, разница в возрасте обучающихся в одном классе местных учеников и спецпереселенцев становилась очень большой. Из воспоминаний Зубиде Газиевой: «До войны окончила два класса, когда меня привели в школу и посадили

за парту в третьем классе, я была старше остальных на пять лет, надо мной все смеялись, таких было много». Большинство из спецпереселенцев, кто начал учиться в школе до войны, среднюю школу после войны не окончили, надо было работать, помогать содержать семьи, поэтому только те, кто пошел в школу после войны, смогли закончить ее и имели возможность поступить в высшие учебные заведения. Для двоих старших братьев мамы и для нее самой среднее образование осталось несбыточной мечтой, а младший брат после окончания школы поступил и успешно окончил Марийский лесотехнический институт, младшая сестра с золотой медалью окончила школу, поступила и окончила Андиганский мединститут.

До отмены режима спецпоселений лишь единицы могли добиться в спецкомендатурах разрешения на выезд на учебу. И после этого многие специальности оставались закрытыми для поступления спецпереселенцев, среди них юридические, исторические, иностранных языков, авиационные, наиболее престижные военные специальности, не говоря о дипломатических и связанных с государственной тайной и безопасностью.

Помимо гражданского населения участь спецпереселенца не обошла стороной и военных, кто с оружием в руках защищал нашу Родину. Часть солдат и офицеров из числа репрессированных народов демобилизовали из армии до окончания войны и отправили в трудовую армию и в места спецпоселений на самые тяжелые работы. Зам. начальника отдела спецпоселений НКВД СССР полковник ГБ Мальцев 10 октября 1944 года докладывал заместителю НКВД СССР Чернышеву: «Демобилизованные из армии спецпереселенцы прибыли к месту расселения в летнем армейском, вполне исправном обмундировании. Работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь изорвали ... в июле был период, когда кормили исключительно похлебкой из крапивы с небольшой примесью овсяной муки. Стоимость такой похлебки составляла 6 копеек. [...] Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечены, производят впечатление оборванцев, а между тем многие из них на груди носят ордена и медали» [7, с. 132-134.].

По воспоминаниям отца, о Победе он узнал, когда на станции Суслонгер вместе с другими подростками из барачных гвоздями выковыривали из щелей товарных вагонов зерна пшеницы, которые собирали в мешочки. В это время они увидели мужчину, верхом летевшего на лошади и громко кричавшего: «Победа! Победа!». После Победы в Марийский край стали возвращаться фронтовики, ситуация изменилась. Теперь в лицо боялись говорить: «Предатели», «Крым продали». Фронтовики, как и все остальные, были обязаны раз в месяц отмечаться в спецкомендатуре. В бараках дети играли вместо игрушек их орденами и медалями, никто на это не обращал внимание, они потеряли ценность для тех, кого подло лишили Победы.

Отметим, что крымские татары, ветераны Русско-японской войны, Первой мировой войны никогда плохо не отзывались об императоре Николае II. Наш сосед, трижды раненый ветеран-инвалид Первой мировой Мемедляев Хайбула (дожил до ста лет) много рассказывал о войне, всегда говорил о царе с уважением. Его сын Хайбулаев Садык вернулся живым со Второй мировой, умер от ран в Казахстане.

Ветераны Второй мировой, крымские татары, о Сталине не только ничего хорошего не говорили, а всегда его проклинали.

Когда объявили о смерти Сталина, вспоминал отец, многие из местных жителей плакали, а «мы радовались, у спецпереселенцев появилась надежда на изменения в жизни». Отец рассказывал об этих днях: «Мы, молодежь, все детство и юность которых прошла в бараках и лесах, собрались вместе и пошли в лес и там громко стали на родном языке кричать: «Сдох! Сдох!». Отец вспоминал, что «после смерти Сталина комендантский режим смягчился. В выходные дни мы сбегали из барачных, без разрешения спецкоменданта, садились на проходящие товарные поезда и ехали в Казань. Там бурлила жизнь. Люди, празднично одетые, ходили по улицам, играли на гармонии, пели песни. Было много студентов. Я же ходил по книжным магазинам, покупал школьные учебники, учебники литературы на татарском языке, художественную литературу,

хотелось читать, хотя бы на родственном, татарском, языке». Вся литература на крымско-татарском языке после выселения народа из Крыма была насильственно отобрана и сожжена. Книги, купленные в Казани в начале 1950-х годов, на татарском языке до сих пор хранятся в нашей домашней библиотеке. Многие стихи Г. Тукая отец знал наизусть. В те же годы он стал увлекаться поэзией, писал стихи на родном языке и записывал их в тетрадах. Только в 1970-е годы он стал публиковать их в литературно-художественном журнале «Йылдыз» («Звезда») на крымско-татарском языке в г. Ташкенте, удивляя пожилых, еще довоенных писателей и поэтов, богатством своего языка, имея за плечами только два класса довоенной школы. Среди наших родственников было трое членов Союза писателей СССР, один из них с довоенным стажем, выпускник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Абдураим Шейх-заде (Алтанлы). Много лет спустя, когда в Алма-Ату на гастроли приезжал театр им. Г. Камала из Казани, артисты театра во главе с Марселем Салимжановым приезжали к нам в гости и отец на татарском языке им читал им стихи Г. Тукая, и в первую очередь «Мое село». Село для отца всегда оставалось символом Родины, и все это передавалось нам, детям.

Память о добром всегда сохраняется. Летом 2015 года в Крыму гостил родственник наших друзей, ныне живущий в г. Волжском Джеппар Аблязов, родившийся, как и мои старшие братья, в «нас. пункте 10 км». Собрались так называемые марийцы. Рассказывали о том, что сейчас на том месте, где были бараки и где хоронили умерших. Среди прочего он рассказал о том, что навестил одинокую женщину – крымскую татарку уже преклонного возраста, которая с семьей после отмены спецрежима, как и небольшая часть крымскотатарских семей, осталась жить в Марийской АССР. Вспоминая прошлое, она сказала: «Мы выжили благодаря селам с этой стороны железнодорожного полотна, вы должны это помнить всегда...». После этой встречи через несколько месяцев она умерла. Почти в каждой семье из бывших «спецпоселенцев» хранятся фотографии той поры. Их очень немного, в основном встречаются снимки

с начала 1950-х годов, как правило, на майские и октябрьские праздники, групповые фотографии молодежи.

Сегодня перед исследователями стоит задача восстановить историческую истину, написать правдивую историю о судьбе целого народа, реабилитировать не только в скудных строках государственных постановлений, но и в исторической памяти поколений горькую судьбу крымских татар в середине XX века.

1. Бекирова Г. Т. *Крым и крымские татары в XIX-XX веках: сборник статей.* М., 2005. С. 132-134.

2. Брошеван В. М. *Военная мобилизация в Крыму.* Симферополь, 2005. 126 с.

3. Бугай Н. Ф. *Депортация народов Крыма.* М.: ИНСАН, 2002.

4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). ФР-9478. Оп. 1. Д. 377. Л. 8-15.

5. *Депортация крымских татар 18 мая 1944 г. Как это было (воспоминания депортированных).* Симферополь: Оджакъ, Т. 1. 2004. 252 с.; Т. 2. 2005. 304 с.; Т. 3, 2008. 316 с.

6. *Депортирован кримсью татари, болгари, вірмени, греки, тмцз Документа. Факти. Свід-чення. (1917-1991).* Кжв, 2004. 464 с.

7. Поляков В. Е. *Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно».* М.: Яуза-пресс, 2011. 448 с.

8. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. оп. 31. Д. 56. Л. 180-206.

ЗАПАД – ВОСТОК, № 8, 2015

**Р. ЮЛДАШЕВ,
К.Н САНУКОВ**

«ДЕПОРТИРОВАННЫЕ КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ»

Что мы знали о той трагедии? Пожалуй, только то, что долгое время словосочетание «крымский татарин» было равноценно ругательству. Клеймо «предатель» с дьявольским искусством было наложено на весь народ, хотя из 60 тысяч призванных на фронты Великой Отечественной войны крымских татар, каждый второй погиб смертью храбрых. Вспомним дважды Героя Советского района летчика – испытателя Аметхана Султана. Например, были сестры Дурсуновы из Волжска. Дети-

ми они побывали в застенках гестапо, которое выколачивало показания из их мамы, связанной с партизанским подпольем. Мать фашисты замучили, а детей, чудом избежавших смерти, свои не пожалели – 18 мая 1944 года отправили в ссылку. Целый народ оказался на положении спецпереселенца, перетерпел муки физические, но до сих пор не избавился от моральных. Мужчин из Крыма забрали уже до депортации – 11 тысяч человек, достигших совершеннолетия, отправили в Трудовую армию для работы на шахтах в Подмосковье и Туле. Еще три тысячи человек отправили на строительство Гурьевского нефтеперерабатывающего завода в Казахскую ССР. Очевидцы считают,

что всё это было сделано для того, чтобы мужчины не смогли оказать сопротивление при депортации. Основную операцию начали на рассвете 18 мая 1944 года, все города и села на крымском полуострове окружили войска НКВД. Тысячи ничего не подозревающих семей спали у себя дома, когда в их двери постучали и велели за 15 минут собраться. Согласно сообщениям очевидцев, некоторые солдаты «шутили» и говорили, что сейчас всех расстреляют, от того крымские татары брали с собой только Коран. Несмотря на то, что им разрешалось взять с собой полтонны вещей на семью, согласно постановлению ГКО № 5859-сс, солдаты порой просто не давали толком собраться. К 16:00–20 мая последний из 193 865 крымских татар отправился с родной земли на переселение. Везли спецпереселенцев в Узбекистан – 151 136 человек, в Марийскую АССР – 9 тысяч 61, в Казахскую ССР – 4 286, остальные были распределены «для использования на работах» в Молотовской (10 555), Кемеровской (6 743), Горьковской (5 095), Свердловской (3 594), Ивановской (2 800), Ярославской (1 059) областях РСФСР. По окончательным данным, из Крыма было депортировано 191014 крымских татар (более 40 тысяч семей). С конца мая по начало июля 1944 года в Марийскую республику были выселены 2066 семей (9061 человек) крымских татар. 2 июня 1944 года последовало Постановление ГКО о выселении с полуострова армян, болгар и греков. Часть из них (581 человек) была направлена в нашу республику.

Погрузили друг на друга в «теплушки» и четверо суток не открывали. Люди умирали, по 20 суток ехали, а те, кто доехал, в Узбекистане умирали от голода. Составы находились в пути от 15 до 25 дней. По воспоминаниям в колхозе, где жили крымские татары, к 1946 году из 72 крымскотатарских семей осталось 16. ужасающие условия существования стали причиной массовой гибели народа. Жили прямо под деревьями. Фронтовиков из числа крымских татар лишили боевых наград и выслали по месту ссылки их семей. По прибытии в Среднюю

Азию люди были выброшены на голое место, согнаны в бараки, не приспособленные для жизни даже в условиях местного теплого климата. Когда крымских татар усадили в вагоны, те думали – расстреляют. Потом их привезли в марийскую тайгу. Из воспоминаний Амдия Джелялова мы можем восстановить картину переселения крымских татар в Марийскую АССР. Ему было 13 лет, когда ночью пришли за Джеляловыми сотрудники НКВД и НКГБ и погрузили товарные вагоны. Амдий с братишкой в ту ночь находились в Ялте у тетки и в вагон с родителями не попали. Тех с другими детьми повезли в Костромскую область, а Амдия с братом, теткой, бабушкой и дедушкой в Марийскую АССР. 10 дней ехали в битком набитых телячьих вагонах под конвоем. «Лишь на четвертые сутки – баланда, а к концу пути вши горстями». Потом конечная станция – город Волжск МАССР.

Данный контингент на территорию Марийской АССР прибыл в основном в четыре этапа:

27 мая 1944 г.	эшелон № 616	семей – 810	человек – 2983
29 мая 1944 г.	эшелон № 614	семей – 699	человек -2842
1 июня 1944 г.	эшелон № 606	семей – 606	человек – 2670
6 июня 1944 г.	эшелон № 732	семей – 176	человек – 580
всего		семей – 2291	человек – 9075

С прибытием крымских татар Наркомат внутренних дел Марийской АССР создал специальный аппарат для их обслуживания – спецкомендатуры НКВД, которые располагались в следующих районах:

1. Йошкар-Олинский район – на территории Суслонгерского лестранхоза, где расселено 255 семей (1272 человека) – одна спецкомендатура.

2. Волжский район – в городе Волжске с расселением 245 семей (1495 человек) – одна спецкомендатура.

3. Звениговский район – на участках сплавных контор Малой и Большой Кокшаги с расселением 282 семей (1253 человека) две спецкомендатуры.

4. Юринский район – на территории Юркинского лестранхоза с расселением 395 семей (1410 человека) – одна спецкомендатура.

5. Горно-Марийский район – на территории Волжского и Руткинского лестранхоза с расселением 577 семей (2259 человек) – две спецкомендатуры.

6. Медведевский район – на территории Йошкар-Олинского лестранхоза с расселением 312 семей (1374 человека) – одна спецкомендатура.

Коменданты спецкомендатур получили «Инструкции» по выполнению Указа. Со спецпересенцев ими были взяты расписки: «Расписка: Мне, высленному..., проживающему в... объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выслен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего места жительства и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ». На местах спецпоселений за всеми крымскими татарами был установлен гласный административный надзор, действовавший до апреля 1956 года. Жесткий комендантский режим (20 лет каторжных работ только за то, что осмеливаешься навестить родных в соседней деревне без разрешения), произвол властей (у крымских татар были отобраны паспорта), В систему целлюлозно-бумажного комбината прибыло 730 человек трудоспособного контингента, из них на 1 апреля 1945 года было трудоустроено 622 человека, в Маритранслесе из 2565 трудоспособных трудоустроено 2232. Для устройства на работу женщин, имеющих детей, на участках были организованы школы и детские сады, местные думали – «людоеды». Потом была холодная и голодная зима, дети просили еду в соседних деревнях, а марийцы всегда были готовы помочь соседям. «В 106 км от Казани и в

45 км от Йошкар-Олы, в республике Марий Эл, находится поселок городского типа Суслонгер. Свой статус он получил в 1942 году. Это на первый взгляд абсолютно непримечательное место в трех-четыре километрах от трассы, соединяющей Волжск со столицей республики. Однако в 1940–1950-е годы именно здесь в разное время располагались три печально известных лагеря. До 1943 года здесь держали в лагере № 100 военнопленных финнов. Одновременно с этим в годы Великой отечественной войны, тут, в непроходимой марийской тайге, располагался учебный лагерь для военных Красной армии, печально известный преступно халатным руководством – оно продавали продукты, полагающиеся солдатам, из-за чего последние сотнями умирали от голода или совершали самоубийство, не вынеся таких условий. А с 1944 по 1956 годы здесь, в 10 км от поселка, располагался лагерь спецпоселенцев – крымских татар. Существование в этих местах трех разноплановых лагерей изменило людей, живущих здесь, и изменило судьбы тысяч граждан Советского Союза, начиная от солдат и их семей и заканчивая тысячами крымских татар, которые на протяжении 12 лет жили здесь в невыносимых условиях без способности выехать к себе на Родину. В Марийской республике татар поселили в лесу в бараки по 15 семей в каждом и отправили валить лес. По пути следования состава некоторые вагоны отцепляли с нужным для работы здесь количеством спецпереселенцев. Сами вагоны были предназначены для перевозки скота. В них не было ничего. Приходилось проделывать дыру в углу вагона и ограждать простыней, сооружая импровизированный туалет. Медперсонала в вагонах тоже не было, хотя на каждый вагон должен был быть выделен один врач и два человека младшего медперсонала. В вагонах за две недели депортации погиб 191 человек. В Советском союзе потом скажут, что это «нормальная» смертность. "10-Й КМ», КОМАРЫ И МОЧАЛИЩЕ. Бесконечные дожди весной и осенью, жуткий холод зимой, летом комары и слепни, – так вспоминают марийские леса депортированные сюда крымские татары. Их поселили в лесу в 10 и 12 километрах от Суслонгера. Станции

узкоколейной железной дороги, которую проложили для ведения лесоразработок, так и назывались – 10-й и 12-й километр. В бараках, в которых поселили депортированных, не было перегородок. Семьи, примерно по 15, поселили в них. Вдоль комнаты каждой из них выделили по два квадратных метра.. Многие крымские татары не знали русского языка, как и марийцы, которые жили в Суслонгере и других населенных пунктах в окрестностях. Приходилось изъясняться на пальцах. Крымские татары потом рассказывали, что марийцы встретили их с опаской, многие просто закрывали ворота и окна, когда переселенцы приходили в поселки, – им сообщили военные, что «крымские – людоеды». В первое время работающим давали по 600 грамм, а остальным по 150-200 грамм хлеба – это было единственным пропитанием. Чтобы получить хлеб, нужно было стоять в многочасовых очередях. Первая зима для крымских татар была жутким испытанием – страшный холод, мало еды и дров. Рассказывают, что приходилось искать остатки еды у расположенного рядом лагеря для военнопленных, последних кормили куда лучше. Ситуация осложнялась еще и тем, что среди переселенцев почти не было работоспособных мужчин, только женщины, дети, инвалиды и пожилые. Женщины грузили лес на вагоны, подростки работали «сучкорубами», пожилые мужчины валили лес – в теплое время года все работали на лесопосадке. Один из потомков переселенцев в Марийскую АССР, кандидат социологических наук, доцент Научно-исследовательского института Крымского инженерно-педагогического университета в Симферополе Рефик Куртсеитов в своей статье «Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР в 1944–1956 годах. Долгий путь возвращения на Родину в Крым», пишет, что в 1960-х годах национальным движением были проведены две самопереписи. «В результате анализа всех полученных данных было установлено, что за первые два года от голода и болезней в местах спецпоселений умерло 46,2% крымских татар», – отмечает он. «В воспоминаниях спецпереселенцев из Марийской АССР сквозит одна мысль: «нас спасла марийская картошка». Голод-

ные дети и подростки-спецпереселенцы ходили по марийским селам просили милостыню. Из воспоминаний моей покойной мамы: «Чувство голода было всегда, мы детьми думали, наступит ли тот день, когда мы досыта наедемся черного хлеба», – вспоминает Куртсеитов в своей статье. Уже на следующий год, в 1945 году, крымские татары начали обзаводиться собственными огородами, в основном с картошкой. Завели коз и стали продавать на рынке ягоды, которые подростки и дети собирали в лесу, а на вырученные деньги покупать продукты. Постепенно положение спецпоселенцев улучшалось. Они обзаводились собственными домами, домашним скотом, огородами. На 1 января 1951 года спецпоселенцы имели: собственных домов – 145; крупного рогатого скота – 454, мелкого рогатого скота – 2366 голов. Крымские татары, прибывшие в Марийскую АССР, были в основном расселены в общих бараках. Жилая площадь в этих бараках в большинстве своем была неподготовлена. Многим баракам требовался капитальный ремонт, устройство печей, застекление окон и другие работы. Постепенно в общих бараках в 1945 году были устроены комнаты на 1748 семей. Из непригодных бараков производили частичное переселение на вновь организованный участок Пикен-Агур. Но, несмотря на эти меры, 318 семей проживали в общих бараках, часть которых для жилья в зимних условиях была совершенно непригодна. К 1 января 1946 года из 1806 семей спецпереселенцев – крымских татар, 177 семей проживали в общих бараках; 47 человек были переведены в другие поселки, в отдельные комнаты с печным отоплением для каждой семьи. Построено 3 дома на 39 семей, также с устройством комнатной системы; переселенцы из общих бараков в дома с комнатной системой 213 семей; устроена комнатная система в бараках на 1562 семьи. Имеется колоссальное множество документальных свидетельств того, как выдержавшие долгий путь люди умирали теперь уже целыми семьями от голода и болезней. В результате переселения и ближайших его последствий в течение первых полутора лет (с 18 мая 1944 г. по конец 1945 г.) погибло 46,2% крымских татар. Рефик Курт-

сеитов пишет, что, когда после войны в поселки спецпереселенцев стали возвращаться мужчины, больше никто не смел называть крымских татар «предателями». А после смерти Сталина переселенцы были счастливы и стали надеяться на то, что их жизнь станет лучше. Это, действительно, стало так. Теперь крымские татары могли ездить в Казань, где никто не запрещал говорить и печатать литературу на татарском языке. В апреле 1956 года режим спецпоселений для крымских татар отменили, но с одним условием – они могли вернуться куда угодно, но не в Крым. Из Марийской АССР большинство отправилось на освоение целинных земель в Казахскую ССР, в Акмолинскую (Целиноградскую), Павлодарскую и другие области, а также к своим родственникам в Узбекскую и Таджикскую ССР. Значительная часть спецпоселенцев после снятия их с учета намеревалась выехать за пределы Марийской АССР, главным образом – в Среднюю Азию и Казахстан, на соединение с родственниками для работы в хлопководческих районах. Только за 1955 год выехало из Марийской АССР в Узбекскую ССР для соединения с семьями 1086 человек и временно выезжало 590 человек. В 1-м квартале 1956 года было выдано разрешений на выезд 211 спецпоселенцам, главным образом, в Среднюю Азию. 1957 году многим репрессированные народы разрешили вернуться и воссоздать разрушенные прежде автономии, им было возвращены земли и дома. Но крымских татар эти указы не коснулись, они так и остались в местах ссылки. И между прочим, до сих пор они не могут сменить местожительство. Это к вопросу о наших иллюзиях на тему «Родина слышит, Родина знает...» Многие народы были возвращены на родину после XX съезда КПСС, осудившего идеологию и практику сталинизма. Не коснулся этот процесс по непонятным до сих пор причинам крымских татар и туркомесхетинцев. Хотя появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживающих в Крыму» от 5 сентября 1967 года, где снимались обвинения в предательстве со всего народа – крымских татар. сказано и о том, что «граждане татарской национальности,

ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режим. Крымские татары получили возможность вернуться на Родину лишь в 1989 году. Однако, полноценная реабилитация так и не была проведена. Указ о реабилитации от 2014 года всего на всего ширма для продолжения политики этноцида. Массовый возврат крымских татар на Родину начался с постановления Совета Министров СССР № 666 от 11 июля 1990 года. По данному постановлению крымские татары могли получить бесплатно земельные участки и строительные материалы в Крыму, но при этом они могли продать за деньги полученные ранее участки с домами в Узбекистане. Тогда еще стоимость земли и домов в Крыму и Узбекистане была сопоставима, но после развала СССР в последней республике случился кризис и недвижимость стала стоить дешево. Сейчас крымские татары, оставшиеся в Волжске (по данным переписи 2010 года их в Марий Эл всего 22 человека), не могут получить землю или недвижимость в Крыму – только купить ее там. В «Книге памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл» и на сайте МВД Марий Эл опубликованы сотни фамилий крымских татар, репрессированных и впоследствии реабилитированных... В XIX в. в Крыму развивалось более семидесяти видов крымскотатарских ремесел. Во время голода, войны и депортации народ утратил большинство из них. И только вернувшись на Родину, крымские татары вновь стали возрождать свои традиционные ремесла. 17 мая 1989 года в одной из аудиторий Казанского университета молодые люди развешивали стенные газеты, чтение которых могло привести к столбняку. Крымские татары, живущие в Татарии и Марийской АССР, отмечали очередную годовщину лишения их РОДИНЫ. Подготовив стенд материалов, озаглавленных «Факел над Крымом». Речь в них шла о мытарствах крымского татарина Мусы Мамута. Купив себе дом в Крыму, он никак не мог прописать себя и семью, а следовательно, устроиться на работу. Пришлось ему за это отсидеть.

Вышел на волю, история повторилась. И тогда доведенный до отчаяния Муса облил себя бензином и поджег. Было это в 1978 году. Об этом поступке помнят тысячи его земляков, ведущих борьбу за возвращение на Родину. Члены крымскотатарской секции ТОЦа Надир Бекиров, Дявер Османов, Исмаил Сулейманов, жившие тогда в Казани, упорно строили мост Казань – Крым. И им это удалось. 27 июля 1990 года из Казани в Крым вылетел студенческий стройотряд. Его члены решили безвозмездно помочь возвращающимся на Родину крымским татарам строить дома. Ради этого многие оставили напряженную работу на селе в собственных семьях. Был найден спонсор – республиканское Общество Красного Креста и Красного Полумесяца. Его председатель М.Ахмадуллина без колебаний выдала необходимую сумму для поездки отряда, Ваши сыновья пришли к нам на помощь! Уважаемая редакция! Пишет вам мать троих детей, крымская татарка. Этим летом к нам на помощь приехал целый отряд из Татарии – 13 молодых ребят. Они работали бескорыстно с нами, а мы делили с ними хлеб-соль. Мы успели полюбить их за их добрые, отзывчивые сердца. В той недоброжелательной атмосфере, в которой мы живем, слово участия, добрый взгляд ценится как улыбка матери. И поэтому я хотела бы обратиться к матерям Татарстана. Дорогие наши сестры! Спасибо вам за то, что вы вырастили таких сыновей... Спасибо вам за то, что вы смогли преодолеть себя и отпустить своих сыновей к нам на помощь. Мы, матери, знаем, чего вам это стоило. Земной поклон вам! Я уверена, что это растет цвет вашей нации. Огромное спасибо Матыгуллину Расиму, Гималтдинову Радику, Чумарову Марселю, Нигматуллину Ильфату, Файзуллину Алмазу, Зиганшину Рафилю, Хадееву Наилю, Давлетзянову Фиргату, Мухамадиеву Расулу, Фархутдинову Ильдусу, Гарифуллину Равилю, Ахмадуллину Фаязу, Умидееву Марату (извините, если пишу фамилии с ошибками). Гульнара Аметова, поселок Асрет, Крым.

Источники и литература:

Т.Пулатов. «Крымские татары жаждут исхода». Рефик

Куртсеитов «Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР в 1944–1956 годах. Долгий путь возвращения на Родину в Крым». Венера Якупова «Крымские татары или Привет от Сталина».

«Репрессивное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры» – материалы Международной научной конференции 28–29 мая 1999 г. Симферополь. 2001.

К. Н. Сануков статья «Крымские татары и немцы – спецпоселенцы в Марийской АССР в 1940–1950-ые годы. книга «Из истории Марий Эл: страницы известные и неизвестные. Сборник научных статей. Йошкар-Ола. 2013.

НАДИР БЕКИРОВ

КОЙДЕШЛЕР В АБЛЕШЕ И В МАРИЙ ЭЛ

В августе 1990 года я, наконец, вернулся в Крым, первый из всей нашей семьи.

Мне приходилось бывать в Крыму и раньше, но тут... все было иначе. Это было возвращение. Настроение было совсем иное, чем, когда я приезжал на Родину на считанные дни, и каждое утро приближало новое расставание с ней. Нет, теперь я приехал навсегда. И это было совсем другое ощущение. Я еще не знал, где именно буду жить, в какой части Крыма, чем буду зарабатывать на жизнь, что со мной случится через неделю или через год, но, чтобы со мной не произошло... теперь это будет в Крыму и только здесь!

У меня уже были знакомые и товарищи из числа соотечественников, вернувшихся чуть раньше, и первым меня принял Сервер Керимов в Бахчисарае, а потом жизнь завертелась так, что я не успевал заметить, как вечер и утро сменяли друг друга.

Время было горячее, каждый день происходили события, забиравшие все мысли и душу. То крымские татары занимали новое поле и начинали строить дома, то кого-то все еще существовавшая коммунистическая власть пыталась запугать погромами или судами, то собирался митинг, то нужно было

ехать через весь полуостров на собрание и помогать составлять документы. Мне пришлось очень быстро восстанавливать свои навыки юриста и практически стереть из жизни и памяти свое преподавание в универ-

ситете – оно здесь было совсем не нужно. Мне на протяжении месяцев редко приходилось дважды ночевать в одном и том же месте. Да и вообще, не каждую ночь приходилось спать. Но это было настоящее счастье! Я не мог ни надышаться Родиной, ни насмотреться на нее, ни нагладить ее траву, деревья, камни, землю, ни послушаться крымскотатарской речи, которая теперь звучала для меня часами каждый день, а не так, как все мое детство – раз в несколько лет.

Удалось однажды заехать и в родное село моей семьи – Немсе Аблеш (сейчас Пруды), зайти во двор дома, который строил мой дед Гафар Бекиров, убедиться, что в нем уже живет крымскотатарская семья, обрадоваться тому, что дом моего деда не пропадает зря – приютил наших крымских татар, как и я вернувшихся в считанные месяцы до этого.

Дом мало изменился, несколько семей переселенцев, которым он доставался бесплатно, его не ремонтировали, а значит и не трогали, поэтому в нем все было практически так, как оно было утром 18 мая 1944 года. Я смотрел на небольшие комнаты, на лесенку, ведущую на чердак, и вспоминал лицо Эдие къартанам, которая до конца жизни не могла себе простить, что той страшной ночью, будя и пытаясь одеть семерых детей, младшей из которых, моей Касиде абай, было едва больше

года, она растерялась и стала набивать мешок початками кукурузы, чтобы взять с собой на первое время, забыв, что на чердаке лежит луценное зерно, которого бы хватило надолго. Мешок с початками пришлось-таки бросить, потому что офицер, который командовал солдатами, сказал, что это слишком много. Еще до того, как они вышли во двор, соседи, с которыми прожили рядом много лет, зашли в дом и стали деловито вытаскивать еще не остывшие подушки, одеяла и миндеры, с которых только что поднялись трясущиеся от страха дети.

Къартанам так и не побывала в Крыму после депортации. У меня до сих пор стоит в ушах ее голос, когда она говорила, что в колодце во дворе дома была очень вкусная вода и, раз уж нельзя вернуться, то она хочет выпить хотя бы чашку этой воды. Умерла она рано, в 1976, в Чирчике. Жизнь состарила ее, забрала здоровье и покинула в возрасте, в котором нынешние женщины только еще начинают наслаждаться своим положением любимой бабушки многих внуков.

Тогда же познакомился и с семьей соседей – Медине абай и ее сыновьями, Рустемом, а позже Рефатом Абдурахмановыми, жившими в том же дворе, подружился с ними на долгие годы. Они и угостили меня той непередаваемо сладкой живой водой, ну и, конечно, кофе.

Первые годы в Крыму меня постоянно спрашивали, откуда из Узбекистана я приехал, и не сразу понимали, о чем я, когда я отвечал, что в Узбекистане и вообще Средней Азии не жил, хотя много раз там бывал у родственников.

Да вот так. По некоторым данным около 40-50 тысяч крымских татар везли не на поля и рудники Центральной Азии, а на лесоповал в Марийскую АССР, как она тогда называлась, или, как до сих пор говорят крымские татары на Урал. Марий Эл, это конечно еще не Урал, но уже близко к нему, еще какое-то количество попало в Пермь, Челябинск и даже Сибирь, где климат и условия были еще тяжелее и страшнее.

**«ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР
О НАПРАВЛЕНИИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЛЕСПРОМХОЗЫ
УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ**

21 мая 1944 г.

Секретно

государственный Комитет Оборонь

Постановление N ГОКО-5937с от 21 мая 1944 г.

Москва, Кремль

1. Разрешить НКВД СССР (т. Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10.000 семейств переселяемых крымских татар.

2. Обязать Наркомат целлюлозно-бумажной промышленности и Наркомлес принять и разместить для работы на предприятиях целлюлознобумажной промышленности и леспромхозах, обеспечивающих целлюлозно-бумажную промышленность, направляемые к ним 10.000 семей спецпереселенцев.

Разрешить НКВД СССР в районах размещения спецпереселенцев-татар на предприятиях Наркомлеса и Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности создать спецкомендатуры.

Председатель Государственного Комитета Оборонь
И.В.Сталин»

О том, как происходила депортация, есть огромное количество воспоминаний ее жертв и оценок историков и специалистов. Однако почему-то никому в голову не пришла совершенно очевидная вещь. Само насильственное переселение, поголовный учет всех от мала до велика, каторга за попытку побега, перекидывание живых людей с места на место, ис-

ходя из «экономической целесообразности», принуждение к тяжелейшему труду, работам и занятиям исключительно в зависимости от прихоти и хозяйственных потребностей каких-то министерств, ведомств, колхозов, совхозов, леспромхозов, заводов, фабрик,строек и дальше вниз до уровня бригадира или директора полевого стана есть ни что иное, как обращение людей в рабство в самом что ни на есть классическом виде. Именно в том, когда человека фактически превращают и используют в качестве рабочей скотины, тяглового животного, причем доставшегося даром, так что и кормить его и создавать ему хоть сколько-нибудь пригодные для существования условия остается на усмотрение хозяина. Собственник – советское государство, которое передает этих государственных рабов то одному своему пользователю, то другому, в зависимости от «фронта работ». Весь цинизм советской коммунистической власти заключается даже не в нарушении всякой там «дружбы и равноправия народов», это вообще вне обсуждения. В сухом деловитом стиле властитель СССР направляет 10000 семей живых людей, включая младенцев, в качестве промышленных рабов на производство древесины и целлюлозы, разрешая (подумать только! «разрешая»! – Ах! Благодетель! – НКВД, Наркомлесу и Наркомату целлюлозно-бумажной промышленности создать спецкомендатуры, то есть концлагеря)

На мусульманском кладбище в Немсе Аблеше, куда согнали всех крымских татар утром 18 мая, к ним обратился офицер НКВД, разъяснив, что их, по всей видимости, в ближайшее время расстреляют, поэтому, если кто прихватил с собой золото и другие ценности, или они лежат где-то спрятанные, то их правильнее отдать ему и заодно рассказать, где лежит то, что спрятано, поскольку оно, все равно татарам, не пригодится, а добру зря пропадать не стоит. Не знаю, откликнулся ли кто-то на эту просьбу.

Къартанам взяла из дома только две вещи: старый, еще до-революционной печати Коран (она его потом регулярно читала, умела) и костюм своего мужа – Гафара. Дело в том, что дед был значительно старше своей жены, к 1941 году ему было 48

лет и болезнь, язва желудка, в армию его не призывали. Во время нацистской оккупации состояние ухудшилось, ему предписали соблюдать постельный режим и готовиться к операции.

Поэтому, когда в селе началась облава, он даже не стал прятаться, поскольку у него была справка о том, что он серьезно болен, выданная немецким военным врачом. Однако в дом ворвалась команда каких-то солдат (мама говорила, что это были не те, что стояли в селе, а какие-то специально приехавшие на машинах и мотоциклах) и, буквально, в чем есть потащила в грузовик. Единственное, что успела сделать къртанам – засунула в мешок два караваия хлеба и подтолкнула старшую дочь – красавицу Мерьем, чтобы та догнала отъезжавшую машину и бросила мешок отцу. Гитлеровец вскинул автомат и дал короткую очередь, Мерьем на ходу упала, у деда перехватило дыхание, и он осел на дно кузова.

К счастью, Мерьем споткнулась, прямо перед тем как гад нажал на спуск, пули просвистели над девичьей головой. Она лежала, пока грузовики не удалились. С 1943 года семья жила без мужчины в доме, все легло на плечи къртанам. Так вот, она решила, что мужа увезли практически раздетого, и когда он вернется, когда бы и где бы это не произошло, ему, в первую очередь, будет нужна одежда.

День и последующая ночь прошла на кладбище. Къртанам встретила младшего брата своего мужа, Джелиль ага. Он был человек интеллигентный, работал учителем. Увидев, что его невестка вышла из дома без всякой еды, он уговорил

охранявшего солдата, чтобы тот позволил взять с собой полмешка муки из числа тех, которые солдаты отбирали у людей, если им казалось, что татары берут с собой чересчур много.

Расстрел не состоялся, утром погнали пешком в Ички, на железнодорожную станцию, растолкали по товарным вагонам, поезд двинулся. Уже в пути состав с семьей Джелиль ага повернул в сторону Узбекистана, где, в конце концов, они оказались в Намангане. А по ходатайству Наркомлеса и целлюлозно-

бумажной промышленности, в интересах народного хозяйства и строительства коммунизма другая часть составов повернула на север – в Марийскую АССР. Как и везде, в вагоне и болели, и умирали, и жевали сухую муку, пока она была, и пытались во что-то набрать воду на редких остановках, некоторые отставали, попытавшись быстро развести костер из веток и вскипятить котелок воды. Моральные истязания переплетались с физическими. Непривычная и неприемлемая для крымских татар грязь, необходимость справлять естественную нужду на глазах друг у друга, мужчин и женщин, холод и сквозняки, бесчеловечность охраны... Да разве все перечислишь?..

Куда приехали в Марий Эл, сейчас сказать трудно, первым местом остановки было большое село Головино, задержались там в бараче, куда разместили в одно помещение сотни людей. Начальство, по-видимому решало, как правильно распределить рабов по работам. Потом перевезли в маленькую, затерянную в лесах деревню Пикен-Агур. Вернее, в деревне жили марийцы, а недалеко был леспромхоз, а в нем дощатые

бараки, из которых буквально за несколько недель до этого вывезли пленных немцев.

Местных к приезду крымских татар готовили. Сравнивая рассказы тех, кто попал в Среднюю Азию, с рассказами къартанам и других членов семьи, я удивлялся поразительным и абсолютно фантастическим совпадениям. «Приедут татары! Это такие... с рогами на головах... людей едят! Детей прячьте!» Кто разрабатывал этот бред, и на что он был рассчитан, понять невозможно. Марийцы же того

времени были достаточно добродушным, незлобивым народом, загнанным многовековым царским, а потом советским игмом на дно социальной жизни. Когда-то мари имели своих князей, были союзниками Казанского ханства, вели партизанскую войну против армии Ивана Грозного еще несколько лет после падения Казани. К середине 20-го века, несмотря на наличие официальной автономной республики, жизнь у них была очень плохо устроена, преобладали маломощные колхозы, вырубались леса, которые когда-то были по существу настоящей тайгой, широко был распространен туберкулез и трахома. Нас они называли непривычным словом «суас» (впрочем, как и казанских татар). Здесь не место для исторических изысканий, но с одной стороны, это напоминает слово «чуваш», народ соседний мари, с другой корень «ас», встречается в старых тюркских названиях и в Крыму, и на Кавказе.

Крымских татар в колхоз не брали, всех направили на лесоповал. Пишу «направили», речь не идет о выборе, просто, рабов вывели на предназначенную для них работу. Тем, кто работал, давали пайку черного, мокрого, неизвестно из чего

приготовленного «хлеба» – 600 грамм на день, малолетним детям и неработающим – 200. Была середина лета, сажать что-либо было негде, нечего и некогда. Работа начиналась на заре и заканчивалась с темнотой. А в северных широтах в это время от сумерек до восхода примерно 3 часа. Взрослые, и мужчины, и женщины валили лес топорами и пилами, подростки и дети, обрубали сучки, бревна складывали, поближе к берегу реки Кундыш, чтобы высохли и были пригодны для сплава. Иногда удавалось подработать в деревне, делая что-то по домашнему хозяйству для марийцев. В деревне расплачивались картофельными очистками, их къартанам тщательно мыла, потом пекла на общей печи, которой отапливался барак, вечером вся семья ела эти «чипсы», это спасало. Старшие дочери, Мерьем и Гульсум, сразу пошли на лесоповал. Две взрослых пайки, 5 детских, и очистки, которые зарабатывала къартанам. Идти на лесоповал она не могла, самой младшей не было еще и двух, а остальные дети до 14. Летом в Марий Эл жарче, чем в Крыму, но с августа начинаются затяжные дожди, а снег, бывает, ложится уже в конце сентября. Пока тепло, на улице находиться невыносимо, комары и всякая другая мошка просто роем облепляет все тело, сосет кровь, покрывая человека сплошными волдырями, да и в бараке от них не спрячешься, разве что дымом слегка отпугнешь.

Когда наступила зима стало гораздо хуже, морозы до минус 40-45, одежда – ватники-бушлаты, ватные штаны, ушанки как в лагерях у заключенных. Запаса еды никакого. Наши быстро научились разбираться в съедобных грибах, ягодах,

травах, но это не для зимы. Когда становилось совсем невмоготу, некоторые пытались поискать на колхозных полях остатки мерзлой картошки, колхозный бригадир охотился за ними на лошади с плетью.

Къартанам жестко экономила

продукты. Рассчитав их на день, утром кормила детей, а половину дневной нормы хлеба, положив в холщовый мешочек, вешала на стену на гвоздь. Старшие все понимали и терпели, а двухлетний Разин, садился напротив и рассматривал мешочек вплоть до минуты, когда, наконец, все соберутся, и мама и даст еще кусочек. Ему было трудно так дожидаться, но отойти или оторвать взгляд было выше его сил. У къартанам он был младший сын, и она его очень любила. Позже, через много лет он уже уехал учиться в Йошкар-Олу, и иногда приезжал на один день. Къартанам давала ему с собой чистые вещи, а ворох грязной одежды несколько дней хранила, как есть. Время от времени подходила к нему, нюхала и приговаривала: «Огъулчыгъым Разиннинъ къокусы бар».

Вши, блохи, тараканы, клопы. Иногда даже в еде, поскольку первую зиму готовили варево из комбижира, вермишели и сушеного лука в большом казане на всех, — 50-60 семей — и похлебка оставалась в нем до завтрака перед выходом на работу. Соли, чаще всего, не было. А уж там сахар...

Тиф. Им переболели все, некоторые по несколько раз. Барак утепляли, как могли, мхом, валежником, жили и спали на общих нарах на весь барак, у каждой семьи было несколько метров, в зависимости от численности. Туалет... говорить не хочу. Была общая баня, которую топили два дня в неделю, для

женщин и мужчин. Это была возможность и постирать.

Весна пришла с половодьем, когда тает снег и лед, реки, озера, болота переполняются водой, лес иногда стоит в воде на полметра несколько недель, и пройти посуху почти невозможно. Появилась новая работа, бревна нужно было сталкивать в реку, вязать из них плоты и сплавлять куда-то там по течению, в конечном счёте, по Волге. Бревна цеплялись друг за друга, перепутывались в воде, их нужно было растаскивать, переукладывать, расталкивая лед, приходилось залезать по пояс и тягать в ней тяжести часами, никакие сапоги не спасали, – самое «милое» занятие для юных девушек-полуподростков, будущих мам.

Но весна дала шанс, которого не было в прошлом году. Едва освободилась земля, просто вокруг барака, на ближайших полянах и опушках крымские татары стали разбивать огороды, вскапывать землю и сажать все, что удалось добыть, выменянную у марийцев картошку, если повезло, добытые через третьи-четвертые руки семена огурцов, лук, чеснок (а через несколько лет и помидоры, и болгарский перец, и капусту, и морковь). Къартанам приняла решение – муж не возвращался, дети подрастали, она не могла позволить им снова так бедовать. Пошла в деревню и выменяла на костюм, который берегла целый год, козу. Къысмет. Через некоторое время коза принесла пару козлят, потом это повторилось, стадо стало разрастаться, вскоре не только в нашей семье, но у многих появилось молоко, и все, что можно сделать из него, катык, масло, пенир, и даже мясо. Появилось удобрение для огородов, появились овощи и зелень на самих огородах. Шерсть на носки, чулки, валенки, свитера, варежки, шапки, теплое белье. Да это все, к тому же, можно было теперь менять и на другие товары и, главное, продукты. Древесины всегда было много, но теперь были инструменты, и время. К бараку стали делать пристройки, сам барак разграничивать на комнаты по семьям, сараи для коз, отдельные туалеты, а не общую яму, бани с печками, они же прачечные, емкости для воды, колодцы. Повзрослевшие мальчики помогали, подросшие девочки брали на себя домашнее хозяйство.

Помню, а нам рассказывала, что у них с соседками было постоянное соревнование, кто белее выскоблит некрашенный, деревянный пол перед своей комнатой в общем коридоре и у себя. Стали кроме хлеба получать какие-то

деньги, заработал сельский магазин. Одним из не кончавшихся в нем продуктов стала водка на разлив из бочки. Иногда появлялся американские яичный порошок и сухое молоко. Жизнь, конечно же, не была похожа на родной Крым, но все же очеловечилась.

Вторая осень и зима прошли заметно легче, даже заработала в соседнем Абаснуре школа-семилетка, куда нужно было ходить пешком за 6 километров. Учителя были русские и частично из тоже репрессированных. Классы были смешанные, русских 2-3 человека, татары и мари́йцы примерно пополам. Татары, в общем-то, для такого положения учились неплохо, но приходилось то пропускать занятия, то даже бросать учебу при первой же возможности, нужно было кормиться самим и кормить разраставшиеся семьи. Так и поступили старшие сыновья къартанам Рефик и Рефат, закончившие семь классов отлично, более никогда официально нигде не учившиеся, но до конца жизни любившие читать книги. Отношения между детьми были вполне дружелюбными. Не обходилось без хулиганов и конфликтов, но это было связано исключительно с личными особенностями, даже не с семейным воспитанием. Кстати воспитание в крымскотатарской среде было довольно-таки коллективным. Если ребенок оставался без присмотра взрослых из своей семьи, любой старший по возрасту до их появления

брал на себя всю ответственность, начиная от покормить и положить спать вместе со своими, заканчивая, взять за ухо и объяснить, что было неправильно. Вечерами умудрялись собираться в отремонтированном клубе и устраивать танцы и концерты, вот там-то вырастающие вне Крыма дети и учились и петь, и танцевать Къайтарму и Хоран, и играть в народные игры, и всему, что сейчас изучается в кружках да секциях. Гвоздь программы был «Чобан авасы» с выходом и поиском потерявшегося барашка. Я не знаю откуда, но у людей оказались и даре, и кемане, и мандолина, и аккордеон. Неужели из Крыма с собой привезли!

Разговаривали между собой исключительно на крымскотатарском, хотя освоили и русский (кстати, все из Пикен-Агура говорят на нем очень правильно и без малейшего акцента), и, многие, марийский. Сам крымскотатарский был тот еще... Немсе Аблеш – зона, где ногайский говор встречается с Карасубазарским (а еще и дед Гафар был по происхождению керченским), но еще задолго до войны в наше село приехало большое количество судакских, бежавших от раскулачивания. Местный диалект складывался на улицах Аблеша в живом общении детей, ссылка в Пикен-Агур окончательно выкристаллизовала его. На этом языке разговариваю и я.

Кстати с моей ана произошёл забавный случай. Уже в 90-е годы она ехала на поезде из Москвы в плацкартном вагоне на боковой полке, а в купе напротив была молодая семья с маленьким ребенком. Они разговаривали между собой, и мама, вдруг, осознала, что она понимает их речь. Задумавшись она не сразу сообразила, что это за язык. В жизни ей приходилось учить и немецкий, и латынь, и английский, но это были явно не они. В какой-то момент она неожиданно для себя вмешалась в разговор, произнеся к месту какую-то фразу. Теперь уже спутники ошарашенно оглянулись на нее. Продолжая, спросили по-марийски: «Откуда вы знаете наш язык?!» Вот тут и мама поняла, в чем дело. Смеху и разговоров было после этого много.

Незадолго до третьего нового года в депортации, 1946-ом, произошло чудо. Поздней морозной, ветреной ночью в дверь постучали. В общем-то, ничего необычного. Соседи часто заходили друг к другу или с просьбами, или просто чаю попить (кофе там еще долго не было). Но когда къартанам распахнула дверь, ноги у нее подкосились и перехватило дыхание. Нет, глазам верить было нельзя, нет, что-то неправда, такого не может быть... Слезы стояли в глазах ее мужа, моего деда, который тоже никак не мог произнести: «Селям алейкум, апайым».

Старшие его узнали сразу и повисли на нем, младшие, чуть разобравшись, обхватили за ноги, а он, увидев Мерьем, просто зарыдал. Все это время он жил с мыслью, что любимица-дочка погибла из-за него. Как рассказывала къартанам, он плакал всю ночь, сидя на полу и пытаясь обнять сразу всех. В Германии он попал к какому-то крестьянину, или, если хотите, фермеру. Тот оказался, насколько можно было в тех обстоятельствах совсем не плохим человеком. Дед выполнял у него всю работу, которая нужна в селе, а мой дед умел ее делать, в том числе обращаться с лошадьми и всякими сеялками-веялками, кормили его по военным временам вполне достаточно и никак не унижали. После окончания войны, он не сразу, но узнал, что весь народ вывезли из Крыма, как ему сказали, в Среднюю Азию. Туда он и направился. Там его, как и всех остальных, заперли в спецпоселении, без права выезда. Опять-таки через третьи руки он сначала нашел своего брата Джелиль ага, а уже тот сориентировал что, кажется, семья в Марий Эл. Еще несколько месяцев ушло на переписку по инстанциям и получение разрешения на переезд к семье. И хотя была уже глухая зима, как только оно было получено, Гафар Бекиров немедленно отправился, где на перекладных, где поездом, а последний отрезок 40 километров пешком ночью от станции Сурок к своим. Он плакал и приговаривал: «Сизден ич кимсе сав-аман къалмады, — деп тюшюндим» Он-то посмотрелся на то, как целые семьи и села вымирали в Узбекистане. Он никак поверить не мог, что все его дети, вот они, рядом. И все хотел ещё и еще потрогать, понюхать, поцеловать, прижать...

Дела поправились, если можно так сказать. Помимо всех других умений, дед еще в Крыму овладел искусством печника, а в Мари это было куда как актуально, причем для всех. По возрасту и здоровью на лесоповал его не гнали, а печки нужны были и в деревне, и в соседних селах, и крымским татарам, постепенно обзаводящимся собственным семейным жильем. Хотя его так и не лечили после угона в Германию, он все выдержал, и у них с къартанам даже появился еще один сын – Рафет. Но, Аллах рахмет эйлесин, он прожил недолго. Правда, из-за такой работы, часто в холод, на ветру, сидя на крыше дед Гафар что-то очень серьезно себе простудил и через некоторое время стал лежачим, однако на несколько лет он очень помог семье улучшить свой быт и питание.

В ближайшие годы произошли и другие важные перемены. Стали возвращаться, разыскивая свои семьи, мужчины-фронтовики. От марийцев, собственно, физических обид и раньше не было. Русский комендант, многодетный отец, тоже откровенно не издевался, как бывало кое-где, но, разумеется, службу нес «бодро», и все, что было рабам не положено, было не положено. Как-то он, обходя бараки, увидел лежащего без сил мальчика, моего дайы Разина, тот потихоньку хныча повторял одно и то же слово. «Что он говорит?» – «Соль». Что сказать? – комендант распорядился выдать нашей семье соли. Дининдже раат болсын.

Однако в леспромхоз заезжали сезонные рабочие, некоторые с довольно-таки уголовным прошлым. Всех потрясла история, вошедшая в воспоминания как драка с «санчурскими» (Санчурский район Кировской области), приехавшими на заработки. После пьянки в столовой они, вооружившись ножами пошли по поселку. Сначала к коменданту, он выпрыгнул в окно и убежал в лес. Его помощник Сергей, муж директора местной школы-четырёхлетки, известный нашей семье тем, что безнаказанно избил палкой четырехлетнего Разина, повредив ему позвоночник, из-за чего Разин дайы до смерти имел проблемы, попытался побежать на пасеку, где у хозяина было ружье, его догнали, истыкали ножами, разбили голову. Погибло еще

два человека, русский-однорукий инвалид, и один крымский татарин. Еще один, 17-летний Абдулла, едва смог оторваться и затеряться в поселке. Потом погром пошел по поселку, женщины и дети спрятались в подполах, которые были открыты в каждой комнате. Дед Гафар опять был лежачим больным и остался наверху, къартанам хотела дать ему в руки топор, он отказался, сказав, что он не сможет его даже удержать в руках, и им же его убьют. Кто-то из подростков успел сбежать в лес на делянку, татары-мужчины с инструментом в руках рванули в поселок. Санчурские отступили в свой барак. Приехавшая группа милиционеров ходила кругами и боялась приблизиться к бараку, где забаррикадировались «санчурские». Первым туда вошел вернувшийся с Дальнего Востока после окончания войны с Японией фронтовик Таир акъай Измаилов. «Мен шулардан дженкте биле ич бир заман къоркъкъаным ёкъ! Я да бу айванлары алмаммы?!» Не в форме, и без полномочий, но с автоматом, занятом на время у одного из милиционеров. За ним зашли еще несколько крымских татар. Через 10 минут переговоров, без выстрелов и шума все причастные к происшествию вышли с поднятыми руками. Инцидент был исчерпан и больше ничего подобного не повторялось до конца лагерного режима.

Моя мама, Гульфия, училась в своем классе, да и, пожалуй, в школе, лучше всех. Настолько хорошо, что в 1951 году весь коллектив учителей ходатайствовал перед комендатурой, чтобы ей позволили продолжить учебу в фельдшерско-акушерском училище в Йошкар-Ола, столице Марийской АССР. Ей разрешили, хотя режим спецпоселений тянулся еще до 1956 года. Когда она на втором курсе проходила практику в республиканской больнице, туда привезли ее отца – Гафара – на операцию. Диагноз, как она потом много раз говорила, был неправильный, что-то вроде аппендицита. Она за ним ухаживала, как могла, операцию сделали, дед не поправился, его выписали домой, как неизлечимого. Из Йошкар-Ола ездить часто она не могла. И вот, однажды, после сессии приехав в Пикен-Агур, она не застала отца в живых. Къартанам сказала ей: «Мен сагъа хабер бермедим. Ёлджылыкъ авыр. Сонъ имтиандан да кечалмаз

эдинь. Эр алда ярдым эталмаз эдинь. Айды, мезарлыкькьа барып дува окъуйыкъ».

Я так никогда не видел своего деда Гафара, но незадолго до смерти он увидел свою первую внучку Тамилу от любимой старшей дочери Мерьем, вышедшей к тому времени за односельчанина Сабри. «Ва-ай не къадар сен дюльберсинь торунчыгъым! Не языкъ я! Сени алып тутмагъа такъатым ёкъ! Аман!» Он так никогда и не увидел остальных своих внуков, которых у него еще 13 человек. Правда, думаю, что милостью Аллаха, его душа знает об этом. Я никогда не видел, и, боюсь, не увижу его могилу. Он был похоронен на татарском (так говорили тогда) кладбище Пикен-Агура, но после 1956 года, все крымские татары уехали из этого места, а вся эта зона была отдана каким-то воинским частям и стала закрытой. Причём настолько, что мои друзья-марийцы, сегодня живущие в Марий Эл, практически не знают, где это. Его нет в географических справочниках и даже марийцы из этой деревни давно уже там не живут. Два года назад наш крымскотатарский активист Джеппар Аблязов из марийского же города Волжска, попытался найти его при помощи своих друзей из Йошкар-Ола, и ему едва это удалось, практически наощупь. Ничего не осталось ни от леспромхоза, ни от бараков, ни от деревни. Все заросло. Кладбище, на котором покоились десятки людей утеряно, говорят, в один из разливов его смыло, все без остатка...

РУСЛАН ХАЙРЕДИНОВ

ТРАГЕДИЯ НЕ ТОЛЬКО МОЕГО НАРОДА

ПРОЛОГ

Садясь писать эти записи, я совсем не преследую всеобъемлющую историю целого народа. Для меня это непосильная задача. Я хочу рассказать о судьбе только одной семьи и лишь для памяти моих родных внучек, которые сегодня еще малы, но я надеюсь, когда они вырастут, с достаточным вниманием прочтут эти записи.

Такое название записей породили события, происходящие сегодня в Крыму по отношению к коренным жителям этого полуострова, которых

местные власти готовы вторично депортировать.

Только куда?

Да, я крымский татарин, которого в 1944 году вместе с родителями депортировали в леса Марийской АССР. Мне тогда было семь с небольшим лет. Года небольшие, но все перипетии тех лет до сих пор живут в моей памяти.

Мой отец постоянно мечтал запечатлеть эти и другие события в письменном виде, но в силу обстоятельств (он был истинным коммунистом) правдиво обо всем вряд ли удалось бы ему это сделать. Я же постараюсь изложить события в контексте современного восприятия коммунистического тоталитарного строя и его отношения к малочисленным народам, с отношением государства к суверенитету автономий и народностей, к свободе и правам человека.

ЗАПИСКИ НЕУДАВШЕГОСЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написав первую часть записей под названием «Трагедия моего народа», я не мог остановиться на этом по той простой причине, что в дальнейшем моя личная судьба сложилась несколько иначе, чем судьба всего народа.

Я и мои родители жили в некотором удалении от общей массы татарского населения и не испытали той ностальгии по родным местам, как большая часть народа, проживающего компактно в странах Средней Азии.

Поэтому вторая часть записей целиком посвящена моей учебе в институте и последующей работе. Эти записи в хронологическом порядке освещают этапы моей жизни в течение 40 лет. Здесь я привожу фамилии и имена подлинных лиц, с которыми мне приходилось учиться и работать, многих из них уже нет с нами – людей, с которыми мне приходилось общаться, я считаю объективной, хотя деликатных тем я старался не касаться, старался пользоваться только фактами, которые известны моему окружению.

1. ПРЕДКИ.

Прадед мой по отцовской линии Халиль родился в начале XIX века в деревне Шули в 30 км от Акъяра (Севастополь с 1781 г.). В то время Крым принадлежал России. Прадед пережил трагические события первой Крымской войны (1854-55 гг.). Многие его родственники, по рассказам моего деда Хайредина, в те годы эмигрировали в Турцию из-за гонений со стороны властей, якобы за измену.

У прадеда было три сына. Младший, Хайредин, пас овец в окрестностях деревни Шули, лучшие земли которой принадлежали немцу-колонисту Вагнеру, который занимался выращиванием виноградной школки, т.е. саженцев. Откуда и произошло название деревни «Sulle», т.е. «школа». Почти все татары работали в садах-виноградниках этого немца. Правда этот немец, по словам деда, был неплохой человек и предо-

ставлял, по современной терминологии, «рабочие места». Остальные копались на небольших участках каменистой почвы, выращивая скудный урожай овощей и кукурузы, и пасли скот на отлогих близлежащих холмах. Этим же занималась семья моего прадеда. Лучшие земли, как правило, в Крыму, особенно в горной и предгорной части, располагались узкой полосой вдоль рек и речушек. Так и в Шулях протекает речушка Шулька, которая впадает в реку Черную, та, в свою очередь, впадает в Черное море в Балаклавскую бухту. Так вот, в долине реки Шулька под названием «Флауз» выращивали овощи, были сады с замечательными ароматными яблоками, грушами, сливами, черешней. На речных склонах невысоких гор произрастал виноград. Все эти блага до революции 1917 года в основном принадлежали Вагнеру, который, тем не менее, среди татар считался хорошим человеком.

Мой дед по отцовской линии, Хайредин, был колоритным, неординарным человеком. Как я ранее отметил, он с детства пас овец в окрестностях Шули. И вот один эпизод перевернул всю его дальнейшую жизнь. Ему было 17 лет, и вот к нему на пастбище пришел один из его старших братьев и потребовал одну овцу. Мой дед ему отказал, и у них возникла ссора, затем драка. Дед не по возрасту был силен и одолел старшего брата, тот жестоко возмутился и пообещал отомстить.

В мусульманской религии существует строгая иерархия – «младший подчиняется старшему». Дед испугался и в тот же день сбежал из дому. Прибежал в Ялту. Кроме татарского – не знает другого языка, ну настоящий «тавр» – абориген Крыма.

Это было в начале XX века, когда многие богатые русские в летний период отдыхали в Крыму, т.е. времена Чехова. И в Ялте кипела великосветская жизнь, процветала «богема». Каждый уважающий себя человек из России считал своим долгом хоть немного провести свой отпуск в Крыму.

Так вот – «дикий тавр» в «чарыках» (лаптях из телячьей кожи), кудрявый, высокий, с орлиным носом, но испуганный, появился в злачном месте и ходит по торговым рядам, глотая голодную слюну и в полном отчаянии.

В Крыму самым торговым и предприимчивым народом, особенно на южном берегу, являлись греки (по-крымскотатарски – «дангъалакъ»). Они торговали в многочисленных магазинчиках, владели харчевнями и многим другим для праздной публики.

Блуждающего юношу с гор (Хайредина) заметил один грек, владелец гостиницы, и позвал к себе. Дед рассказал ему о своих злоключениях (греки Крыма, как правило, владели татарским языком). Грек оценил достоинство юноши и взял его на «услужение».

В чем же задача деда?

Как мне дед рассказывал, его задача была сопровождать приезжих гостей на дилижансах и фаэтонах в ближайшие рощи на пикники. Томные барыни хотели общаться с экзотическим «мавром». Дед вначале стеснялся, не пил спиртное (как истинный магометанин), но потом вошел во вкус «светской» жизни, почувствовал себя отлично. От революции 1917 года в основном принадлежали Вагнеру, который, тем не менее, среди татар считался хорошим человеком.

От «греха» он денег никаких не имел, не брал чаевые, но жил, как он говорил, припеваючи.

Но это длилось недолго, где то около полугода.

Затем в Ялту приехал его отец Халиль и увел домой.

В то время началась война с Японией (1904 г.), и был рекрутский набор. Имея трех сыновей, наш прадед должен был отдать в рекрутский набор одного из них. Выбор пал на моего деда, так как он был холостой, не в пример старшим братьям и также...

Правда, была одна деталь, деду было всего лишь 18 лет, а в царскую армию брали с 21 года. Но невелика беда, дали взятку, и дед получил паспорт на 3 года старше, и его «забрали» в армию.

Теперь вторая беда: не берут в кавалерию, слишком велик и тяжел. Опять очередная взятка, – и он в кавалерии. И его с другими молодыми рекрутами в составе «дикой дивизии» крымских татар в 1904 году отправили на войну в Манчжурию. Ехали долго – около месяца, пока доехали – война закончилась. После этого дед служил во многих местах: Польше, Белоруссии,

Западной Украине. Дивизия, в которой служил дед, несла, в основном, охранную службу. Время было сложное: бунты, революция и т.д. Поэтому царская власть доверяла карательные мероприятия таким «диким дивизиям», как крымская.

Так дед в 1910-1913 гг. служил в Днепропетровской области и они охраняли имение дяди императора Николая. Там он познакомился с миловидной горничной Сашей и влюбился в нее. В результате этой любви Саша забеременела. Дед ее не бросил, а отправил в Крым в свою деревню. Можете себе представить, какая встреча ожидала ее в Крыму, но тем не менее она поехала. Ее, собственно, там не приняли, и она стала жить в русской деревне. В царское время их брак не мог состояться по одной причине: она была православная, он – мусульманин. Кто-то должен был сменить религию. Ребенок после рождения вскоре умер. И чтобы его похоронить, нужно было разрешение высших богословских органов. Только по телеграмме Верховного Синода православной церкви ребенка похоронили на русском кладбище. После всего этого моя бабушка по отцовской линии Александра Федоровна Ключкова-Персидская приняла мусульманскую религию и стала Фатимой, научилась говорить по-татарски и, затем ее дети (а их родилось трое), все стали крымскими татарами.

А дед продолжал служить. Затем началась война 1914 года, где он воевал и после получения ранения в 1915 году его комиссовали, и он вернулся в свою деревню. В то время родился мой отец Смаил.

Вернувшись в деревню, дед поступил на работу к помещику Вагнеру, сначала ездовым, затем садовником. К этому у него была тяга, не могу сказать, велики ли его знания в этой области. Вагнер разрешил деду и помог материально помочь построить дом на краю своего поместья.

Дом был построен в короткий срок. Я родился в этом доме. Хорошо его помню (добротный каменный дом с четырьмя комнатами и кухней посередине и широкой верандой, выходящей в сад). Он до сих пор стоит.

Если следовать хронологии, я должен бы описать жизнь

деда из года в год. Но я не располагаю подобными данными тех лет.

Было смутное время: революция, интервенция, врангелевщина, голод, становление советской власти в Крыму и т.д. В эти годы произошло много трагического как во всей России, так и в Крыму.

В эти годы у Хайредина и Фатимы появились, кроме Смаила, Бекир (1918 г.) и Зера (1921 г.).

Два брата деда трагически погибли в эти годы, обоих убили, как говорится, за кусок хлеба. Семьи их остались без кормильца. Дед им активно помогал (он работал в кооперации) и вот, когда он был в очередной командировке по изысканию хлеба на Украине, обе семьи его братьев эмигрировали в Турцию. Он очень переживал по этому поводу, но в то же время говорил: «Может, это к лучшему. В Турции из них никто не умер от голода, не в пример жестокому голоду 1921-22 гг. в Крыму, когда вымирали целые семьи. «Исход» татар в Турцию был велик. Советская власть, как и царская, с недоверием относилась к ним, как к потенциальным противникам России.

Затем жизнь в Крыму постепенно нормализовалась, не стало голода 1931-32 гг., когда, по словам моей матери Зеры, вся Ялта пропахла дельфиным жиром. Как она говорила, её

рвало только от одного запаха. Да, тогда многие питались дельфинами.

В то время моим родственникам по отцу в какой-то степени везло. Почему? Во-первых, — хорошие земли, позволяющие выращивать овощи, фрукты, виноград; — во-вторых, близость к крупному городу (Севастополь); в-третьих, — трудолюбивый народ, в-четвертых, — жители не имели собственной земли и работали на помещика, т.е. коллективный труд, не было индивидуалистических настроений. В начале 1930-х годов в деревне создается колхоз «Памяти Ильича», в котором работают

все сельчане. Шефом колхоза становится (что немаловажно) Севастопольский морзавод (ремонт боевых кораблей Черноморского флота).

Мой отец Смаил после окончания семи классов в Севастополе по направлению комсомола вернулся в родное село и начал работать бухгалтером в колхозе и одновременно возглавил комсомольскую организацию, затем работал главным бухгалтером колхоза и вел большую общественную работу. На все его просьбы дать направление на учебу председатель ему отказывал, ссылаясь на его необходимость в хозяйстве. Так он и доработал до самой войны. Как отец сетовал: «Вот какого-нибудь балбеса направляют на учебу, а его нет», а без направления в те годы из колхоза не было возможности вырваться.

Колхоз был одним из передовых: была своя электростанция, радиоузел, клуб с кинозалом, мельница, машинный двор, больница, и колхозники работали в две-три смены на полях, виноградниках, садах и бахчах. Заработки были высо-

кие. Велась большая стройка, люди были довольны своей жизнью. Но в то же время по словам отца рядом жили впроголодь другие колхозники из рядом расположенных бедных деревушек, которые выращивали, к примеру, табак. Лучшие крепкие табачки «Дюбек», а жили впроголодь, т.к. закупочные цены на продукцию были мизерные и едва покрывали затраты на выращивание.

Так что Советская власть не для всех была родной матерью.

Теперь я хочу вернуться к предкам по материнской линии. Они родом с южного берега Крыма, и если мои предки по отцовской линии происходят от тавроскифов, то предки по материнской линии происходят от таврогреков. Об этом свидетельствует и внешний облик (греческий тип лица).

Дед моей матери, Асан, родился и жил в окрестностях Ялты (деревня Ай-Василь). С младенческих лет был сиротой (родители погибли в период первой Крымской войны 1854-1856 гг.). Жил в батраках, но всю свою сознательную жизнь стремился к самостоятельности и, приложив титанические усилия, добился своего. На крутом склоне к речке на своей спине натаскал землю из поймы реки и сделал де террасы, развел сад, построил дом и только в сорок лет женился, взяв молодую жену семнадцати лет от роду, и она ему родила троих детей. В шестьдесят с небольшим лет он совершил «хадж» в Мекку и заработал почетное звание среди мусульман «Аджи Асан». то есть «Святой Асан».

Его сын, мой дед по материнской линии Эмир-Сале, так же всю жизнь — трудяга. Он продолжил деяния своего отца, то есть продолжил террасное строительство (на плечах носил землю, огородничал, садовничал и также развел в горах фундучник, виноградник. Постоил прекрасный дом на склоне горы, с двумя верандами, застекленными. Ялта была видна как на ладони.

Прекрасный сад с деревьями из Никитинского ботанического сада, дворик с висячим виноградом. Везде был впереди – умный, грамотный, планировачи. Дед при Советской власти был бригадиром в колхозе и воспитал десять душ детей.

Как я уже сказал, у моего деда Эмир-Сале и бабушки Эмине было десять детей: Зоре (1908 г.), Айше (1910 г.), Абдулла (1912 г.), Зера – моя мать (1916 г.), Мустафа (1925 г.), Иззет (1927 г.), Щевхие (1932 г.). На сегодняшний день все они живы, кроме моей матери Зеры, которая умерла в 1960 году.

Имея такую семью дед в 1920-е годы был середняком, благодаря своему неумному трудолюбию; с утра до ночи трудился, сначала будучи единоличником, а затем в колхозе. Советская власть отобрала у него фундучник и виноградник, которые достались ему по наследству от отца, частично возвращенные им самим на каменистых почвах южного берега Крыма. Только праздню шатающемуся кажется, что в Крыму «благодать», труженику все доставалось потом и кровью.

И вот в 1937 году истинного труженика Дуфли Эмир-Сале, малограмотного колхозного бригадира признали буржуазным националистом и напечатали о всех его «прегрешениях» в крымских газетах и сослали его в Караганду на шахты. Тогда ему было за шестьдесят лет. Его самого ославили, а детей заставляли отречься от отца.

И в чем была его вина? Только в том, что он требовал от членов бригады честного отношения к труду, чтобы работали без «халтуры». Я не знаю имен тех, кто его оклеветал, но по приходу власти Берии была волна реабилитаций и деда признали невиновным и в 1938 году его реабилитировали, только посмертно.

А события вначале развивались по известному сталинскому сценарию: «Сын за отца не отвечает».

Моя мать работала учительницей в Шулях и была замужем за моим отцом, который, будучи секретарем комитета комсомола колхоза им. Памяти Ильича, одновременно был членом Балаклавского райкома комсомола. Мать была тоже комсомолкой.

Во-первых, после опубликования клеветнической статьи в газетах от матери потребовали отречься от отца, она, естественно, отказалась; тогда ее исключили из комсомола, хотя мой отец своих комсомольцев не делал этого. Но молодежь была непреклонна, она свято верила в печатное слово.

Райком комсомола пытался вынудить моего отца развестись с дочерью «врага народа», но мой отец слишком любил свою жену и не отрекся от нее.

Двое дядей моих Эмир-Усейн и Асан в то время учились в сельскохозяйственном институте в Симферополе, соответственно на третьем и первом курсах, также уговаривали отречься от отца, но они выдержали этот напор и поплатились исключением из комсомола.

Сейчас все это покажется наивным, но в то время исключение из комсомола означало изоляцию из жизни, тебя презирали, ты становился в глазах окружающих политическим трупом, многие не выдерживали такого стресса: или отрекались от своих родных, или кончали жизнь самоубийством. Но в данном случае до трагедии не дошло, так как реабилитация выше последовала вскоре. После реабилитации мою мать снова приняли в комсомол, она отказалась, тот же было с Эмир-Усейном и Асаном.

В те годы с другим моим дедом Хайредином происходила другая метаморфоза. Если деда Эмир-Сале можно было называть «буржуазным националистом», то Хайредин под этот ярлык не подходил (жена русская), и ему подобрали эпитет (а их в те годы было пруд-пруди), присвоили ярлык «жандарма», то есть когда он служил в «дикий дивизии», он якобы разгонял рабочие забастовки и за это был посажен в тюрьму в Балаклаве, где находился под следствием в течение трех месяцев. Только благодаря хождениям моего отца Смаила и при помощи одного видного человека (фамилию забыл) из НКВД им удалось доказать, что малограмотный татарин не мог быть жандармом, и дед спасся от участи многих репрессированных в те годы.

Дом моего деда в довоенные годы был в деревне своего рода клубом сельской интеллигенции. Учитывая то, что бабушка была русской, в дом часто собирались учителя – мать

моя учительница, ... руководители колхоза. Часто устраивали вечеринки.

В деревне жили, кроме татар, русские, которые все говорили по-татарски, но была тяга к общению по-русски. Это все было и в нашем доме. Все дети деда, естественно, разговаривали на двух языках и находились под влиянием двух культур. Бабушка Фатима отлично готовила, что также привлекало гостей. Дед в предвоенные годы занимался выращиванием винограда, а также чайных роз, которые давали большой доход хозяйству. А как обращались колхозники со сбором урожая, особенно яблок! Каждое яблоко срывали с ветки и заворачивали в специальную бумажку и бережно складывали в небольшие ящики и отправляли в столицу. По аромату и сочности, наверно (это мое мнение), нет равных во всем мире. После сбора яблок в больших чанах прямо во дворах варили «бекмез»-патоку. Аромат разносился по всей округе.

Несмотря ни на что, народ веселился.

ВОЙНА

И вот наступило то черное время, с которым связана трагедия крымскотатарского народа.

С 21 на 22 июня 1941 года я вместе с бабушкой Фатимой находился в гостях у ее племянницы Анюты в Севастополе в Корабельной стороне, где у нее был небольшой уютный домик с большим садиком. Мне тогда было четыре с половиной года.

Вдруг ночью все кругом загрохотало, раздались взрывы, небо осветили прожекторы. Кругом творилось что-то невероятное. Мы в испуге выскочили все наружу. Ничего не поймем. Правда, тетя Анюта нас успокаивала, говоря, что это, вероятно, маневры Черноморского флота (ведь Севастополь, а также наше деревня находились в то время в военно-запретной зоне). Но когда недалеко от дома прямо на улице что-то ухнуло и вылетели все стекла, мы поняли, что это не маневры, а что-то страшнее. Я только запомнил эпизод, когда я с криком бегу по дорожке, а за мной несется бабушка.

Потом выяснилось, что на Севастополь в два часа ночи было совершено нападение фашистской авиации, флот не

пострадал, дал отпор, и самолеты стали сбрасывать бомбы на город.

К счастью, многие фугасы не разорвались, в то числе и фугас весом пятьсот килограммов, который упал рядом с домом тетки. Если бы он взорвался, то я вряд ли бы писал эти записи.

С первых дней войны мой дядя Бекир, будучи лейтенантом Балтийского флота, вступил в борьбу с фашистами и буквально в первые же дни прислал заметку их фронтовой газеты, где говорилось о том, что сторожевой катер под командованием лейтенанта Хайрединова Б. ведет огонь по фашистским стервятникам, с патриотическим письмом, в котором он был уверен, что победа будет за нами. В его храбрости мы не сомневались.

Бекир был колоритной неординарной личностью. Хотя он был на три года моложе моего отца Смаила, почти во всех детских играх и шалостях верховодил. В школе был первый хулиган, непоседа, но учителя его любили за его ум, настойчивость, сообразительность. Обладал колоссальной памятью. Прочитав стихотворение, через тридцать минут тут же на уровне мог его пересказать. После окончания семилетки колхоз направил его учиться на пчеловода, но он оттуда сбежал и вернулся в деревню. Физически здоров, работать в колхозе не хочет. Дерется с ребятами, отбивает девчонок. Что с ним делать?

Мой отец, будучи секретарем комитета комсомола (по совместительству) решил поставить вопрос об исключении своего брата из комсомола. Как я уже отметил ранее, исключение из комсомола в те годы было чревато далеко идущими выводами. Но, как говорил отец, по-другому он поступить не мог. Правда комсомольцы отца не поддержали, а правление дало направление Бекиру на учебу в девятилетку – школу в Севастополе, которую он окончил в 1937 году. После окончания школы Бекир поступил учиться в военно-морское училище имени Нахимова в городе Севастополе, которое окончил с отличием в 1940 году и был направлен на службу в Краснознаменный Балтийский флот, где стал служить советником при адмирале Эстонии в Таллине. Эстония только-только была присоединена к СССР.

Я не могу точно сказать, почему молодой лейтенант стал советником при адмирале, но это факт. Видимо, сказалась эрудиция Бекира и его знание немецкого языка, на котором он, оказывается, говорил с берлинским акцентом. А почему я об этом пишу? По рассказам отца, в 1941 году, вдруг всю семью – отца, дядю, бабушку, тетю – всех вызвали в НКВД и заставили писать автобиографии, не объясняя ничего. Все всполошились, и первое предположение было: Бекир что-то натворил неладное. Но вскоре сам Бекир приехал в отпуск и конфиденциально рассказал отцу о том, что его вербуют ехать в Германию под видом репатрианта и быть разведчиком. Сам он колебался, а отец стал горячо отговаривать его от этого шага. В конце концов Бекир с ним согласился, говоря о том, что многие «репатрианты» были в Германии вскоре разоблачены.

Так он остался служить на Балтике в городе Таллине.

В августе месяце 1941 года, когда эскадра Балтийского флота оставила Таллин и двинулась в Кронштадт, она подверглась массированным налетам немецкой авиации, и дядя был смертельно ранен, скончался в госпитале и похоронен в Кронштадте. Тогда ему было двадцать три года.

Вскоре мы получили похоронку, и мне запомнился отчаянный вопль бабушки.

Война приближалась к нам, вокруг Севастополя сооружались линии обороны, наша деревня попала на внешнюю линию обороны.

В начале октября у нас появился батальон морской пехоты, который с боями отступал к Севастополю, закрепился на линии обороны. Штаб располагался в нашем доме, и хорошо помню, как матросы таскали меня всюду с собой, кормили флотским борщом.

Вскоре они ушли, и в деревне установилась тревожная тишина. Пошел слух, что вот-вот придут немцы, и неизвестно, что будет с нами. Получилось так, что отец в это время был в Чоргуне, который оказался за линией фронта, и мы не знали о нем ничего. И вот в один прекрасный день почти все жители деревни двинулись в сторону горной деревушки по долине и мы вместе с ними. Вереница людей – женщины, дети, стари-

ки (взрослы мужчин почти не было) растянулись по ложине. Вдруг начался сильный обстрел со стороны наших позиций (видимо, приняли за немцев), поднялась паника, все ринулись кто куда.

Меня потом долго искали, а я спрятался в подвале дома и просидел там в страхе целый день. Мать была в отчаянии, а я в страхе не мог выйти оттуда, пока меня не нашли.

В конце октября в деревню вступили немцы. Сильных обстрелов деревни не было ни со стороны немцев, ни со стороны наших. К нам в дом сразу же определили немецкого майора медицинской службы, который вместе со своим денщиком занял две комнаты, а мы, семь человек, жили в остальных двух комнатах и кухне. Немец был очень похож на тех, кого изображали в наших кинокартинах: длинное лошадиное лицо в очках, худой, прямой с непроницаемым лицом, словом – истинный ариец, высокомерный.

Денщик же – настоящий солдат Швейк, хотя тоже вначале пыжился, но моя бабушка поставила его на место, и хозяйкой на кухне все же была она.

В связи с тем, что у нас жил майор, нас не как других, очень редко посещали немецкие солдаты с проверками, и это еще хуже румынские, которые искали партизан в кастрюлях (были всегда голодными). Итак, я помню один эпизод, когда к нам заскочили два румынских солдата на кухню и с криками «партизан, партизан», прямо руками выхватывали из кастрюли куски мяса. Бабушка не растерялась и с криком «герр майор» выдворила пьяных вояк из дома. Немецкие солдаты не воровали, они просто брали то, что им понравится. Но повторяю, мы этому подвергались меньше других.

Осада Севастополя продолжалась до июля 1942 года, и немцы своих убитых решили хоронить в нашей деревне, в поместье бывшего Вагнера, для чего вырубили почти весь сад. Остались лежать большие деревья грецкого ореха, и перед нашим домом выросло большое кладбище с прямыми рядами крестов и касками на них (несколько десятков тысяч могил). Вскоре отец, мать и я покинули деревню, когда там после

регулярных войск появились жандармерия, СС и другие карательные органы и стали устанавливать свой «иной порядок»: сразу же расстреляли секретаря партийной организации, председателя колхоза и еще кого-то, которых выдали раскулаченные и назначили старосту из бывших кулаков.

Отец, инвалид с детства (хромал), тоже боялся за себя, и мы ушли пешком по тропам в Ялту к бабушке по материнской линии. Шли в основном по ночам, днем идти было опасно, в любое время могли подстрелить патрули.

До Ялты добрались на третий день. Бабушка Эмине жила с тремя детьми: Мустафа, Иззет и Шевхие – все несовершеннолетние, хотя Мустафа и Иззет всюду трудились в колхозе с малых лет, а старшие жили своими семьями. Зоре была замужем и жила в Аутке вблизи от Ялты. Муж у нее погиб на финской войне, она осталась одна с малолетним сыном, который умер от простуды в 1943 году. Вторая сестра Айше жила в Дерекое (пригород Ялты) с мужем Казимом и двумя малолетними детьми. Дядя Казим работал парикмахером в одном санатории (кажется в санатории Красной Армии), Абдулла с детских лет воспитывался у тети (она была бездетной) и работал в колхозе, женат, детей не было. Эмир-Усейн учился, как и Асан в сельскохозяйственном институте на виноделов-виноградарей.

Как только началась война их обоих взяли в армию. Эмир-Усейн уже в студенческие годы выучился на летчика в аэроклубе, и его определили в летный полк, летать ему не пришлось, и он воевал в Сталинграде в чине лейтенанта и получил ранение в руку (она не разгибалась), в 1943 году был комиссован и во время войны работал виноделом в Азербайджане, затем в Кисловодске. Там женился на гречанке, у них было двое детей, но это уже после войны. Асан же воевал с первых дней войны до последних. В конце войны командовал минометной батареей. За все время войны не получил ни одного ранения, и про него говорили, что Дуфля заколдован, хотя расчеты его минометной батареи несколько раз выбивались полностью огнем противника. Во время войны встретил свою будущую жену украинку Соню и после окончания войны нашел ее, женился и имеет двух дочерей. Стал заслуженным агрономом России.

Драматически, я бы сказал, сложилась судьба Абдуллы. Во время войны он вступил в отряд «самообороны» крымских татар (полицию, по настоянию мужа тети, с которыми он жил постоянно). Ни в чем себя не опорочил, но перед приходом наших в 1944 году вместе с дядей удрал в Турцию, а затем объявился во Франции, где работал машинистом на железной дороге. По характеру был спокойный, покладистый, мог попасть по чужое влияние. В отряд самообороны затягивали также и Мустафу, которому тогда было семнадцать лет, но его отговорил мой отец, который категорически был уверен, что мы победим в этой войне, а это было в 1942 году, когда, казалось многим, что советской власти конец.

С неприязнью к отцу относилась и моя бабушка Эмине, которая была очень даже сильно обижена на власть Советов за дядю, но, тем не менее, Мустафа, несмотря на угрозы и даже избиения со стороны его бывших друзей, которые служили немцам, не пошел в полицию, не в пример Абдулле, за что потом благодарил моего отца.

А время было очень тревожным и голодным. Во все времена в Крыму жить было тяжело, особенно крестьянам. В Крыму отдыхать хорошо. С приходом немцев колхозы были распущены и их называли сельскими управами, назначили старосту, в каждой деревне был небольшой гарнизон немцев. Крестьяне снова стали единоличниками, так в Ай-Василе моей бабушке вернули виноградник и фундучник, и урожай там собирали мы, никто не посягал на наше

добро, содержали корову и пасли ее на «яйле», никто нас не трогал, но была особая контрибуция – с каждого двора брали определенное количество продуктов. У нас не было хлеба, который не выращивался на южном берегу Крыма. Хлеба было много на Украине. И вот в те годы по всей оккупированной территории бродили люди с тачками, с тележками (лошадей не было) на так называемый «обмен», что сегодняшний «бартер». Так вот мой отец, несмотря на хромоту, отправился в 1943 году через весь Крым и Украину с тележкой «на обмен» предварительно получив «аусвайс», своего рода паспорт. И, что самое удивительное, никто его не тронул, не в пример сегодняшнему времени, а ведь он вез орехи, виноград, яблоки и вещи, и из этого вояжа привез: муки – два мешка, мешок кукурузы и полмешка семечек, которые особенно мне запомнились.

Когда обстановка более-менее стабилизировалась, мы снова вернулись в Шули. К этому времени немцы тоже несколько изменились, спеси стало значительно меньше. Майор уже стал замечать нас и, более того, уже стал говорить кое-что по-русски, а денщик, беседуя с моим дедом, с оглядкой (1944 г.), говорил «Гитлер капут» и с удовольствием пил самогон, от которого он вначале с отвращением отворачивался.

Майор, увидев как-то, что мы ставим на новый 1944 год ёлку (сосенку), соизволил дать горсть леденцов в яркой обертке для её украшения.

Примечательно было то, что зимой 1944 года в нашей деревне стоял батальон словацкой армии, и их командиры часто гостили у нас, они понимали, что войне конец, и искали способ перехода на нашу сторону, вели осторожные разговоры на эту тему. Гитлеровцы об этом знали и, по слухам, всех словаков они посадили на корабли и, сказав им, что их через Румынию отправляют домой, в море торпедировали баржи, на которых были словаки.

И вот опять наша деревня оказалась на переднем крае. Наступил апрель 1944 года, немцы сплошным потоком потянулись в Севастополь, были злы, жгли имущество, многим

жителям было жалко, что сжигается обмундирование, и были случаи, когда ребяташки пытались выхватить что-то из костра, так немцы пристрелили двух ребяташек из нашей деревни. Мать меня пыталась не выпускать из дома, но я рвался на улицу, мне было интересно и радостно смотреть, как удирают немцы. Когда начались обстрелы, мы опять сбежали из деревни в ближайшую горную деревушку Айтодор всей семьей, кроме мужа тёти Джеббара, который остался охранять дом.

Немцы быстро откатились в Севастополь и попытались там закрепиться.

У всех нас было радостное, возбужденное состояние, с радостью встречали своих, я сейчас даже ощущаю ту радость, мы, ребяташки, постоянно находились около военных, мыли машины, отирались около кухонь полевых. Просились прокатиться на машинах, танках, пытались носить автоматы, хотя мне было чуть более семи лет, я всё хорошо это помню.

Как только пришли наши, отца моего забрали в «СМЕРШ» как переводчика и, как человека, который не опорочил себя ничем, и он ездил с контрразведкой по ближайшим деревням и занимался арестами полицаев, старост и других подозрительных лиц. Практически все те, кто был связан в той или иной степени с немцами, были арестованы.

Севастополь вскоре был освобожден, все ликовали. Правда нашу семью посетило горе: от полученных тяжелых ран скончался наш зять Джеббар. А случилось следующее: когда освободили деревню в нашем доме опять расположился штаб наших войск, и вот в один яркий апрельский день перед самым домом, со стороны сада угодил один снаряд (только один выстрел!), на веранде находилось человек десять штабных офицеров и среди них Джеббар. Точно не помню, но погибло человек пять-шесть, и в том числе наш зять. Как потом говорили, выстрел был видимо кем-то скорректирован и стреляли с немецкого линейного корабля. Я видел эту воронку – метров пятнадцать в диаметре.

Отец уже всю работу в Шулях. Его избрали (вероятно назначили) председателем колхоза оставшиеся колхозники,

это, в основном, женщины, старики и подростки за войну дети, приступили к сельхозработам с радостью, с энтузиазмом, с надеждами на светлое будущее, в чем, мне кажется, никто тогда не сомневался. Многих молодых ребят, подростки за время войны, стали забирать в армию. Они шли с радостью. Почему то их всех поголовно определяли в «Трудармию».

Многие не могли понять, что это? Почему их, молодых, здоровых, рвущихся в бой с врагом, как стариков, берут на какую-то работу.

Ведь мы почти три года были в оккупации, трудом под надзором, как при советской власти, не занимались, и этот вирус «свободы» звучит кощунственно, но это было так.

Никто же во время войны, по крайней мере у нас, не нуждался трудиться.

В трудармию забрали тогда моего дядю Мустафу, который при немцах избежал вербовки в полицию. Он попал в Вологду на оборонный (кажется) завод. Выполнял самую тяжелую работу (ведь у него не было рабочей специальности), кормили впроголодь, жили на дебаркадерах на Волге. На работу ходили под охраной (никакого отличия от колонии). В один прекрасный день с двумя еще татарами решили бежать. Но их вскоре поймали бы, если бы не отбрехали тем, что не собирались бежать, а пошли на колхозное поле за картошкой.

ДЕПОРТАЦИЯ

Слово «депортация» мы узнали значительно позже, а тогда нас называли «спецпереселенцами».

Это случилось опять-таки в майский солнечный день – 18 мая 1944 года, когда в Крыму все цвело и благоухало. Только накануне мы вернулись с матерью в свою деревню, а дед с бабушкой и тетей и двумя детьми остались в Ай-Тоффе. Я и раньше раза два приезжал на попутных машинах к отцу и видел, как вокруг нашего дома на бывшем немецком кладбище (его проутюжили танки) и холмах были тысячи немецких пленных.

В нашем доме располагался штаб. И вот вокруг этого штаба формировались колонны пленных и под надзором двух

автомобилей пешком отправляли вглубь полуострова. Как правило, у почти всех не было обуви на ногах, различные тряпки, подвязанные проволокой или верёвкой, вокруг дома валялось несметное количество фотокарточек (почти каждый немецкий солдат имел в портмоне фотокарточку родных и близких). Вообще-то немецкие солдаты были подготовлены к войне неплохо в части экипировки, правда, к быстрой войне – «блицкригу», а именно, носили удобную одежду, добротные сапоги, ранцы из телячьей кожи с многочисленными кармашками, в которых располагались различные тюбики, коробочки, были удобные фляжки, котелок. Ничего не брякало, не мешало, не в пример нашему. Зима, правда, их застала врасплох, даже в Крыму, где в тот, 1941-42 год была суровая зима, и они очень мерзли в своем обмундировании. И вот когда взяли немцев в плен в Севастополе, по словам отца, в нашей деревне их было около пятидесяти тысяч человек, всех поголовно разули, а по крымским камням босиком далеко не уйдёшь.

Когда мы перед приходом наших покинули деревню, то часть наиболее ценного имущества (одежда, фотокарточки

дяди Бекира в морской форме, ручную швейную машинку и др.) закопали в саду. И вот когда вернулись, то все это было найдено нашими и все исчезло.

Когда об этом узнала моя мать, то залилась горькими слезами. Всю войну сохраняли кое-что, а тут остались голыми. Ей обиднее всего было оставаться без швейной машинки. А отец особенно сокрушался по оборванным фотокарточкам погибшего брата. Ведь видели наши, что фотокарточки военного моряка. Если бы их обнаружили немцы, то наверняка моего отца ждала смерть, так как немцы особенно люто ненавидели «марине». А тут свои оказались такими мародёрами и гадкими людьми. Только одну фотокарточку, порванную пополам, смог отыскать отец, и то в возрасте шестнадцати-семнадцати лет.

Но недаром отец был хорошо знаком со «смершевцами», они помогли найти всё, что было похищено. На войне и не такое бывает, скажет иной «бравый» вояка.

Так вот 18 мая 1944 года меня рано утром разбудила мать, которая была вся в слезах, и рядом был озабоченный отец. Я не понимал, в чём дело, и мне хотелось спать. Потом отец исчез и через полтора-два часа он привез из соседней деревни своих родителей и тётю с ребятишками. Здесь опять-таки помог подполковник «СМЕРШа», который даже пытался связаться с начальством и втолковать им, чтобы оставили семью моего отца, так как бабушка у меня русская. Но приказ был непреклонен — всех выслать, а если она хочет остаться, то пусть остаётся. Но это было исключено, и она, естественно, не оставила своих детей и внуков.

Так же поступил, например, один русский парень, который ради товарища поехал с татарами. Все русские жители нашей деревни, а их было немало, плакали вслед нам.

Всех нас привезли на ближайшую железнодорожную станцию и перегрузили в грузовые вагоны. В нашем вагоне набили народу столько, что сидели друг к другу вплотную, а вещей было столько, сколько можно было унести в руках.

Так из донесения Сталину заместителей Берии Кобулова и Серова о ходе выселения татар из Крыма: «Настоящим до-

кладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая сего года операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая в 16 часов. Выселено всего 180014 человек, погружено в 67 эшелонов. При проведении операции эксцессов не имело место».

Эти сатрапы были не совсем точны, так как вместе с крымскими татарами были высланы и другие народы – цыгане, греки, болгары, караимы.

Можете себе представить масштаб акции. Идёт война, фронту постоянно нужны эшелоны, а тут подают 67 эшелонов для выселения женщин, стариков, инвалидов, детей – «изменщиков Родины», отцы, братья, дети которых защищали эту Родину.

Разве можно забыть это, можно простить? И те, которые призывают Сталина или подобного ему, я уверен, были или конвоирами или мародёрами и своё подлое нутро по наследству передали своим детям и внукам.

И потащили нас паровозы туда – не знаю куда...

Эшелоны останавливали по ночам на глухих перегонах или вообще в поле, давали скудный сухой паёк, конвоиры ни с кем не разговаривали. Отец по наблюдениям говорил, что нас везут на север. Наверно в течение недели нас довезли до станции Канаш, там пересадили на автомашины и привезли в город Чебоксары, где спешно перегрузили (ночью) на волжские сухогрузные баржи и потащили по Волге вверх, затем перегрузили в городе Козьмодемьянске на небольшие открытые баржи и потянули по реке Ветлуге. До того, как везти по Ветлуге, погода стояла хорошая, а вот когда выехали на Ветлугу, подул холодный северный ветер, пошёл дождь со снегом. Народ раздет, голоден, спрятаться негде. У нас на счастье была плащ-палатка и мы все, кроме отца, который сидел под опрокинутой бочкой, сидели и дрожали. И так в течение трех дней. Возле каждого лесоучастка вдоль Ветлуги останавливались, и часть людей сгоняли на берег: Боровское, Огибное, Козиково. В Козиково всех оставшихся согнали на берег, часть оставили, а нас, пересадив на подводы, потащили дальше под усиленным конвоем.

Ещё когда выехали из Крыма, в нашей теплушке были больные «сыпняком». По дороге одна женщина умерла, но никакой медицинской помощи не было. В конце пути уже несколько человек болело сыпным тифом и, когда нас довели до лесоучастка

Кума на границе с Горьковской областью у нас в семье заболела бабушка. В Куме нас расселили по деревянным баракам, в которых проживали сезонные рабочие, которые занимались заготовкой леса в зимний период, как правило, колхозники.

Вдоль стен были сколочены двухэтажные нары, при входе имелась большая плита, вот и весь интерьер.

В каждом бараке имелась комната истопника с огромной русской печью и лежаком, а напротив – сушилка.

Так вот, в нашем бараке комнату истопника выделили инвалиду войны (без правой руки), нашему односельчанину Рус-тему, у которого было четыре сестры, отец и мать, а сушилку предоставили моему отцу. Дедушку с бабушкой и тётей с двумя детьми поместили в другом бараке.

Люди скучковались каждый своей семьёй на нарах и не знают, что с ними будет дальше, многие приготовились к смерти, некоторые никак не могли понять, что их привезли надолго и всё ждали, когда их повезут назад.

В Куму попали, в основном, наши односельчане, народ до войны дружный, а тут ещё больше сплотился. Все кучковались вокруг моего отца. Он сразу же всех предупредил, все, кто может, должен работать, иначе – смерть. Его самого взяли счетоводом в контору. Мать пошла работать банщицей. Это в городе банщицы разгуливают по бане с полотенцами, да ещё подотрут водичку. Тогда это было совсем другое. Необходимо

было с напарницей напилить и наколоть дрова, а иногда и привезти из леса, натаскать воду за километр из речки (зимой расколоть лёд), затем истопить и, единственное удовольствие, воспользоваться первым паром. И это ежедневно. Да, ещё у них была «вошебойка», где прожаривали одежду от вшей.

Шла война и нельзя было сказать, что «спецпереселенцам» только было худо. Нам в какой-то степени помогало государство (давали понемногу муку, крупы), а местные жители жили только за счёт подсобного хозяйства, где выращивали овощи и картофель и питались также за счёт даров леса (ягоды, грибы). Нам же особенно трудно было в первый год. В этот год почти все жители нашего посёлка из числа татар переболели сыпным тифом. В нашей семье от тифа умерла бабушка Фатима и ее похоронили на кладбище лесоучастка Кума, умер двоюродный братишка Бекирчик (ему было три года), тяжело переболели отец, тётя Зоре, легче – мать, не болели: я, дед и двоюродная сестра Люда. Дед, будучи знатоком огородных культур, стал работать огородником. Раскопали речную пойму в месте схождения двух рек Кума и Юронга и zaloжили огород. На целинной земле уродился хороший урожай капусты, огурцов, моркови, картофеля. У татар в тот год огородов не было и мы, ребяташки, по ночам лазили в огороды местных жителей за овощами, за что нам нередко доставалось от родителей.

«Спецпереселенцы», среди которых не было взрослых

мужчин, стали работать на лесозаготовке, где практически не было никакой механизации, кроме лошадей, и это было практически до начала 1950-х годов. Пила и топор – вот и вся механизация.

Лес валят двуручной пилой. Целая революция была, когда появилась лучковая пила, позволяющая пилить одному. Сваленные деревья после обрубки сучьев и раскряжёвки на брёвна на месте лошадьми вывозили на так называемый верхний склад, где окончательно разделявали на сортаменты, складывали в штабели, затем вывозили также на лошадях или по ледяной дороге (ледянки) зимой на нижний склад, который находился у реки. По весне весь заготовленный лес сбрасывался в воду и плыл вниз по реке «молевой» сплав до посёлка Козикового, где его отлавливали, вязали в плоты, которые тянули буксирные катера до города Козьмодемьянска, где лес вязали в большие пучки, и этот лес отправляли уже буксирами на восстановление Сталинграда.

Работа в лесу очень тяжёлая, требует большой физической силы. Летом одолевают комары, мошки – все ходили с опухшими от укусов лицами, с расчёсами; зимой – по пояс в снегу, мокрые, особенно в оттепели. Почти все, кто работал в лесу, заработали себе радикулиты, ревматизм, язву желудка, редко кто покинул марийские леса здоровым.

Из 67 эшелонов, отправленных из Крыма, только 2 попали в МАССР, 3 или 4 направились на Урал, а остальные угодили в Среднюю Азию, то есть Узбекистан.

Для нашего народа Узбекистан оказался более убийственным, чем средняя полоса России. На них обрушились, кроме сыпного тифа, который, также был завезён из Крыма, брюшной тиф, дизентерия, малярия, которые были следствием некачественной воды.

Так от брюшного тифа умерла моя бабушка Эмине, от дизентерии – дочка моей тёти Селиме. В основном, умирали дети и старики. У местных жителей был выработан иммунитет к этим болезням. Как сетовал, впоследствии дядя Эмир Усейн, который в то время жил на Кавказе, работал виноделом, жил неплохо и всячески пытался узнать, что случилось с родными.

Сразу же, после освобождения Крыма, он написал письмо домой, получил ответ: «адресат выбыл», был в полном недоумении – куда могла выбыть старая мать? У него и в голове не укладывалось, что их могли куда-то выслать.

С тётей Селиме случилась другая беда. Её муж, Шукри, в 194... (они жили в деревне Эфендикой близ города Кача) был захвачен при облеве в Бахчисарае, отправлен немцами на работу в Германию, а потом в Австрию в концентрационный лагерь. Как он рассказывал, кормили их впроголодь, работал на заводе в городе Грац. Будучи крепким, физически здоровым молодым человеком, к 1945 году весил 45 килограммов, «доходяга». Как он говорил, он немного отъелся, когда в конце войны были массированные бомбардировки города англо-американской авиацией. Их, как смертников, немцы загоняли в разрушенные бомбардировкой дома для спасения раненых людей, и они, первым делом, искали пропитание, а затем уже раненых.

Нет добра без худа. Весной их освободил второй фронт. Многие военные, находящиеся в плену, после освобождения со слезами на глазах просились к американцам, но те категорически им отказывали, хотя знали, что многих из них ждёт ГУЛАГ. Когда, через несколько дней, подошли наши войска, всех пленных стали пропускать через фильтрационный лагерь, а нацменов, крымских татар и других собирали отдельными группами и отправили сначала в Москву, а затем – в Среднюю Азию. Как рассказывает дед Шукри, они были в недоумении, им нужно в Крым, а их отправляют в Узбекистан со строгим наказом – по прибытии на место обязательно отметиться в комендатуре, иначе – Магадан. Только по прибытии на место он понял, в чём дело, нашёл жену, затем нашёл Иззета и Шевхие, с которыми стали жить вместе станции Зиадин, затем из трудармии вернулся Мустафа к ним. Мы узнали их адреса, долго не знали, где находятся дяди Эмир-Усейн и Асан. У них хватило ума не приехать к родным и воссоединиться с ними. Если бы они, как многие другие, прошедшие войну, воссоединились с родными, то превращались, автоматически, в спецпереселенцев. Что же это означало: во-первых, отбирали паспорт, если он был, военный билет, партийный билет, если был членом партии, и разрешали жить только в определённом месте. Для многих это было как удар молнии, некоторые кончали жизнь самоубийством. В каждом населённом пункте была комендатура, где были зарегистрированы все спецпереселенцы, и взрослые ходили сначала еженедельно, а затем ежемесячно вплоть до 1956 года отмечаться в комендатуру.

Моего отца в 1945 году направили учиться в столицу МАССР город Йошкар-Олу на курсы начальников планового отдела лесной промышленности, где он проучился шесть месяцев, и его назначили начальником планового отдела Юринского леспромхоза в поселке Юрино на берегу Волги, куда мы переехали втроём осенью 1945 года. Год жили на частной квартире, было голодно. Отец получал 600 рублей в месяц, а ведро картошки на рынке стоило 200 рублей, подспорьем было то, что мать шила на машинке на дому и обшивала окрестную бедноту.

Через год отец получил квартиру в леспромхозовском доме, появился огородишко, зарплату отцу увеличили до 1200, и жизнь потихоньку стала улучшаться.

Приведу только один пример издевательства над людьми.

В Юрино неподалёку от нас жила семья Капотов, односельчан моей матери. Семья состояла из четырёх человек: мать, сын и две сестры. Сын Энвер, инвалид ВОВ первой группы. Он был лётчиком-истребителем в чине старшего лейтенанта и был подбит немцами в 1943 году, выбросился с парашютом и в воздухе был изрешечён и, на счастье, ветром его снесло в нашу сторону, чудом остался жив. Два года валялся по госпиталям. И вот, приехав в Юрино, ему разрешили перевести семью из лесопункта и предоставили квартиру.

Я его хорошо помню, красивый молодой человек, ходил с трудом, с клюшкой, с пробитыми лёгкими, без одного глаза.

Ещё в Крыму у него была невеста. Он её долго искал, затем выяснил, что она находится в Средней Азии, захотел ехать туда, а его комендант не отпускает. Он, естественно, возмущён до глубины души, плюнул на все запреты (дело было летом), сел на пароход и уехал. Какой шум поднялся. Всех, кто знал Энвера, были подвергнуты допросу. Отец мой сказал коменданту, зачем они суеются, искать его не надо, он сам объявится в Узбекистане. Так оно и случилось, но его чуть не посадили за нарушение установленного порядка, спасло то, что он был инвалидом, а родных незамедлительно снова отправили на лесопункт.

Ещё случай. В Юрино жила одна семья (имени не помню) женщина с сыном пяти лет и сестрой. И вдруг появился её муж, полковник, который разыскал жену с сыном и с личного разрешения Сталина приехал за ними. Комендант, в чине капитана, естественно, принял все меры, пока оформлялись документы, переселил семью из полуподвального помещения в приличную квартиру, провёл радио. А полковник задержался на два месяца только из-за того, чтобы разрешили ему вывести с собой на Кавказ и сестру своей жены. Не тут то было. единственно, что разрешили ей — переехать в Узбекистан к родным. Нам же в

подарок от полковника достался репродуктор (чёрная тарелка) – какая была радость!

Теперь несколько слов о комендантах. В каждом населённом пункте, где жили спецпереселенцы, была комендатура (офицеры, в основном). Можете себе представить, идёт война, погибают ребяташки восемнадцати-девятнадцати лет, а здесь солидные дяди охраняют «изменников родины» – женщин, стариков, детей. Чем же занимались эти люди? «Пасли» людей. Вот надо кому-то по разным причинам в райцентр – в больницу за справкой какой-то,

даже получить деньги по займу – иди к коменданту и получи от него «аусвайс» – помните войну, немцы давали его бесплатно, у нас же без взятки ничего не делается. Единственная отрада русскому человеку (не в пример узбекам) – достаточно бутылки-две водки.

Практически все коменданты были пьяницы, за редким исключением, как главного коменданта Юринского района капитана Кормухина, который был отягощён большой семьей – шесть душ детей.

Как я уже отмечал, моя мать обшивала окрестную бедноту, так постоянным клиентом у неё был, также Кормухин. Он даже предлагал рассчитываться за работу, но моя мать, из жалости к нему, денег с него никогда не брала.

И вот, когда кончилась эта лафа для комендантов, и освободили крымских татар, все они оказались не у дел. Хорошо, если кто-то выработал срок службы, а так, без специальности, иди рабочим, грузчиком, а не хочется. И вот, многие из них приходили к отцу и просили: «Смаил, устрой куда-нибудь».

Как я уже отмечал, народ наш трудящийся, не бездельник, не пьяницы (религия сдерживала). В армию наших парней до 1955 года не брали (какая была обида), и все они работали в лесу: трактористами, машинистами, шофёрами, благо, в 1950-е годы техника хлынула потоком. Зарботки были хорошие, жизнь резко улучшилась. Механизаторы на лесоразработках до трёх тысяч рублей зарабатывали в месяц, тогда, как в Юрино средняя заработная плата не превышала тысячи рублей.

Как правило, у татар жёны не работали, а занимались домашним хозяйством. Одна беда – климат не устраивал татар, а также отсутствие фруктов, винограда и, побывав в Средней Азии и вкусив всего этого, они стали рваться туда и почти все, за редким исключением, в начале 1950-х годов уехали в Узбекистан. Остались только те, которые или женились на русских или занимали более-менее высокие посты. Нас тоже многие звали на юга, но отцу, во-первых, не нравилась сама обстановка (сильно коррумпированная местная власть), да и климат родителей не устраивал.

На себе звание «спецпереселенец» я испытал, когда мне исполнилось шестнадцать лет, при получении паспорта. Мне выдали временное удостоверение с печатью «проживать в Марийской АССР». Да тогда я не обратил на это большое внимание – я и так никуда не ездил. К примеру, когда мать заболела и ей дали направление на консультацию в город Йошкар-Олу (и это в 1953 году!), а надо было ехать сначала на пароходе до Казани, а затем на поезде до Йошкар-Олы, её сопровождал милиционер, который стянул у неё кошелёк с деньгами.

Я познал дискриминацию после окончания школы в 1954 году. В школе я учился неплохо – без троек её окончил и захотел поступить в Уфимский химико-технологический институт (химию я почему то любил), но получил по носу. Комендант мне популярно объяснил, что я могу учиться только в МАССР, если хочу, то в Поволжском лесотехническом институте, в городе Йошкар-Оле. Я категорически не хотел учиться в этом институте, но отец прикрикнул, и я сдался.

В то время всем, кто окончил десятилетку, была прямая до-

рога в институт – любой. И если кто до 1954 года не поступил то, в лучшем случае, считали странным.

В 1954 году был огромный наплыв в институты, в лесотехнический – три-четыре человека на одно место. Из нашего класса в тот год поступило меньше половины, остальные, и я в том числе, остались за бортом высшего образования. Это особенно шокировало наших учителей. И вот целая группа выпускников школы без дела болтались в Юрино, не имея работы. Мы были как изгои, учителя с нами просто не разговаривали, мы тоже не стремились с ними общаться.

Мать моя сильно болела, помногу лежала в больнице (её боднула корова в 1952 году и порвала прямую кишку), занимался хозяйством (поросёнок, козы, куры), с другом Тяпиным Женей играли в духовом оркестре районного ДК: он – на трубе, а я – на барабане. Играли на танцах два раза в неделю и бездельничали. В следующем году я подтянулся и поступил всё же в ПЛТИ. И в институте запреты на спецпереселенцев сохранялись вплоть до 1956 года, при наличии военной кафедры для них уроки военного дела были свободными – это морально убивало. После 1956 года наступила реабилитация, и крымским татарам разрешили жить везде, кроме Крыма, служить в Советской армии или учиться в любом институте.

Как я отметил выше, у дядьев Эмир-Усейна и Асана хватило ума не воссоединяться с родными. Первый на Кавказе женился на гречанке Амалии, а Асан – на украинке Соне. Так вот, Эмир-Усейн в 1949 году спецпереселенцем с греками, которых в том году выслали в казахстанские степи, в посёлок Миргалимсай, позднее г. Кентау. Работал компрессорщиком, геодезистом, затем пивоваром и директором пивзавода. В 1956 году жена с двумя детьми и родителями (они были греческими подданными) уехали в Грецию, дядю не выпустили (условие: поедешь, если будешь работать на нас). Дядя отказался и остался один. Затем вторично женился – опять на гречанке, и у них родилось трое детей

Отец меньше всех ощущал дискриминацию. Он всегда был лоялен к власти, ему власти доверяли, был трудоголик,

безотказен в работе. Были моменты со стороны ОК сместить его с должности начальника планового отдела и на его место поставить работника с высшим образованием, но его всегда защищали руководители (директора, главные инженеры), да и претенденты категорически отказывались занять его место.

С 1956 года из изгоев мы стали равноправными гражданами Союза Советских Социалистических Республик (СССР). По Сталину, что объединяет нацию? Это общность территории, язык и культура. Территории нас физически лишили, раскидав по разным местам, языка также, частично лишили, но это сделать труднее, а вот культуру напрочь отсекли. Творческая интеллигенция, в основном, успела эвакуироваться из Крыма во время войны, и она обосновалась в Средней Азии, она, в годы войны, была оторвана от народа, но, когда крымские татары появились там, писатели, поэты, музыканты, танцоры воспряли духом и, несмотря на определённые преграды, консолидировали нацию.

Хуже обстояло дело с теми, кто попал, к примеру, в маорийские леса. Культурный уровень жителей (русских), с кем нам пришлось общаться, был на низком уровне (пусть они не обижаются). Местные частушки под балалайку или, в лучшем случае, под гармонь – вот и всё.

По приезду в первый год, крымские татары на Куме (я не обобщаю всех) очень тосковали по своим мелодиям, исполняемым под оркестр, в котором преобладали скрипка (кемане), флейта и турецкий барабан (давул). Всего этого не было, и пели, собравшись в кружок около печки в бараке при свете лучины свои песни под хлопанье ладошами и ударом палочек о деревяшку. И вот, зимой 1944 года, загорелись желанием сделать концерт в клубе. Для этого главным должен быть инструментальный оркестр. Ещё в Крыму в нашем колхозе был духовой инструментальный оркестр. Из его состава с нами попало два человека: скрипач Вели, правда без скрипки, и ударник Ибазер, который при депортации захватил с собой две тарелки от турецкого барабана и колотушку, барабан не дали взять – слишком громоздкий. Первым делом нужна была

скрипка – без скрипки какой татарский оркестр! И вот, Вели приступил к изготовлению её. Долгими вечерами около печи он выстукивал скрипку, а мы, малышня, затаив дыхание, следили за его работой. И чудо, к новому 1945 году он изготовил скрипку, и она зазвучала (правда не знаю как), но это было не важно, где-то нашли гитару, пионерский горн, а Ибазер к школьному барабану приделал литавры, и началась репетиция.

Перед концертом два дня отогревали клуб, который был закрыт с начала войны, и перед концертом весь оркестр в сопровождении толпы восторженных ребятишек прошествовал с музыкой в клуб.

Концерт произвёл огромное впечатление не только на татар, но и на местных жителей, которые поняли, что к ним попали не варвары, как пытались охарактеризовать нас чиновники, не враги, а вполне цивилизованные люди.

Но всё это было на уровне самодеятельности. Один мой хороший знакомый, кажется Буксна Эскендер даже писал пьесы, сценарии, которые ставились в клубе посёлка Козиково, они пользовались большим успехом. Но в Средней Азии культура была поставлена на профессиональном уровне. Это тоже послужило массовому исходу крымских татар в Узбекистан из Марийской АССР

IV. УЧЁБА

Итак, я в 1955 году поступил учиться в Поволжский лесотехнический институт им м. Горького на лесоинженерный факультет (ЛИФ) в столице Марийской АССР г. Йошкар-Оле.

В тот год был самый большой набор на этот факультет за все годы – 2260 человек, и проходной балл был очень низок – 15 из 25, что не в пример предыдущему – 21. Я набрал 19 и всё боялся, что меня не примут. Нас было шесть человек из Юрино: Хайрединов, Воронов, Сапегин, Головтеев, Ручкина и Лосева.

В том году был приём лишь на два факультета: наш – ЛИФ и лесохозяйственный. Я с Виктором Головтеевым в общежитие не попали, жили на частной квартире знакомого моего отца, бух-

галтера комбината «Марилес» Смирнова Анатолия Георгиевича и Варвары Петровны. Добрейшие люди, к нам относились, как к родным детям, а их у них было шестеро, трое жили с ними.

Учились мы старательно, особенно на первом курсе, занимались спортом. Головтеев играл в волейбол, футбол за сборную института и занимался фехтованием, правда, высот не достиг.

На частной квартире я жил два с половиной года. затем моего отца перевели старшим экономистом треста «Марилес» и дали квартиру, сначала в кабинетах старого здания «Марилес», затем двухкомнатную квартиру в новом двадцати четырех квартирном доме (пристрой к гостинице «Советская»). Во время летних каникул я, начиная с 1957 года, ездил к родным в Среднюю Азию. Был в Самарканде, городе Кентау Южно-Казахстанской области, Алма-Ате, Кабардино-Балкарии. Практически повидал всех родных и близких.

В то время в Самарканде жили: тётя Айше с мужем Казимом и сыновьями Нусретом и Шевкетом, тётя Шевхие с мужем Биледом и только что родившемся Фикретом, дядя Мустафа с женой Шевхиз и сыном Эмир-Саде.

В Кентау жили: дядя Эмир-Усейн и тётя Зоре, дядя Иззет с женой Фериде, тётя Селиме с мужем Шукри.

Моя мать в те годы сильно болела и умерла в июле 1960 года, как только я закончил школу. Мы с отцом остались вдвоём. Я уже к тому времени получил распределение в почтовый ящик, то есть работать мастером леса с заключёнными. Да, специфика нашего факультета состояла в том, что большинство выпускников направлялись работа в многочисленные колонии Урала и Сибири в качестве мастеров на лесоповал. Так из 215 выпускников ЛИФ в 1960 году – 101 человек были распределены в почтовые ящики. Отец не захотел, чтобы я уезжал и оставил его одного, да и я, честно говоря, не рвался в лес к зекам. Он написал письмо в МВД СССР и вскоре пришёл ответ, позволяющий мне остаться дома. Так я получило свободное распределение. Начались поиски работы. Они длились около четырёх месяцев.

После окончания института я женился на Римме Николаевой, воспитательнице детского сада, с которой я дружил около трёх лет.

МАТЬ

Дуфли Зера Эмир-Сале Аджи-Асан Къызы – так именовалась моя мать до 1932 года. Получила паспорт на Дуфли Зера Эмир-Сале. Поступила учиться в педагогический техникум в городе Ялте, который окончила в 1935 году, по направлению поехала в село Шули Балаклавского района Крымской АССР. Стала учительствовать. Симпатичная, даже я бы сказал, красивая. Она, естественно, привлекала внимание местных ухажёров. Не ей всё же в силу её интеллекта, интеллигентности приглянулся мой отец, Смаил. Но не из-за того, что он главный бухгалтер, нет. Из-за ума и таланта. Она влюбилась в него, и они поженились. Это было в 1936 году. Результатом их любви был я, Руслан, который родился 26 декабря 1936 года.

Не знаю, как складывались их личные дела, но я одно мог сказать, что моя мать была очень самостоятельная женщина и никогда не подпадала под чьё-то внимание, даже мужа, что не характерно для крымских татар.

Может быть, это её и погубило, в 44 года ушла из жизни). Она постоянно хотела внести в нашу жизнь свою лепту, пыталась доказать, что она не меньше отца зарабатывает. Шила, держала скот, выращивала овощи. Это было так. И это её погубило. Летом 1952 года её боднула соседская корова, когда он давала корм своей корове. Вследствие этой травмы она два месяца пролежала в Юринской больнице. После выхода из больницы у неё – незаживающий свищ на ягодице (была пробита прямая кишка). Врач, лечащий её, сказал: «Зоя, с этим свищем ты будешь жить долго, не предпринимая никаких действий». Это был старый умудрённый жизнью человек.

Если сказать о матери, что это был хороший человек, этого было бы мало. Она была мудрая, не боюсь этих слов.

После высылки из Крыма она не работала, просто не был возможности. Но приносила в дом не меньше моего отца. Во-

первых, она шила, и к ней обращались многие жители посёлка, во-вторых, у неё был огромный огород, особенно в части выращивания помидор, были отменные куры.

Одним словом, была творческим человеком. Но вследствие той трагедии, которая случалась в 1952 году, она умерла в возрасте 44 лет, в 1960 году.

Мы с отцом в трансе, особенно я. Долгие годы я видел свою мать во снах. В моих снах она была молодой, смеющейся.

ДЕД

О дедке Хайредине я писал ранее, поэтому повторяться не буду и расскажу только о послевоенных годах его жизни и до смерти.

Дед, как я упоминал, в 1944-45 годах работал огородником в п. Кума. Специалист он был хороший (опыт Крыма) и его ценили. После смерти жены он был одинок. И мы уехали. Поэтому отец взял его в 1946 году к себе в Юрино. Деда сразу же определили огородником в подсобное хозяйство Юринского

ОРСа Юринского леспромхоза, где он работал до 1960 года, то есть до семидесяти восьмилетнего возраста.

Да, дед мой был неординарной личностью. Про Крым не знаю, но в посёлке Юрино все его уважали, особенно женщины. Он их очень любил. Последние дни свои он доживал у нас в Йошкар-Оле. Впал в детство, представлял, что он живёт в Крыму. Мне часто задавал вопросы, на которые ответить было трудно. К примеру, поил ли я коней, почему идут дожди и в каком состоянии находятся виноградники и т.д.

Умер он в 1967 году в возрасте восьмидесяти пяти лет от инсульта, мучился два дня. Я его сам мыл и укладывал в гроб. Похоронили его по-советски. Дед в бога не верил, но верил, как говорится, в природу. Да будет пухом ему земля.

ОТЕЦ

Отец мой, Смаил Хайредин, родился в 1915 году незаконнорожденным, так как брак моего деда Хайредина и бабушки Александры Ключовой-Персидской не был зарегистрирован из-за несовместимости по религиозным признакам. Тем не менее ребёнок появился и стал жить. При советской власти на это, естественно, никто не обратил внимания, но тем не менее мой дед и бабка жили не зарегистрированными в браке официально, до самой смерти.

Отец после окончания семилетки остался работать в колхозе имени «Памяти Ильича» в деревне Шули. Ему было семнадцать лет, он в детстве перенёс болезнь – туберкулёз костей, его долго лечили, и он из-за этого остался хромым на всю жизнь.

Работал в колхозе главным бухгалтером, нёс большую (не побоюсь этого слова) ответственную работу. Был секретарём бюро комсомола, возглавлял оркестр народных инструментов.

Во время войны, всячески избегал контактов с лицами прогерманской организации, вёл подпольную пропаганду за советскую власть. Это было нелегко и, если бы об этом узнали бы те же полицаи, ему бы не поздоровилось. Тем не менее, он

попал в число «изменников Родины», и его выслали со всеми из Крыма.

Попав в такое положение, отец не потерял чувство чести и достоинства и не отрёкся от своей нации, хотя он мог сослаться на то, что его мать – русская.

В посёлке Кума Марийской АССР, куда мы были высланы, отец для всех татар был советником, то есть по всем вопросам они обращались к нему, хотя он работал лишь счетоводом в конторе лесопункта. После перевода в посёлок Юрино тоже татары, не только с кем мы жили, но все живущие в Юринском районе, обращались за помощью к нему. И он в силу своих возможностей помогал им. В нашей квартире в поселке Юрино был настоящий «постоялый двор». Редко кто у нас не ночевал. Всё бесплатно, всех мы кормили. Таков мусульманский обычай.

Живя в Юрино, у отца был определённый круг друзей. В основном, это люди репрессированные. Одним из них был снабженец Нарынс и Фёдор Константинович, который появился у нас в 1947 году. Он просидел в сталинских лагерях ровно десять лет, в Юрино попал потому, что ... тётя его была выслана из Москвы после его ареста. Крупный мужчина с волевым лицом, немногословен, седой. Тогда ему было около пятидесяти лет. Жена его, Екатерина Ивановна, работала в Юринском леспромхозе машинисткой, сын Юра с малых лет «пахал» на лесоповале.

Второй друг отца главный инженер Изычев, который пропал без вести, будучи в плену, Бухенвальд, и остался жив, правда, заработал туберкулёз.

И вот они часто собирались у нас и рассуждали на тему (правда робко), что творится и за что они пострадали и страдают. Ответа, как правило, не было.

Всех знал, как полагается, начальник отдела кадров Юринского леспромхоза Якимычев Пётр Иванович. Пётр Иванович жил в одном доме с нами и часто после «баньки» поучал моего отца, как надо жить. Отец мой был добродушным и компанейским человеком. Не помню случая, чтобы он был в гостях

у Якимычева, а тот каждую субботу угощался у моего отца. Видимо, отец от него просто откупался. А тот пытался отстранить моего отца от должности, мотивируя отсутствием у него высшего образования, что у того в подчинении работают лишь люди с высшим образованием. Но что мог противопоставить отец тем доводам. Конечно, ничто, хотя им было нелегко, так как начальниками отделов кадров в те годы и после были, как правило, осведомители КГБ.

В 1957 году отцу предложили работать заместителем начальника планового отдела треста «Марилес» по рекомендации начальника отдела Казаринова. Руководство согласовало, и отца перевели в город Йошкар-Олу. Работал он в этом качестве до 1962 года, одновременно исполняя обязанности председателя профкома. Затем его сократили. Это был такой удар по его самолюбию, что даже представить трудно. Дело в том, что он в одном вопросе не согласился с тогдашним управляющим трестом «Марилес» Ахуновым в деле увольнения инженера Осокина. Отец настоял на том, чтобы Осокина уволили по собственному желанию в установленном законом порядке.

Отца сократили, но в тот миг ему поступило несколько предложений. Одно он выбрал и пошел работать начальником планового отдела мясокомбината, где директором был Баринов.

В качестве начальника планового отдела отец проработал где-то два года, одновременно был секретарём партийной организации. Примечательно то, что он составил техпромфинплан мясокомбината на 1964 год, который, как реликвия, ходил по министерству мясной и молочной промышленности СССР в Москве. Сотрудники министерства говорили отцу, что это полная кандидатская диссертация, а он отвечал им, что не имеет аттестата даже за десятилетку.

В те годы отдельные руководители партии и правительства обращали внимание на неординарных людей. Так тогдашний первый секретарь Марийского обкома КПСС Ураев П.И. обратил внимание на моего отца. Он предложил отцу пост генерального директора консервно-пищевого комбината Марийской АССР.

Отец был ошарашен и попросил время на размышление. Ураев дал один день.

И вот сидим мы все вместе: отец, я и его вторая жена Екатерина Георгиевна Семина и моя жена и думаем: «Идти или не идти». Екатерина Георгиевна говорил однозначно: «Иди, Смаил, хоть год продержись». Отец взвился: «Неужели, если я пойду, то буду работать только год?» Я говорю: «Папа, иди, ты сможешь».

Отец дал согласие и стал генеральным директором Консервно-пищевого комбината, в состав которого входили: винпивзаводы в городе Йошкар-Оле, Фокине, Козьмодемьянске, макаронная, кондитерская фабрики, консервный завод. Короче говоря – вся пищевая промышленность МАССР.

Когда сместили Хрущёва в 1964 году, когда снова стали министерства, консервно-пищевой комбинат реорганизовали в Министерство пищевой промышленности МАССР. Отца министром не поставили, он стал директором винпивзавода. Правда в этом качестве работал недолго – где-то два года и партийная организация города бросила его на исправление дел в Гормолзаводе, где отец проработал до 1975 года, до выхода на пенсию. Пользовался большим авторитетом у коллектива, был не очень удобен для властей, частенько с ними конфликтовал, особенно с правоохранительными органами, которые никак не могли свыкнуться с мыслью, что этот татарин не ворует. Всячески его проверяли перепроверяли, а он им говорил: «На мне лычку не заработаешь». Доходило даже до подлога, но отец в силу своей эрудиции и честности все происки разоблачал.

После выхода на пенсию отец в течение двенадцати лет был внештатным сотрудником Комитета народного контроля города Йошкар-Олы, секретарём партийной организации и всё это бескорыстно – на общественных началах. Только в последние годы своей жизни он отошёл от дел и когда умер в 1990 году никто из организаций, кроме работников молокозавода не проводил его в последний путь.

VIII. РАБОТА.

Как я уже ранее отмечал, я получил свободное распределение. Вскоре женился и начал искать работу. В 1960 году не так-то легко можно было найти работу. Только-только начинался строительный бум, промышленность была в застое. Мы, выпускники института, в лучшем случае претендовали на должность конструкторов, боялись поработать с людьми. Я тоже начал хотел получить работу конструктора на работе «Искож», но меня не взяли. И вот после длительных поисков, я попал на завод железобетонных конструкций. Меня взяли мастером бетонного цеха с окладом 800 рублей в месяц. Это произошло 21 ноября 1960 года.

В представлении многих мастер – это человек, который распределяет людей по местам, ведёт учёт и командует. В моём случае, в те годы, мастер – помощник слесаря. Работали мы в три смены. Хорошая была первая смена: начальник бетонного узла решает все вопросы, слесарей много – всё сделают, твоя задача – обеспечить выдачу бетона, где-то сорвётся, поддерживать; вторая и третья смены – за всё отвечаешь. Трудности были невероятные. К примеру, надо дать бетон на изготовление пустотных плит перекрытия. Осадка конуса, то есть почти без воды, и он не получается из-за очень сырых инертных материалов. Хоть лопни, не получается. Что делать? Один способ: побольше добавить цемента, накладно, но что делать, план есть план. В те годы большая потребность бетона была со стороны вояк; во вторую и третью смены стояла вереница машин из сорока-пятидесяти единиц. Люди с ног валились, чтобы их нагрузить. Бетон шёл на сооружение «точек» для ракет. Сегодня они все взорваны.

В 1961 году, по весне, руководство, а именно главный механик Ахмадьяров Анвар Гумерович, обратил внимание на моё рвение. Предложил мне работу механиком цеха железобетонных конструкций.

Начальник бетонного цеха Никулин Николай Иванович с большим сожалением расстался со мной, да и я чувствовал

себя перед ним чуть ли не предателем. Но «се-ля-ви». Мне оклад на новой должности сделали 110 рублей. Вступив в должность механика, я не очень чётко представлял свои обязанности. Мне только сказали – всё должно работать в три смены, если что-то поломается, то должен отремонтировать.

И началось. В моём подчинении были три сменных слесаря и слесарь по кранам Цыпленков Н.И., а также слесарь арматурного цеха Мовчуп И.П. и всё. Ремонтно-механический цех имел скудную оснащённость: два токарных станка, один – горизонтально-фрезерный и вертикально-сверлильный и всё. Вот тут мне досталось, бегал с утра до вечера. Начальник цеха Бакун Г.П. был очень требовательным, иногда не объективным. Я с ним часто конфликтовал.

В конце 1963 года меня перевели механиком вновь построенного цеха крупнопанельного домостроения.

Это было новинкой и мы, я в том числе, не знали, как его осваивать. Для освоения я съездил в Казань, посмотрел. Они только что пустили цех в работу. В Казани цех осваивался в течение девяти месяцев, оборудование было несовершенным.

По приезду домой я доложил руководству обо всём и представил материалы по реконструкции.

И вот началась работа по пуску цеха. У меня в две смены работали два слесаря. Я носился, как оглашенный.

По истечении девяти месяцев мы выдали панель на строительство нового крупно-панельного дома. Была большая радость. Только не для меня. Я с самого начала не поладил с начальником цеха Гориным, с которым мы работали и ранее в цехе железобетонных конструкций. Он там был заместителем начальника. По натуре сноб, высокомерен, но очень требователен к подчиненным. Жаден, особенно до денег, друзей не имеет.

Я вынужден был уволиться и поступил на должность инженера ОКСа инструментального завода, который в те годы только ещё строился. Отработал я на этой должности один год. За время работы по моим подсчётам, перевёз около одной тысячи станков со станции Йошкар-Ола, не имея собственного

транспорта, кранов и грузчиков. Все доставлял, грузил, разгружал сам, и всё это за 100 рублей в месяц.

Через год меня опять позвали на завод ЖБК на должность механика цеха железобетонных конструкций с окладом 120 рублей. Я согласился.

Опять я врубился в эту кучу грязи, вибрации и шума. Я до сих пор не могу говорить тихо – кричу, это следствие тех лет.

Отработав полтора года в цехе, в 1967 году меня перевели инженером ОГМ под начало Булыгина В.П., который уволился в 1969 году, меня поставили на его место – главным механиком завода. В то время директором был Чернов В.Л. Директор был очень тактичный человек, «тонкий психолог», как говорили многие, он меня сагитировал вступить в члены КПСС, другому я не поддался бы.

Главным механиком я работал до мая 1973 года и уволился поскандалив с директором Смирновым Н.П.

Меня на работе ценили, награждали и предметом ссоры был мой подчинённый Николаев В.А. – начальник РММ, к которому директор постоянно имел претензии, а особенно в моё отсутствие. Вот на этой почве возник скандал, и я подал заявление на увольнение, и по истечении двенадцати дней я ушёл, несмотря на то, что моё дело разбирали на парткоме треста «Марстройтрест».

После увольнения я поступил работать начальником производственного отдела УМ-I Марийского территориального управления строительства. УМ-I тогда представлял жалкое зрелище, ютился в строящемся здании мебельной фабрики, станочный парк был скуден, но уже в стадии завершения был трёхпролётный корпус базы механизации в районе деревни Алёнкино.

Начиная с конца 1973 года мы стали осваивать новую базу. Строители дали нам только стены, даже без ворот. Но мы не были на них в обиде. Мы сами взялись за обустройство базы, благо тогдашний начальник УМ-I Пискарёв тогда поощрял нас. Он назначил меня «главнокомандующим» по обустройству базы. Наши люди работали в три смены, занимались монтажом

антресолей под вентиляцию, били штробы под электропроводку, изготавливали подвесные ворота и многое-многое другое. И вот в апреле 1974 года Управление механизации №1 переехало в новую базу. Радость была неописуема.

Я с начальником был в хороших отношениях, он мне доверял и поддерживал. К примеру, когда возник вопрос, что делать с подкрановыми путями мостового крана на базе, он, вопреки мнению многих, поддержал меня и разрешил их демонтировать и сделать, как я предлагал. Кстати, до сих пор мостовой кран ходит по этим путям без каких-либо ремонтов их.

Поддержал изготовление подвесных ворот с механическим приводом, не только поддержал, но и обеспечил материалом. И опять пока, до сих пор, они функционируют безотказно.

Начальник участвовал по моей инициативе во всех разработанных мною рацпредложений, но в какой-то момент я ему стал неугоден. Я это понял и ушёл.

Вскоре меня взяли старшим инженером ОМиТ МТУС. Там, в подчинении Безденежных Д.Б. я проработал четыре месяца.

Несколько слов о Безденежных. Это профессионал, честный, добросовестный, педант, отдаёт всего себя работе. Я у него многому научился.

Пока я не работал в УМ-I, обстановка там изменилась, начальник, это я предрекал, загулял и руководство МТУС вынуждено было его сменить. Начальником назначили моего давнего друга Булыгина В.Р., и он позвал меня к себе работать в качестве главного инженера. Я с радостью согласился, не ведая о том, какая ждёт нелёгкая судьба на этом поприще. Это было в сентябре 1974 года.

Приступив к работе главным инженером, я был полон различных проектов. «Я сделаю то, это». Но, столкнувшись с реальностью, должен был заняться одним – организацией ремонта и технического обслуживания строительно-дорожных машин.

Как я уже ранее отмечал, набор станочного парка был

скуден – 6-7 станков, а СДМ, грузоподъёмных машин и транспорта уже набиралось порядка 150 единиц, рабочий было около 350.

Я приступил к укреплению материально-технической базы Управления механизации. К примеру, на всю базу работал только один метровый кран по центральному пролёту (да и тот мы включили в работу в октябре 1974 года), больше грузоподъёмных механизмов не было, погрузочно-разгрузочные работы производили с помощью или автокранов (в цехе) или атопогрузчика. Это было трудно и неэффективно.

Первым делом я заставил смонтировать кран-балку в моторном участке, затем в сварочном и оборотных узлов и агрегатов.

В те годы очень остро стоял вопрос о приобретении тех или иных агрегатов (в частности, кран-балок, тельферов). Нужны были фонды. О деньгах разговора никогда не возникало. Я всяческими путями пытался добиваться выделения фондов. Весьма трудно было добиться выделения фондов на приобретение металлорежущего оборудования. Во всё время существования Управления механизации по фондам было выделено три токарных (1971 г., 1973 г.), горизонтально-фрезерный и вертикально-сверлильный (1973 г.) и всё. В дальнейшем выделялась только техника по прямому назначению, то есть строительная. Обменять, продавать или ещё что-то сделать мы в те годы не имели права. В декабре 1976 года образовали трест «Спецстроймеханизации» в составе УМ-1 города Йошкар-Олы, УМ-2 города Волжска, УСП-1 города Йошкар-Олы, УСП-2 города Волжска и УПТК. Управляющим назначили Власова Б.В., главным инженером – Сметанина М.Н.

Созданный трест в начале 1976 года в течение года базировался в здании УМ-1, причиняя нам массу неудобств.

Так кабинет начальника оккупировал управляющий, и начальник УМ-1 Булыгин находился у меня в качестве квартирантка, красный уголок занимали службы треста и т.д. Затем они заняли помещение предполагаемого магазина в центре города, очень много сделали руками своих сотрудников, осо-

бенно в подвале, где оборудовали красный уголок, в котором в дальнейшем проводились все собрания треста. Как правило, всем хватало места, правда в летний период было душновато. Сказать, что мы были рады созданию треста, было бы неправдой. Трест создавался для специализации определённых видов работ (работы нулевого цикла, канализация и водопровод, строительство дорог), но мы, как Управление механизации, обслуживали кроме своего треста и другие общестроительные тресты, замлеройной техникой, грузоподъёмными механизмами. Вот тут-то возникла масса проблем. Мы подчинялись тресту, и, в то же время, должны были выполнять указания МТУС. Были моменты, когда один механизм тянул в три стороны – кто перетянет. В конечном итоге, как правило, попадало начальнику УМ. В этом отношении начальнику УМ в городе Волжске было легче; он обслуживал один трест, не в пример нам, где обслуживались четыре подразделения МТУС: трест «МССМ», трест «Йошкар-Оластрой», трест КПД-ДСК.

Летом 1977 года я вдрызг разругался с управляющим трестом Власовым (правда, он был неплохой мужик) из-за своего начальника Булыгина В.П., которому записали несколько выговоров со стороны МТУС, как я считал несправедливых, подал заявление на увольнение. Меня в МТУС задержал начальник отдела механизации и транспорта Безденежных Д.П., мой старый друг. Он уговорил главного инженера МТУС Козырева Ю.П. образовать должность главного механика и назначить на эту должность меня.

Так я стал главным механиком МТУС. В этой должности я работал три года, до декабря 1979 года. Первым делом я в течение почти года занимался пуском в эксплуатацию керамзитового цеха, благо у меня был опыт по этому делу (пуск в работу керамзитового цеха на заводе ЖБК в 1970 году). Мы всем отделом, а нас было шесть человек, занимались реализацией машин и механизмов, запасных частей, размещения заказов на ремонт и всеми делами, что касалось техники. Работы хватало. Кроме того, я был избран председателем месткома. В профсоюзе управления МТУС насчитывалось более двухсот

человек. На этом поприще я работал безвозмездно, а вообще в те годы у меня был оклад 200 рублей и за всё время работы я получил 60 рублей премии.

Накануне ноябрьских праздников я жестоко поругался с начальником МТУС Зейтулаевым Э.Д. из-за моего заместителя по профсоюзной линии и подал заявление на увольнение. Вскоре в декабре, я снова вернулся работать в УМ-І, опять в качестве главного инженера. Начальником был Губарев Ю.А. За моё отсутствие в УМ-І мало что изменилось. Единственно, был организован участок по ремонту гидравлики с прессом по изготовлению резиновых люнет, который был приобретён перед моим уходом в 1977 году при моём непосредственном участии. Начало было строительство пристроя к административному корпусу и заканчивалось оборудование столовой на месте бывшего буфета и красного уголка.

Я рьяно взялся за работу, истосковался по живой работе, находясь в МТУС.

В то время начальником УМ-І был Губарев Ю.А., который был приглашён на эту должность управляющим трестом Власовым Б.В. Губарев сменил Булыгина, который был переведён заместителем управляющего трестом по механизации. В силу своего характера Булыгин В.П. не был руководителем. Он был хорошим приятелем, с ним можно было хорошо выпить, послушать анекдоты, поговорить о женщинах, он весь был в работе, что-то добывал, но организовывать работу, вести какую-то целенаправленную работу был не в состоянии, да и не хотел.

Губарев же был другого склада ума. В короткий срок он заставил всех уважать себя, наладил дисциплину, порядок. При нём УМ-І стал одним из передовых предприятий города, он много вращался в кругах местной элиты, советских партийных органах. При нём мы планы выполняли на 170-180%, даже звёзды зажигались в честь нашего предприятия. Но всё это было обыкновенной показухой развитого социализма. И когда я снова дал согласие идти работать в УМ-І главным инженером, мне многие говорили, что я вряд ли сработаюсь с начальником, так как по пословице – «два медведя в одной

берлоге не уживаются². Но вопреки этим прогнозам, я нашёл общий язык с начальником, и не на этой почве моей уступчивости, а на разделении с... деятельности. Он летал по верхам, а я стал заниматься производством; он проводил идеологические планёрки, а я – производственные; он занимался спортивной организацией и профсоюзом, а я – модернизацией оборудования и введением новшеств, ростом производительности труда, улучшением бытовых и производственных условий ремонтных рабочих и так далее. И мы вполне ладили.

Вследствие этого все наши экономические и технические показатели стал улучшаться, и руководство МТУС в лице Зейтулаева Э.Д. заметило делового руководителя, и Губарева назначили заместителем начальника МТУС по материально-техническому снабжению.

Это произошло в 1983 году, я остался исполняющим обязанности начальника УМ-I. По своему характеру я любитель работать самостоятельно, не терплю никакого насилия и командирства над собой, а это при командно-административной системе огромный минус любого человека, который мечтает о командных высотах. Я же никогда об этом не мечтал, никогда не напрашивался, общался с руководством только по вызову, постоянно находился в коллективе, жил его интересами. Всё это, видимо, мне досталось по наследству от моего отца Смаила Халиловича.

Как мне сказал управляющий трестом Власов Б.В.: «Руслан, тебя ставить начальником нельзя, ты очень горяч, и я боюсь, ты раздерёшься с Зейтулаевым». Я с ним согласился, хотя мне несколько было обидно, не за то, что меня нельзя назначить начальством, нет, а за то, что мою горячность отождествляют с хулиганством. Моя горячность зачастую вызывалась той удушливой, застойной атмосферой тех лет с несправедливостью по отношению к механизаторам. Люди, которые выполняли основную работу с помощью механизмов, на стройках получали в полтора-два раза меньше рабочих-строителей. Имея пятый-шестой разряд, только за счёт переработки и приписок рабочий-механизатор мог заработать 220-250 рублей в месяц.

Когда механизатор уходил на пенсию, то заработок исчислялся из расчёта восьмичасового рабочего дня и от ... тарифа, и, в результате, ему начисляли пенсию в размере 80-85 рублей в месяц и это высококвалифицированному рабочему. Я всячески бился за ввод механизаторов в бригады строителей, но это, в большей части, было непосильно, особенно в нашем специализированном тресте, где на первом плане был рабочий, прокладывающий трубы.

О том, как работают «трубоуклады» на одном из собраний красочно рассказал как-то знакомый экскаваторщик Жигалов: «Руслан Смаилович, ответь мне пожалуйста, почему производя почти 90% работы по прокладке коллектора, я получаю в два раза меньше трубокладов?» К примеру, копаю-копаю, рабочие спят в бытовке, играют в домино в карты, выкопал ложе для трубы, они выходят, цепляют за ковш экскаватора трубу, я её опускаю в траншею, заталкиваю ковшом в предыдущую трубу, они снова уходят в бытовку, я закапываю. И так постоянно». Я ничего на этот вопрос не мог ответить, кроме того, чтобы он попытался войти в состав звена.

Условия по вводу рабочих-механизаторов в состав строительных бригад были разработаны, но ввод был возможен только с согласия бригады, поэтому малочисленные звенья и бригады всячески сопротивлялись этому, считая, что механизатор отбирает у них львиную долю заработка, имея высший разряд. Поэтому мастера и прорабы вынуждены были идти на приписки или отдельные липовые наряды для механизаторов. Стоимость машино-часа механизатора всегда была низкой, и удельный вес их в общей себестоимости строительно-монтажных работ не превышал 5-6%. Несмотря на это управления механизации в те годы работали прибыльно, хотя на этот показатель мы обращали мало внимания. Для нас было главное – рост производительности труда. Этим оценивалась работа всех ИТР и, особенно, главного инженера. Когда в 1970-е годы мы занимались только эксплуатацией машин и механизмов, доля заработной платы в общем ... составляла 40-45%. Затем управления механизации стали заниматься специализированными

работами – свайными, монтажными, земляными работами совместно с автотранспортными предприятиями и так далее. При этом доля заработной платы стала заметно уменьшаться в расчете выработки на одного работающего. Стал за 1981-1989 годы у нас удельный вес зарплаты уменьшаться с 41 до 24% на строительно-монтажных работах. Созданный спецучасток в составе трехсот человек давал выполнение СМУ больше, чем остальные шестьсот рабочих-механизаторов. И мы, естественно, на этот участок чуть ли не молились. Он нам давал всем пропитание, то есть фонд зарплаты. Естественно, ни о каких излишествах мы не мечтали.

Вот такова была в те годы обстановка, и я не рвался в начальство. Начальником вскоре, в том же 1983 году назначили Безгачева, который незадолго до этого поступил к нам работать начальником транспортного участка. До этого он работал начальником транспортного предприятия в Кировской области, всю свою сознательную жизнь он был связан с техникой, работал трактористом в колхозе, экскаваторщиком на стройке, технику знал хорошо, но в вопросах управления производством и экономикой был слабоват, но по натуре – послушный. С ним вместе мы работали до мая 1992 года в дружбе и согласии.

За период 1981-1992 годов мы в меру своих сил укрепляли материально-техническую базу управления. База механизации проектировалась и начала строиться в конце 1960-х – начале 1970-х годов, на техническое обслуживание трехсот единиц строительной техники, из которых половина отводилось на обслуживание и ремонт средств малой механизации. В связи с переходом в конце 70-х годов к специализации управления-механизации на эксплуатацию и техническим обслуживанием крупной строительной техники (экскаваторы, бульдозеры, строительно-дорожные машины, передвижные компрессоры и широкий спектр самоходных грузоподъемных кранов), база механизации по своей оснащенности и размерам производственных площадей уже не отвечала современным требованиям. Там, где-то это понимали, к примеру, у наших соседей в Чувашии, Горьком, с которыми мы общались, строили и

реконструировали существующие базы, дела шли значительно лучше. К примеру, в городе Горьком подобное нашему Управление механизации (650 работающих, 320 строительных и грузоподъемных механизмов) имело в 1,5 раза больше производственных площадей, земли, что позволило проводить техническое обслуживание в полном объеме и с хорошим качеством. Это позволяло держать коэффициент технической готовности на высоком уровне, да и условия труда обслуживающего персонала были на довольно хорошем уровне, особенно в зимний период.

О каком нормальном техническом обслуживании на базе можно было говорить, при наличии 120 единиц автотранспорта и автокранов мы не располагали площадями для ремонта и технического обслуживания башенных и стреловых пневмоколесных и гусеничных крупнотоннажных кранов. Имея четыре смотровые канавы в профилактории, нужно было обслуживать ежедневно ...

Мы постоянно обращались к руководству треста «Марспецстроймеханизация» и Марийского МТУС с просьбой выделить средства для строительства профилактория для обслуживания и ремонта грузоподъемных кранов, но они сумели изготовить лишь проект профилактория в 1991 году, когда начались экономические реформы с непредсказуемыми результатами и последующей за этим «шоковой терапией», и о таком централизованном финансировании и мечтать не приходилось.

В годы так называемого «застоя» и последующей перестройки ежегодно расширяли и обновляли парк мобильных основных средств, всеми правдами и неправдами расширяли парк оборудования базы механизации, за счёт внедрения рационализации изготавливали собственными силами различные механизмы и приспособления, облегчающие труд ремонтников. На базе механизации собственными силами были изготовлены различные прессы, подвижные кран-балки, так только одних грузоподъемных механизмов имеется более 25 единиц, имеются различные манипуляторы. Имеется полностью механизированный участок по изготовлению стропового хозяйства,

капитального ремонта двигателей внутреннего сгорания, капитальному ремонту гидравлических насосов, гидродвигателей, электродвигателей, стендов по испытанию и наладке приборов безопасности труда, грузоподъемных кранов и гидравлики.

За эти годы собственными силами построены: трёхэтажный пристрой к административному зданию, механизированный центральный склад и склад оборотных узлов и агрегатов, значение которого трудно переоценить, полностью механизированный склад узлов и агрегатов. Производственные площади увеличены на 1000 квадратных метров, построили сауну, душевые, раздевалками обеспечили весь ремонтный персонал, создали выездные рабочие бригады с оборудованием необходимыми инструментами и оборудованным автотранспортом (передвижение машины «Гидросервис» с очисткой гидравлических масел прямо на объекте, сварочные, мобильные автомашины, передвижные электромастерские и другое). Создали мощный склад узлов и агрегатов. Всё это позволяло держать коэффициент использования стройтехники на довольно высоком уровне (по этому показателю среди Управления механизации Минстроя СССР, а затем и РФ мы были постоянно в первой десятке). Но в то же время всё это давалось с большим трудом из-за нехватки производственных площадей. Поэтому мы всегда с нашим трестом в конфронтации, особенно я. Управляющий нашим трестом Власов В.Б. (заслуженный строитель РСФСР) мало вникал в наши дела, ему и другим руководителям нужен был только выход техники, а как это делается, всем им было, как говорится, «до лампочки».

Правда совместно с трестом мы в 1980-1994 годах построили три пятиэтажных дома, базу отдыха «Чародейка» на Волге, двенадцатиэтажный дом. Управлению механизации, хотя основную тяжесть по строительству собственного жилья в городе Йошкар-Ола несло оно, достались крохи. В среднем ежегодно по десять-двенадцать квартир. При общей потребности в 260-270 квартир. Люди ждали благоустроенного жилья по десять-двенадцать лет. В это же время строители получали его через пять-шесть лет.

Все эти перекосы и дискриминации со стороны треста по отношению к механизаторам и резким отставанием заработной платы от зарплаты строителей (в два-три раза), начиная с Павловских реформ 1991 года и развалом СССР после ГКЧП, понудило нас в сентябре 1991 года подать заявку всем коллективом Управления механизации на выход из состава треста и работать самостоятельно. Для этого у нас были все предпосылки, да и закон о приватизации позволял это сделать.

И вот началась борьба. Трижды руководители треста в 1991 году пытались убедить рабочих Управления работать совместно, и каждый раз получали отказ. Тогда руководство треста начало обрабатывать отдельных работников (особенно ИТР) в той или иной степени недовольных или зависимых от Власова (Коримов – бывший секретарь парткома треста, работавший у нас после изгнания с должности за различные махинации Зейтулаевым, главным механиком, начальником участка CLV и контролёром КПП, начальником участка землеройной техники Желудкова, бывшего секретаря парткома треста, прораба участка грузоподъёмных кранов Белкина, бывшего секретаря парткома треста. Кстати, все они в своё время без очереди получили квартиры из ... управляющего. Объективности от них и подобных им людей нечего было ждать. Об этом я предупреждал неоднократно рабочих управлений, и они единодушно давали обещание поддержать нас в борьбе за самостоятельность, особенно меня.

В декабре 1991 года мы подали заявку в Госкомимущество Республики Марий Эл на выход из состава треста «Марспецстроймеханизация». Этот процесс всячески пытался затормозить тогдашний руководитель Госкомимущества Токтаулов Т.С., он также ничего не мог поделать против воли коллектива И «Закона о приватизации» и скрепя сердце согласился на создание арендного предприятия «Мехис2 на основе УМ-1 (по слухам у него было много противников из треста).

В марте месяце 1992 года мы создали А.п. «Мехис», вышли из состава треста МССМ, также из состава ТСО «Марстрой» (начальник Зейтулаев), но руководители треста не успокоились,

проводили усиленную подпольную работу (особенно старался тогдашний заместитель управляющего Губаре Н.А.), направленную на дискредитацию руководства А.п. «Мехис». Главным врагом у них был я, и они повели тонкую борьбу против меня на почве национальной нетерпимости.

В чём же эта борьба заключалась? Возвращусь назад, к тем годам, когда разрешили крымским татарам селиться и жить в Крыму. Многочисленные мои родственники жили и в Узбекистане, и в Казахстане, и на Кавказе в Адлере, Кабардино-Балкарии, Туапсе. Но первым рискнул поехать в Крым мой двоюродный брат Нусрет, который решил поселиться в городе Саки Крымской области, куда он приехал в начале 1976 года и купил дом. Я в том же году летом решил его навестить. Жил он в частном доме на окраине города Саки, но его не прописывали, у него в то время было две дочки и жена Рефика в положении. И его не прописывали, ссылаясь на различные причины, будучи членом КПСС взносы он платил к Сакский райком, и секретарь райкома уговаривал его отправиться в Самарканд, откуда он приехал. А ведь у нас было право, правило, оно и сейчас действует вопреки Конституции: кто не прописан, того не принимают на работу. Так вот Нусрет Гемеджи с тремя детьми (третья родилась в сентябре 1976 года) в течение одного года жил в купленном им доме в городе Саки общей площадью 105 квадратных метров не прописанным и каждый месяц платил штраф по 10 рублей на каждого взрослого (двадцать рублей на двоих) за нарушение паспортного режима. Выдержал только из-за того, что у него были золотые руки механика (ремонтировал частные машины) и мог делать любую работу. Детей в школу в 1976 году приняли лишь после разрешающей телеграммы Министерства Просвещения СССР. И таких случаев были сотни. Многие, не выдержав этого давления, возвращались назад.

В те годы выдерживали это давление наиболее стойкие. Хотя ведь официально не было никаких препятствий на возвращение в Крым крымским татарам.

Подписав конвенцию по правам человека в 1972 году, СССР взял на себя также обязательство по реабилитации репрессии-

рованных народов. Но что стоит для тоталитарного государства подписи договоров, оно их нарушало ранее, нарушает и будет нарушать, при этом лить крокодиловы слёзы, если подобное случится где-то в другом государстве.

И так вот в 1976 году я воочию убедился в фарисействе наших правителей, до этого, живя в отдалении от основной массы крымских татар, я свято верил в дружбу народов. Дружба народов хороша для правителей только в том случае, если ты не рыпаешься и не предъявляешь свои права. Только стоит заикнуться о своих правах, как тут же найдутся сепаратисты, экстремисты (террористы) и тому подобные, начинается на- травливание народа на другой. Имперские политики – «раз- деляй и властвуй».

Конечно, в годы Брежневского правления, нечего было и думать о каком-либо выступлении за свои права, хотя были диссиденты, которые ценой своей жизни пытались вернуть права крымских татар проживать на своей родине.

К примеру, генерал Григоренко, который выступал за воз- вращение крымских татар в Крым, Джемилев и другие, которых официально гноили в тюрьме и лагерях.

Только в годы перестройки в конце 1980-х годов открылась дорога для переезда татар в Крым, но руководство Узбекистана не хотело отпускать квалифицированные кадры промышленности, автотранспорта и строительства, какими являлись татары. Что самое примечательное: татары не требовали квартир, им нужна была прописка в купленных ими домах. Цены на частные дома резко подскочили. Но несмотря ни на что численность татар в Крыму к году дошла до 280 тысяч человек. Были созданы строительные подразделения из числа крымских татар, которые строили для переселенцев дома. Рабочая сила была, не хватало лишь техники и строительных материалов. Матери- альную помощь были призваны оказать Узбекистан, Украина и Россия. Марийская АССР также была задействована в эту работу: многие татары, живущие здесь, пожелали вернуться на свою историческую родину при условии: там их обеспечивают жильём, здесь же они сдают государству своё жильё. Марий-

ское ТСО в лице его начальника Зейтулаева в 1991 году приступило к оказанию помощи крымским татарам в выделении строительной техники не в ущерб своему производству.

Летом 1991 года в ТСО «Марстрой2» состоялось совещание, на котором присутствовали представители строительных организаций Крыма, управляющих трестом КПД Когана и трестом МССМ Власова, я также присутствовал на этом совещании, где приняли решение о всемерной помощи крымским татарам в обустройстве в Крыму, а также создании строительном подразделении ТСО «Марстрой» в районе Евпатории. Зейтулаев лично мне дал задание подготовить перечень стройтехники, которую мы можем передать строителям Крыма. Власов его поддержал. Летом того же года мы продали по остаточной стоимости и договорной цене в Крым кран К-161 (списанный), бульдозер Д-646 (списанный) и сами же отвезли их. Рf все было заплачено. Затем в декабре месяце продали башенный кран С-98 с истекшим сроком эксплуатации, экскаватор Э-10011, бульдозер Д-606, трактор К-700 – все списаны или с истекшей амортизацией, то есть старьё, дали автокран в аренду. Всё было сделано согласно распоряжения ТСО «Марстрой» за подписью Зейтулаева. Крымцы за все заплатили ещё в декабре 1991 года, но до апреля не могли вывезти. Вот тут-то всё и началось. Во-первых, взвыл вновь принятый в феврале месяце 1992 года главный бухгалтер Тинин, ярый враг Зейтулаева (в ТСО работал главным бухгалтером и его с треском отправили на пенсию в 1991 году). «Как этот так, так дешёво! (списанный бульдозер – 4000 рублей (новый стоил 6300)) и так далее. В этот вой вклинились руководители треста МССМ: «Грабят!». «Эти татары – Зейтулаев и Хайрединов весь –УМ-1 продадут в Крым и сами смонются туда», – слова Губарева, который уже претендовал на роль управляющего трестом и особенно болезненно воспринимал потерю Управления механизации. Конечно, все эти вопли взбудоражили коллектив.

И вот в мае 1992 года состоялось выборное собрание А.п. «Мехис». Выборщики, а их было около 60 человек из 650 работников, начальником выбрали «диссидента» Каримова,

якобы до этого «гонимый», выразили недоверие руководству, в том числе и мне. На этом собрании я выступил, но видно было, что бесполезно выступать, людей подтолкнули, довели до экстаза, когда обыкновенные слова не доходят до сознания. В ответ я говорю, что продали всё в 1991 году, когда в том же году мы купили трактор Т-75 (почти новый) за 3000 рублей, а бульдозер, который был в эксплуатации 9 лет продали за 4000 рублей; ни до кого не доходит, все оперируют ценами мая 1992 года (цены к этому времени возросли в три-четыре раза). Короче, руководство треста протасило на должность начальника своего человека – Каримова (сместила Безгачёва Т.Е., который затем работал главным инженером), а еще ранее я говорил, что работать с ним не буду ни одного дня (даже если бы меня принудили). Меня не переизбрали, переизбрали начальника. Так и случилось, я уволился. Здесь уместно вспомнить короткое стихотворение.

Два месяца был безработным, затем меня приняли на работу в качестве главного инженера вновь созданного управления механизации и транспорта А.п. «Монолитспецстрой» (начальник Цуркан А.П.).

Мне снова пришлось начинать почти с нуля. Тогда УМиТ располагался на территории бывшего участка механизации треста ..., рядом с УМ-I, где начали интенсивно строить гаражи и другие помещения. Вначале было небольшое количество стройтехники и автотранспорта, скудный станочный парк, работала около ста человек.

За 1992-1993 годы количество стройтехники и автотранспорта возросло до ста пятидесяти единиц, а численность до двухсот пятидесяти человек, мы привели и пустили в эксплуатацию восемнадцать единиц грузоподъёмных кранов, в том числе шесть башенных, получили лицензии на их эксплуатацию и монтаж. В те годы дела шли хорошо, заработок был неплохим (рабочие механизаторы зарабатывали до 350-400 рублей при общем уровне заработка в аналогичных предприятиях 130-150 рублей), но, начиная с 1994 года, темпы строительства резко

сократились, и рабочие заработную плату не получали по два-три месяца. Настроение у людей резко упало, да и начались сокращения.

В конце года я понял, что главному инженеру в этой организации делать нечего, попросился прорабом участка грузоподъёмных механизмов, не перевели, и я уволился.

Опять остался без работы. Ещё раньше ко мне обратились работники АО «Мехис» (с декабря 1993 года он стал акционерным обществом) с просьбой возглавить его, я неизменно отказывался, говоря, что мне и в АО «Монолитспецстрой» не плохо, благо не отвечаю за финансы.

18 ноября должно было состояться отчётно-выборное собрание АО «Мехис». За неделю до собрания ко мне пришли представители и попросили помочь предприятию, которое в то время находилось в критическом состоянии, руководство во главе с Каримовым В.М. полностью дискредитировало себя, так как заработную плату рабочие не получали три-четыре месяца, она очень низка, а процветает пьянство, прогулы, одним словом, – полный разброд. Создавались две противостоящие силы: с одной стороны, Каримов со своей командой, со второй – его оппоненты во главе с начальником ОК Якимичевым и главным экономистом Путиловым. Ко мне пришли представители старых кадров, с которыми я начал работать ещё в 1973 году. Поколебавшись, я согласился (кстати жена была категорически против). Но для того, чтобы бороться за ввод в число Совета директоров, надо было иметь не менее 32 акций, а мне за восемнадцать лет работы в УМ-I досталась лишь 21 акция (к примеру, Путилов, отработав в УМ-I два года, имел 127 акций, Каримов за пять лет работы заимел 137 и так далее). Поэтому мне пришлось купить ещё 11 акции по цене 4459 при номинале 1000 рублей. Что не сделаешь ради идеи.

И вот наступил день X – 18 ноября 1994 года, красный уголок на двести мест (мы его построили в 1985 году) был переполнен. Все ждали сенсации, и видно было по всему, что руководство АО ждало отставки. По крайней мере, ко мне

подходили даже рабочие, которые в своё время мною были наказаны по разным причинам, в основном, за нерадивость, и говорили, что будут голосовать за меня.

В Совет директоров поступило 24 заявления не только от работающих в АО, но и со стороны. Кроме меня со стороны были поданы заявления от работников т АО «Срецстроймеханизация», которые имели акции АО «Мехис» в достаточном количестве. К примеру, главный инженер Управления спецработ Беднов работал в АО «О..», Беднов держал в руках табличку с числом акций более 3500, также сделал заявку в Совет директоров управляющий АО «ССМ» Губарев, да, тот самый главный подпольщик-революционер. Самое парадоксальное в том, что в 1992 году он не добился своей главной цели прибрать к рукам АО «Мехис». Всё же зерно, посеянное нами тогда, дало свои всходы, и рабочие управления не дали себя обмануть, скинули со своих плеч захребетников. Другие (УСР-I, ССМУ-19 и УМ-2 в Волжске) не смогли выйти на самостоятельность, особенно меня удивляют волжане. Практически у них нет никаких экономических связей с АО «ССМ», бедствуют, никакой помощи нет от Губарева, но держатся за него. Здесь, видимо, более глубокие связи, скрытые от постороннего глаза.

Собрание вела представитель Госкомимущества Пермьякова, видимо поднаторевшая на подобных сборищах. С информацией по работе за девять месяцев выступил Каримов В.М., который долго и нудно говорил о том, какие есть трудности, какие налоги, сколько на руб... приходится прибыли и так далее, но не сказал о балансе девяти месяцев, в котором отражены убытки в размере 190 миллионов рублей и долги в бюджет и ссуда в размере 250 миллионов рублей, взятая под 185% годовых накануне собрания для выдачи заработной платы за четыре месяца.

Затем выступил начальник ОК Якимичев Е.П., бывший председатель ревизионной комиссии, которого Каримов сместил осенью 1994 года за слишком большое любопытство и в октябре месяце составил новое штатное расписание, в котором Якимичеву не нашлось места.

Выступление Якимичева было очень разоблачительным, правда, построенное, в основном, на эмоциях, бездоказательно. Это, естественно, подогрело присутствующих, и они с овациями проводили Якимичева.

При оглашении заявлений на Совет директоров Пермякова попытались составить список на двенадцать кандидатов, оставив за чертой меня и идругих подавших заявление в последний момент. Народ запротестовал, и ей ничего не осталось больше, как включить меня в списки всех претендентов.

После подсчёта голосов (голосование было тайным) в Совет директоров попали следующие заявители: Хайрединов, Якимичев, Путилов, Желудков, Кочаков, Емельянов и Губарев).

Эти семь претендентов на должность генерального директора собрались под председательством Пермяковой и приступили к выдвижению его.

Губарев сразу же предложил кандидатуру Якимичева, его поддержали Путилов и Желудков, Пермякова как альтернативу предложила меня, её поддержали Кочаков и Емельянов. При открытом голосовании с большим преимуществом прошла кандидатура Хайрединова Р.С.

Итак, я стал генеральным директором АО «Мехис», но радости не испытывал. С годами честолюбие уходит, остаётся озабоченность. Но в те минуты я ещё не полностью осознавал, какие трудности ждут меня.

Приступив к работе, я сразу же начал формировать руководство: главным инженером назначил Кочакова Л.И., который к тому времени работал начальником участка грузоподвесных кранов, ветерана управления механизации (с 1971 года), начинал водителем, работал автокрановщиком, механиком. Одним словом, прошёл все этапы: рассудителен, нетороплив, пользуется уважением рабочих; заместителем по экономике и финансам назначил Путилова В.А., который до этого работал главным экономистом; заместителем по кадрам и юридической работе назначил Якимичева Е.П., который и раньше выполнял эти обязанности, будучи начальником ОК, главным механиком

назначил Желудкова В.П., отправив на пенсию занимающего эту должность Булигина В.П., заместителем по снабжению и сбыту (коммерческим директором) был назначен Емельянов Н.В., до этого работавший начальником РММ – все члены Совета директоров закрепили Губарева Ю.А., который за участие в работе АО «Мехис» должен был (по решению собрания акционеров) получать ежемесячную зплату в размере средне-месячной зарплаты рабочего (160-170 рублей). В 1992 году, когда я уходил, в УМ-I работало 650 человек, имело около 390 единиц стройтехники, К 1994 году насчитывалось 64 человека, то есть около 10% от общей численности.

В конце 1994 года насчитывалось коло 160 единиц стройтехники (за годы реформ приобретено УАЗ-469 и автобус ПАЗ), да и количество техники имело амортизации износ более 80%. Средняя численность – 410 человек, ИТР – то же, 64 человека.

Передо мной стояла задача резкого сокращения численности инженерно-технических работников и довести её в течение I квартала 1995 года до 10% от общей численности. Процесс весьма болезненный.

Экономические показатели никудышные: дебетовая задолженность 12000 миллионов рублей, картотека в банке – 590 миллионов, ссуда – 250 миллионов рублей, кредиторы – 90 миллионов рублей, убытки за 1994 год составили 300 миллионов рублей, это в то время, когда УМ-I в 1980-е годы имело устойчивую прибыль 1-1,3 миллионов рублей ежегодно (в старых ценах) и никогда не испытывало недостатка в средствах.

Более того, из имеющихся 160 единиц на объектах работало не более 63 единиц, остальное – не востребовано. Чем их занять, где найти работу?

Всё это разом обрушилось на меня. Имея определённый опыт технического руководителя, да и экономический до « шоковой терапии» я несколько владел, перед всемэтим я просто-напросто растерялся. Постоянно читал периодическую литературу, особенно «Московские новости», где довольно-таки часто и подробно описывались экономические аспекты сокращённого производства. Но как быть, за что уцепиться,

когда одни долги, и тебе никто не платит. Заберём у них технику, тем хуже для тебя. При работе есть хоть какая-то надежда, кто когда-нибудь, да заплатят.

В то время небольшое количество техники работало в городе Казани. Первым делом вскоре же поехал туда на разведку, нужна ли ещё техника, выяснилось, что нет. Да и рассчитываются казанцы неохотно.

Затем поехал в город Козьмодемьянск, где был наш участок механизации, обслуживающий местный трест «Приволжскстрой», который задолжал АО «Мехис» 250 миллионов рублей. И там глухо – заказчики задолжали ему около 800 миллионов рублей и не рассчитываются. Все местные строительные организации города Йошкар-Олы в конце 1994 года на мели, заказчики задолжали, особенно воинские части, МВД и городская администрация – бюджет не выделяет средства, хотя в течение годы были и обещания и заверения. Я мечусь как зверь в клетке, но никакого толку. Кончается декабрь, и я вижу, что зарплату за октябрь, ноябрь нет никакой возможности выдать. Да и зарплату за июнь-сентябрь прежняя администрация выдала только за счёт ссуды, за которую придётся расплачиваться нам. Снова брать ссуду? И как долго можно протянуть так?

Посоветовавшись с заместителями, я принял решение: во-первых, отделить участок механизации в городе Козьмодемьянске и создать там товарищество ограниченной ответственности (ТОО), что и было сделано вскоре, затем перейти в другой банк «Акпарс», где нам обещали льготный кредит на зарплату. Это тоже мы сделали. В конце декабря с нами векселями с погашением в марте 1995 года рассчитались организации УСП-1 и ССМУ-19 на общую сумму 220 миллионов рублей, которые я оставил для реализации на зарплату. В банке «Акпарс» взяли кредит на 70 миллионов рублей для выплаты зарплат за декабрь и январь 1994 года, которую выплатили в января 1995 года. Произвели сокращение ИТР, довели до 50 человек (в первую очередь уволили пенсионеров). В конце года общая численность составляла – 350 человек.

На первое полугодие 1995 года бума в строительстве по городу Йошкар-Оле по всем источникам не предвиделось. К примеру, в прежние застойные и перестроечные времена в начале года мы усиленно занимались земляными работами, пилили, долбили, рыхлили. Сегодня вся эта техника была на простое.

Не востребованными стояли три чебоксарских бульдозера ДЗ с рыхлителями, девять буровых землерезных машин, долбёжки и бурмашины. Раньше всего этого не хватало, и мы шутили: «Пётр I напрасно Новый год перенёс на январь, лучше было бы новый год начинать с сентября месяца».

Наша гордость – буровые землерезные машины на базе тракторов Т-73, С-100 и Т-170, изготовлением и внедрением которых занимались с 1971 года в содружестве с профессором политехнического института Юдиным В.Г., сиротливо ожидали случайного заказчика, нередко лишь для аварийных работ на водопроводе. Сваебойные агрегаты в количестве пяти единиц также выстроились в линейку во всю территории базы. все гусеничные краны РДК... встали во дворе, задрав стрелы к небу, – лес жирафов, три десятка бульдозеров, то есть порядка ста двадцати единиц стройтехники, скопились на территории. Что делать?

Решили часть техники списать и разобрать на узлы и агрегаты. Для этого из высвободившихся механизаторов создали бригаду из десяти – двенадцати человек, часть – продать.

Ещё в конце перестроечных лет, читая периодику, пришёл к выводу, что такие специализированные предприятия, как УМ, бесперспективные, особенно в части эксплуатации, та как «чужой» механизатор строителями воспринимается, как человек, отбирающий у них кусок хлеба.

Во всём мире строительные фирмы малочисленны. Пятьдесят-шестьдесят человек имеют свою технику, механизаторы-универсалы могут работать на двух-трёх вилах машин и поэтому не простаивают, как часто было у нас. А вот технику обслуживают и ремонтируют специализированные организации, подобно нашей.

Вот к этой-то перспективе я стремился подготовить предприятие. Для выполнения данной работы, кроме оборудования и квалифицированного персонала должна быть номенклатура сборочных узлов и агрегатов и запасных частей, как для себя, так и, что особенно важно в рыночных условиях, для заказчика. Но за три года экономических реформ этот потенциал напрочь был утрачен, тот же набор исправных узлов и агрегатов, который был накоплен в течение этих лет, совершенно не пополнялся, ремонтный персонал разуверился во всём. Тарифы низкие, премий нет, и люди зарплату во многом воспринимали, как пособие по безработице. В любое время могли не выйти на работу – руководство только радо – не надо платить зарплату.

Вот с таким настроением мы вступали в 1995 год.

В основном мы закупали горючее – дизельное топливо, бензин и сжатый газ. Ничего этого также не было. С трудом обеспечивали работу тех немногих машин, которые ещё работали.

Ещё в 1992 году мы задумали строить боксы для ремонта и технического обслуживания башенных и строительных кранов после того, как не получилось со строительством профилактория. Тогда же была очищена площадка от старых строений на территории. С тех пор ничего не было сделано. Я дал задание приступить к строительству бокса производственной площадью 936 квадратных метров – трёхпролётного. Цех нужен был не только для ремонта, но и для обеспечения работы по продлению срока службы грузоподъёмных кранов, что крайне необходимо в сложившейся обстановке, покупка новых кранов нам просто не по карману. Кроме того, мы в конце 1980-х годов стали осваивать кроме традиционных – забивных и другие – буронабивные (пешеходный мост через Кокшагу в городе Йошкар-Оле покоится на буронабивных восемнадцатиметровых сваях), а также набивные 9выштамповочные). На таких сваях построен цех КСМ Агростроя в 1990 году, и после этого всё было заброшено, хотя экономия от применения выштамповочных свай по сравнению с забивными – три-четыре раза пи

той же несущей способности. Но при затратной экономике эта экономия не нужна была никому. Я заставил снова заняться выштампованными сваями, благо подвернулся объект «Фабрика детского питания», генподрядчик – «Марийскмолпродукты», которых мы убедили принять наше предложение. Проект разработал преподаватель политехнического института Глушков А., с которым мы сотрудничали ещё и в строительстве цеха КСМ в 1990 году.

Все свои действия на 1995 год мы утвердили на Совете директоров, но я предупредил всех, что основные строительные работы начнутся не ранее середины мая месяца того года, поэтому нужно подтянуть пояса, то есть сократить рабочий день до семи часов, и людей по очереди направлять в отпуска с минимальной оплатой труда. Минимум мы определили – 50 тысяч рублей. Видя, что люди с неохотой идут в отпуска, написал приказ на себя и отправился в отпуск на три месяца. Все были шокированы. В отпуске был один месяц (с 1 февраля по 1 марта), затем меня Совет директоров отозвал. За это время ничего существенного не произошло. Средств на осуществление по-прежнему не было, но приближался момент (13 марта) для реализации векселей, что вселяло надежду на выдачу заработной платы за декабрь-январь и возврат ссуды банку «Акпарс». А то ссуда в 350 миллионов рублей требовала ежемесячные взносы в размере 40 миллионов рублей, проценты, которые с первоначальных 185% выросли до 200%. Срок действия кончался 4 мая того года, и мы, если бы не вернули ссуду в намеченный срок, то выходили на 400%. Банки, как вампиры, высасывают всё из попавших в беду организаций.

ОТНОШЕНИЕ К КОММУНИЗМУ

Делая эти записи, я прочитал в «Известиях Марий Эл» за 3 августа 1995 года извещение под заголовком «Президент вовлекает в игру тяжёлую фигуру» о назначении первым заместителем президента Зотина D?V?? бывшего первого секретаря Йошкар-Олинского горкома КПСС. Перед разгоном КПСС в 1991 году Матвеева D/F/? который в своё время имел кличку

«Танк» – так говорилось в статье. Что ж, круг замкнулся. Все бывшие партократы заняли ключевые посты в Республике Марий Эл. Всё то, с чем народ к демократии в начале 1990-х ушло в небытие. С каким энтузиазмом народ поддержал Ельцина в его борьбе с коммунистической деспотией, как все надеялись на улучшение жизни, на создание правового государства. Всё потопили в словоблудии.

Да, я был коммунистом с 1967 по 1991 годы, вырос в семье коммуниста. Идеалы коммунизма для нас были святыми. Несмотря на все репрессии, которым подвергались, мы связывали их с отдельными личностями, а не с коммунистической системой.

Был Сталин – его разоблачил Хрущёв, Хрущёва разоблачил Брежнев, Брежнева – Андропов, Черненко – Горбачёв, а Горбачёва сбросил Ельцин. И мы всем последующим вождям верили. В нашей стране были только отдельные личности, которые всё зло видели не в воздействии отдельных людей, а в самой системе тоталитаризма, когда подавляются права и свободы граждан. Такие, как Сахаров, Солженицын. Из-за своей закрытости и малоинформированности, и также мощной партийной пропаганды мы считали себя самыми счастливыми людьми в мире. У меня сомнения в правоте коммунистического строя стали возникать после посещения Крыма в 1976 году, где я воочию убедился в фарисействе властей. Политикой все мы, по крайней мере моё окружение, в те годы не интересовались. Партийные взносы платили аккуратно, выполняли партийные поручения, аккуратно посещали партийные собрания, на которых, как принято, решались производственные вопросы. Для руководителя было удобно через партийную организацию решать все вопросы жизни предприятия. И так было и катилось до горбачёвской «гласности». Гласность как бы разбудила народ. Мы вдруг поняли, как нас дурили. Люди не отходили от экранов телевизоров, когда транслировались выступления депутатов Верховного Совета ССР, наступала всеобщая эй-

фория. Руководители партийных органов были в шоке. Ведь партия довлела над всем. На предприятиях и в организациях власти партии не ощущалось, хозяином, как правило, был руководитель, а вот начиная с райкома и выше – партия. Всеми это воспринималось как должное. И вот, подал пример Ельцин на съезде, все поняли, что с партией можно не считаться. К примеру, наша партийная организация, в которой насчитывалось более восьмидесяти человек, приняла решение в 1990 году половину партийных взносов оставлять себе (я был в то время по совместительству секретарём партийного бюро). К нам зачастили инструкторы горкома, которые до этого ни разу у нас не были. Даже потребовали провести собрание на эту тему, но коммунисты стояли на своём. Меня даже пугали, но это ещё больше укрепило нас в своей правоте. Из оставленных в тот год денег, по решению партийного бюро, мы часть перевели в детский фонд, наградили наиболее активных членов партии, выделили ветеранам Великой Отечественной войны на 9 мая. В начале 1991 года в партийной организации нашего управления осталось чуть более десяти человек. остальные, и я в том числе, покинули стройные ряды коммунистов, а после путча 1991 года, как известно, партийные организации на предприятиях были ликвидированы. Райкомы, горкомы разогнали. Народ ликовал.

И вот наступило время, когда сегодня, да и не только сегодня все ключевые посты постепенно опять захватывают те, кто довел страну до нищеты. Хотя виноватыми во всём считают демократов. Но разве демократов в провинции допустили к власти? Нет. У власти остались те же коммунисты, только переменили таблички на кабинетах. Лишь одиозные фигуры, такие как первый секретарь Марийского обкома КПСС Посибеев и первый секретарь Йошкар-Олинского горкома КПСС Матвеев не нашли в своё время место у «демократического пирога». И вот – «танк» вернулся. Что будет дальше? Неизвестно.

Когда диссидент Буковский в 1990 году призывал отлучить

партократию от власти и не допускать к управлению и выборным должностям, многие это восприняли как посягательство на личную свободу. А теперь дождались – они снова берут власть в свои руки – круг замкнулся. Теперь они выступают под патриотическими знамёнами в защиту матушки России, консолидируясь с фашистами.

Я был ярым приверженцем Ельцина, но после октября 1993 года, когда был расстрелян «Белый дом» прямой наводкой и, особенно, после нападения на Чечню, рейтинг Ельцина в моих глазах дошёл до нуля. Постоянно слушая радиостанцию «Свобода» и читая газету «Московские новости» и сравнивая это с передачами официального радио и ТВ, я ещё и ещё раз убеждаюсь, что политика – это грязное дело и дезинформация идёт с экрана телевизора, многие люди этому верят.

Это же самое творится в Крыму. Переехавшие в Крым татары властями были брошены на произвол судьбы, в объятия мафии и рэкета. Но времена сейчас уже другие. Крымские татары уже не надеются на защиту властей и сами готовы защищать свою честь и свободу. Не дай Бог Крыму превратиться во вторую Чечню. Есть слухи, что спецназ Украины и крымская мафия вынашивают планы расправы над татарами, их насильственного выдворения. Многострадальный народ, но он закалился в борьбе за своё существование и сейчас вряд ли удастся нам легко справиться. Татарам пытаются инкриминировать захватнические националистические черты. Еще с давней исторической поры среди русского народа ходило мнение как о народе, состоящем сплошь из разбойников. Оно было вызвано вооружённой борьбой, которую русский народ испокон века вёл с южными соседями. На деле вопрос гораздо сложнее. Кратковременные, хоть и кровопролитные набеги крымских татар ни в какое сравнение не идут со стабильной, осознанной экспансионистской политикой «проникновения и присоединения», которую русские цари вели по отношению как к Западу (войны с Литвой и Польшей), к югу (войны с крымским

ханством и Кавказом), как и с Востоком (завоевание Казанского, Астраханского и Сибирского ханства) и Средней Азии. Русь так притесняли другие народы, что она, защищаясь, была вынуждена раздвинуть свои границы от Балтийского моря до Тихого океана и от Северного ледовитого океана до Чёрного моря. Имперские замашки сохранились и сейчас в сознании многих русских после распада СССР, вот почему сегодня свободно разгуливают молодчики со свастикой на рукаве. Европа переболела этой страшной болезнью и органически отторгает фашизм и нацизм, мы же обычно учимся на своих ошибках, чужой опыт нам не указ. Многим нужна сильная рука и «Великая Россия» на страх врагам, пусть даже при полуголодном существовании простого народа.

Недавно я прочитал стихотворение Юнны Мориц «Неуязвимость», которое мне понравилось за тонкое определение постперестроечного времени, и я хочу его привести в этих записях.

Пытали, грабили, казнили, —
Чтоб окровавленным скребком
Очистить родину от гнили
И всю планету — целиком!
И были целые народы
На гибель согнаны, как скот, —
Во имя счастья и свободы
Огнём очищенных пустот.
А вот и счастье — срок расплаты
Истёк! И ныне без забот,
Ни в чём таком не виноваты
Костей дробители, ногтей,
Разрубщики людского мяса,
Вождей похабных денщики,
А мы их пенсий, сберкасса,
Мы, недобитые щенки,
От счастья пашем, пишем, пляшем

Платя за их геройский труд,
Чтоб хорошо убийцам нашим
Жилось, покуда не помрут.
А вот они, в кровавых пенах,
Свободы, выстраданный плод, –
Вопит на площадях и сценах,
Никто не затыкает рот,
Из-за крамольной писанины
Никто не гонит в лагеря,
У многих – сердца именины,
У других – «большая пря».
И от невинных убиенных
От леденяще откровенных творений
Капает в казну.
Иссякли сроки для расплаты,
Палач и жертва виноваты,
А вот и – «Эх, споём, ребята,
Кончай дебаты и возню!»

Об этом мечтают, я думаю, и говорят многие.

СОНЪ СЁЗ ЕРИНЕ

Марий Элден фаркълы дуйгъуларнен къайттым. Бир тарафтан бу къадар инсаннен корюшкеним-танышкъаныма сеиндим, дигер тарафтан бу къадар къырымтатары аля даа сюрюнлик ерлеринде къалып кеткенлерине ичтен мугъайдым. Анда олдыгъым къыска вакъыт ичинде даа бир къырымтатарынынъ дженазесине расткельдим. Даа бир семетдешимиз гъурбет топракъларында джыйылды...

Табиий ки, бир бучукъ афта ичинде Марий Элнинъ эпси ерлерине барып оламадым, даа чокъ къырымтатарларынен корюшмеге фурсат тапалмадым. 75 йыл ичинде Марий Элге къырымтатарларнынъ такъдирини огренмек ичюн баргъан ильк журналист мен олгъаныма эм гъурурландым, эм кедерлендим. Советлер зулумынынъ нидже къурбанлары булунгъан о ерлерде онларнен-юзълернен экспедициялар, араштырмалар япыла, мезарлыкълар тертипке кетириле, хатыра ташлары къоюла. Ве тек биз бу буюк иштен кенарда къалдыкъ. Даа лек чокъ иш япыладжакъ. Бу китап шу ишлернинъ ильк адымыдыр...

МУНДЕРИДЖЕ СОДЕРЖАНИЕ

Джеппар АБЛЯЗОВ

«Тамырларым – Отуздан, догъдым – Тулада»7

Осман ХАЯЛИ

«Мисхордаки эвимни сагъынам»9

МЕМЕТ ДЖЕЛЯЛОВ

«Кочюрюв ич кимсени аджымады»15

НУРИ БАЙРАМОВ

«Дегирменкоюмнинъ эр бир ташы акъылымда»18

Сайде ДУРСУН

«Анамны партизанларгъа ярдым эткени ичюн немселер
атты. Советлер исе бизни ве бабамны сюрдюн
этти»20

Муневер ДУРСУН

«50 йыл МАРБУМда чалыштым»24

ИНАЕТ ДЖУМАЕВА (Аблязова)

«Бабамнынъ козьяшлары ич къурумады»25

ГУЛЬШАН КИЯ ВЕ ТАХИР СИРАЗУТДИНОВ

«Биз, къырымлыларны, зонада къапалы туттылар» ...29

ТАЛИП ТАЛИПОВ

«Анам Уркустаны саатлернен тариф эте эди»32

МУРВЕТ ГЪАНИЕВА

«Севимли Ялтама къайтмагъа истейим»35

Энвер ЛАМПОВЩИКОВ

«Сюргюнлик олмаса эди, мен Алупкада догъар эдим»38

Профессор САНУКОВ К. Н.

«Къырымтатарларгъа нисбетен акъсызлыкъны таа балалыгъымда корьдим»40

К. Н. САНУКОВ

Крымские татары – спецпоселенцы в Марийской АССР
В 1940-1950-е годы 44

**Крымские татары – жертвы политического террора
по Республике Марий Эл**67

Найле ИБАДЛАЕВА-ЛЕВЕНШТЕЙН

«Бабамны «халкъ душманлары» сырасына
къоштылар»72

Абхаир АБКЕЛЯМОВ

Кетер эдим Къырымгъа, къошулыр эдим джемааты-
ма!»76

Урмус МУХТАРОВА

«Кефинлигимни пичеджек-тикеджек киши къалмады
мында...»81

МАВИЕ ДЖЕЛИЛОВА

«Мен Кучюк Озенбашлым!»83

Зера ДЕМИРДЖИ-ВИШНЯКОВА

«Къартбаам сюргюн этильген сонъ текрар джезагъа
огъратылгъан»85

Февзи КЕРИМОВ

«Анам-бабамны Багъатырдан санки айван киби
айдап кетиргенлер!»87

Венера ДЖЕЛЯЛОВА

«Дженнет багъчасында оськен гуль бу сувукъта
осерми?»90

Николай АРАКЧЕЕВ	93
Инесса КУЛЯЖЕВА	
«Бу ерлердеки эпси тар демирёллары къырымтатарларнынъ мезарлыгыдыр»	94
Ольга САВИНОВА	
«Сюргюн этильгенлернинъ икяелерини динълемек агыр, инсан даяналмаз»	95
Е. А. ПОПОВА	
«Принять меры к улучшению условий»	97
Р.Д. КУРТСЕИТОВ	
Долгий путь возвращения на родину в Крым	105
Р. Юлдашев, К.Н Сануков	
«Депортированные крымские татары в Республике Марий Эл»	122
Надир БЕКИРОВ	
Койдешлер в Аблеше и в Марий Эл	133
Руслан ХАЙРЕДИНОВ	
Трагедия не только моего народа	150
СОНЪ СЁЗ ЕРИНЕ	222

ЗЕРА БЕКИРОВА

БУЛЬБУЛЛЕР ОТЬМЕГЕН ДАГЪЛАРДА...

Дизайн и вёрстка: Зера Аким

ISBN 978-5-907263-38-3

9 785907 263383 >

*Подписано в печать 18.08.2020
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная 70 г/м2.
Печать офсетная. Гарнитура Arial. Усл. печ. лист 13,02.
Тираж 300 экз. Заказ № 194.*

*Отпечатано с оригинал-макета заказчика
на полиграфическом оборудовании ООО «Форма»*

*ООО «Форма»:
295034 Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, пр. Кирова, д.34, оф.13
+7 (978) 725 35 78; Formacrimea@gmail.com*

*Свидетельство о внесении сведений о юридическом лице
в Единый государственный реестр юридических лиц
серия 23, № 008846168 от 10.11.2014 г.*

ЗЕРА БЕКИРОВА

БУЛЬБУМЕР ОТЪМЕГЕН ДАГЪЛАРДА...

